

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы.

1. Перед лицом глобального лидерства

Самочинная коронация президента США в качестве первого глобального лидера была историческим моментом, хотя и не отмеченным особой датой в календаре. Произошло это вслед за развалом Советского Союза и прекращением холодной войны. Американский президент просто начал действовать в своем новом качестве без всякого международного благословения. Средства массовой информации Америки провозгласили его таковым, иностранцы выразили ему свое уважение, и визит в Белый дом (не говоря уже о Кэмп-Дэвиде) стал апогеем в политической жизни любого иностранного лидера. Поездки президента за границу приобрели все имперские атрибуты, затмевающие по своим масштабам и мерам безопасности выезды любого другого государственного деятеля.

Эта коронация де-факто была менее импозантной и, тем не менее, более значительной, чем ближайший исторический прецедент подобного рода – провозглашение в 1876 году британским парламентом королевы Виктории императрицей Индии. На блистательной церемонии, проведенной через год после этого в Нью-Дели и ставшей событием, символизирующим уникальный мировой статус Великобритании, присутствовали, как об этом было официально объявлено, «князья и представители высшей администрации и индийской знати, в лице которых великолепие прошлого соединялось с процветающим настоящим и которые столь достойно служили величию и стабильности великой империи». С тех пор выражение «солнце над Британской империей никогда не заходит» стало гордым рефреном преданных служителей первой глобальной империи.

Военные операции и развертывание вооруженных сил США после окончания холодной войны

1989 – Операция «Справедливое дело»

1989 – Андская инициатива в войне с наркотиками

2001 – операция «Несокрушимая свобода»

1998 – операция «Длинные руки»

1994 – операция Возвращение «Аристиды»

1996, 1998 и 2003 – эвакуация и обеспечение безопасности посольства США

1995 – операция «Обдуманная сила»

1999 – – операция «Союзнические силы»

1991 – операции «Щит пустыни» и «Лис пустыни»

1998 – операция «Лис пустыни»

2003 – операция «Свобода Ирака»

1995–1996 – кризис в Тайваньском проливе

1992–1995 – операция «Возрождение надежды»

Крупные боевые, военизированные 10000 человек и более или миротворческие операции

1000 человек и более

100 человек и более

Увы, верноподданные льстецы недооценили, сколь переменчива может быть история. Руководствуясь больше имперской спесью, чем историческим

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org предвидением, Британская империя менее чем за четверть века запуталась в саморазрушительном и происходившем далеко от нее конфликте. Две последовавшие одна за другой англо-бурские войны, которые дискредитировали «либеральную» Британскую империю, дали Гитлеру образец концентрационных лагерей и тюрем для пленных на отдаленных островах, принадлежащих Великобритании, вовлекли британскую армию в затяжную партизанскую войну и привели к политическому расколу и финансовой напряженности в самом центре империи. Затем последовали две опустошительные и изматывающие мировые войны, и вскоре после этого великая империя стала всего лишь младшим партнером занявших ее место Соединенных Штатов Америки.

Возведение Америки в ранг мирового лидера в некотором отношении напоминает коронацию императора Наполеона, который выхватил имперскую корону из рук папы и возложил ее на собственную голову, увидев в себе избранника истории, направляющего революционное пробуждение французских масс на путь великой реконструкции Европы. Свобода, равенство, братство нужно было навязать всем европейцам силой, независимо от того, хотят они этого или нет. И примерно десятилетие спустя после того, как президент США провозгласил, что исторической миссией Америки (и его собственной) становится ускорение трансформации – ни много ни мало – культуры и политики всего исламского мира. Все говорило о том, что новое столетие – это столетие Америки, и задача Америки состоит в том, чтобы сформировать его.

Симптоматично, что полтора десятилетия верховенства Америки стали периодом присутствия вооруженных сил США во всем мире, и они все чаще участвуют в военных действиях и операциях принуждения. Присутствуя на всех континентах и доминируя на всех океанах, Соединенные Штаты не имеют себе равного в политическом или военном отношении. Любая другая держава в это время была в сущности региональной.

И, так или иначе, большинство стран мира должны были жить, имея у себя под боком сухопутные или морские силы США (см. схему на с. 10–11).

Пятнадцать лет – всего лишь эпизод в масштабах истории. Но мы живем в то время, когда история ускоряет свое развитие темпами, невообразимыми еще несколько десятилетий назад. Поэтому сейчас уже не рано дать стратегическую оценку международной роли Америки в годы, прошедшие со времени (примерно в 1990-х годах), когда она стала единственной мировой сверхдержавой. Никогда еще прежде в истории не было, чтобы одна держава занимала столь верховенствующее положение. Поэтому для безопасности и благополучия не только самой Америки, но и для всего мира в целом жизненно важен вопрос, осуществляет ли Америка свое всемирное руководство ответственно и эффективно.

Помимо совершенно очевидной потребности в обеспечении своей собственной национальной безопасности, возвышение Америки до уровня самого могущественного государства в мире возложило на Вашингтон три главные миссии:

1. Руководить, направлять и формировать основные силовые отношения в мире меняющегося геополитического равновесия и возрастающих национальных ожиданий, с тем чтобы могла возникнуть глобальная система более активного сотрудничества.
2. Сдерживать или прекратить конфликты, воспрепятствовать терроризму и распространению оружия массового уничтожения и способствовать коллективному поддержанию мира в регионах, раздираемых гражданскими войнами, чтобы насилие в мире не распространилось, а шло на убыль.
3. Найти более эффективные решения проблем неравенства в сфере человеческих отношений, которое становится все более нетерпимым, сделать это в соответствии с новыми реальностями возникающего «глобального сознания» и побудить к совместным действиям в связи с новыми угрозами загрязнения окружающей среды и другими экологическими угрозами глобальному благополучию.

Каждая из этих задач существовала пятнадцать лет назад и сейчас продолжает сохранять свое масштабное значение. И все вместе они служат испытанием способности Америки быть мировым лидером.

Грандиозность этого исторического испытания неизбежно подводит к более

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
острому вопросу: как понимали реальность новой эры три первых глобальных лидера – президенты Америки Джордж Г. У. Буш, Уильям Дж. Клинтон и Джордж У. Буш? Руководствовались ли они историческим предвидением, и была ли адекватной проводимая ими стратегия? Какие их решения в области внешней политики были наиболее важными? Улучшили они или ухудшили положение в мире, и усилилось или ослабло положение самой Америки? И какие главные уроки для будущего должны быть извлечены из американского доминирования в мире в качестве первой глобальной сверхдержавы за пятнадцать прошедших лет?

В сущности, если говорить кратко, в центре внимания этой книги находятся одна сверхдержава, пятнадцатилетний период и три президента.

Но вытекающая из нее оценка не сводится лишь к критике. В дополнение к аналитическим погрешностям, связанным с возможными пробелами и сферой охвата, в книге сформулированы некоторые базисные стратегические выводы и фундаментальные тенденции, наблюдаемые в текущий момент истории, осознание которых полезно для будущих американских президентов. Даже самая могущественная сверхдержава мира может сбиться с правильного пути и поставить свое первенство под угрозу, если ее стратегия окажется неверной, а ее понимание мира ошибочным.

Более того, американцам необходимо спросить самих себя: руководствуется ли американское общество теми ценностями, а его правительство действует ли таким образом, которые соответствуют эффективному и долговременному глобальному лидерству? И понимают ли они смысл самого исторического момента, когда их страна оказалась в роли глобального лидера? Эти жизненно важные вопросы ставятся в заключительной главе, следующей за критическим обзором происходивших событий. В этой главе извлекаются уроки из недавнего прошлого, содержатся размышления о том, что может произойти, и формулируются основные принципы, которые должны направить Америку на успешное выполнение своего исторического предназначения.

Таким образом, эта книга содержит субъективные утверждения. В ней не рассматривается в деталях ход истории, хотя и дается обзор событий, необходимый для того, чтобы ответить на изложенные выше вопросы. Моя личная оценка вытекает также из моего опыта в политике и в анализе международных событий в качестве заинтересованного наблюдателя. В ней нашли отражение некоторые из моих прежних суждений, но одновременно в них вносятся изменения в свете полученного опыта.

Хотя эта книга дает общую критическую оценку как положительных результатов, достигнутых Америкой, так и неудач, имевших место в ходе выполнения Америкой новой роли, в ней уделяется особое внимание руководящей деятельности трех президентов. И своей новой глобальной роли именно они персонифицировали и воплощали в конкретных делах особый статус Америки в современном мире, и именно они принимали окончательные решения.

Но поскольку их успехи и неудачи являются также успехами и неудачами страны, последствия этих решений означают значительно больше, чем просто отчеты о деятельности трех центральных действующих лиц. В конечном счете, речь идет о результатах, достигнутых Америкой в положении глобального лидера.

Лидерство – частично вопрос характера, частично интеллекта, частично организации, а частично того, что Макиавелли называл «фортуной» – понятие, выражающее мистическую взаимосвязь судьбы и случая. В системе США с ее разделением властей внешняя политика является той сферой, в которой президенты обладают самой большой свободой действий. Нигде слава, помпезность и власть президента не ощущаются столь сильно, как в международных делах. Каждого президента захватывает и пленяет то, что он обладает такой уникальной властью и уникальным доступом к информации, которыми кроме него не обладает никто. И конечно, есть особая привлекательность, если это государственный деятель глобального масштаба, а тем более – самый влиятельный в мире.

Тем не менее, президенты в различной степени вовлечены в эту деятельность. Некоторые уделяют внешним делам основное внимание, хотя редко говорят об этом. Они обычно во многом полагаются на своих советников по национальной безопасности и повышают их роль. Эти люди всегда у президента под рукой, встречаются с ним по нескольку раз в день и помогают формировать перспективные планы. Совет национальной безопасности (СНБ) пользуется

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org поэтому особым статусом в Белом доме в качестве исполнительного инструмента президентской воли в обеспечении интересов страны и в общении с внешним миром.

Другие президенты, считающие, что главной сферой их деятельности являются внутренние дела, полагаются в международных вопросах на своих государственных секретарей. Госсекретарь, таким образом, получает большую свободу действий в формировании политического курса и в команде президента, занимающейся внешней политикой, и играет роль «первого среди равных». Советник по вопросам национальной безопасности становится в этом случае управляющим директором администрации и координатором политики, в то время как президент больше склонен полагаться на мнение госсекретаря и его департамента. Президент Никсон и его советник по вопросам национальной безопасности Киссинджер относились к первой категории, при главенствующей роли Совета национальной безопасности, работающего под непосредственным руководством президента, а президент Форд и госсекретарь Киссинджер – ко второй, с Государственным департаментом, приобретшим ведущую роль. Президент Картер (несмотря на его вначале ограниченный опыт в международных делах) также был в первой категории, возвысив СНБ, тогда как президент Рейган, назначив руководителем Совета сначала генерала Александра Хейга и затем Джорджа Шульца, совершенно определенно делегировал вопросы внешней политики своему государственному секретарю.

Совершенно ясно, что все эти комбинации не представляют какие-то особые системы, но они помогают нам лучше понять различие стилей руководства внешней политикой. Джордж Г. У. Буш, первый глобальный лидер, стал президентом, имея значительный опыт в международных делах, так как прежде возглавлял неофициальное посольство США в Китайской Народной Республике, был представителем США в ООН и директором ЦРУ. Он знал, что он хочет делать, и избрал своим советником по вопросам национальной безопасности человека, разделявшего его взгляды и способного быть опытным и эффективным «вторым я» самого президента, а к тому же еще бывшим и другом его семьи.

Второй глобальный лидер – Билл Клинтон не имел опыта в международных делах. Он стал главой администрации, не имея ясного представления о новой американской роли в мире и, как он сам подчеркивал во время избирательной кампании, считал, что пришло время отказаться от недостаточного внимательного отношения к внутренним делам Америки. Сначала внешняя политика была у него на втором месте, и в течение его первого президентского срока ни один из двух ключевых внешнеполитических постов – ни пост советника по национальной безопасности, ни пост государственного секретаря не был занят теми, кто склонен доминировать в разработке стратегической линии.

Во время второго президентского срока Клинтона внешняя политика совершенно определенно стала более важным направлением президентской деятельности. Оба ключевых поста заняли политически более активные фигуры, а сам президент стал принимать непосредственное участие в проведении внешней политики, не позволяя ни одному из советников играть доминирующую роль. Иногда такая организационная сбалансированность, отличавшаяся от обеих указанных выше моделей, отражалась на качестве разработки стратегического курса.

Третий глобальный лидер, Джордж У. Буш, первое время был склонен доверить внешнюю политику признанной национальной фигуре, генералу в отставке, в свое время рассматривавшемуся многими в качестве привлекательного кандидата на пост президента. Таким образом, казалось, что Буш склоняется ко второй модели. Но это продолжалось недолго. События 11 сентября, имевшие место уже в течение первого года его первого президентского срока, вывели президента из состояния внешнеполитической летаргии. Центр, генерирующий политику, переместился в Белый дом, где доминирующую роль должен был играть не советник по вопросам национальной безопасности, а вице-президент и группа высокопоставленных сотрудников Белого дома и министерства обороны. Они имели свободный доступ к президенту и помогали ему пересматривать политику в качестве главнокомандующего «страной, ведущей войну».

Эта модель сохранялась и в течение второго президентского срока Буша. Замена первого при Буше государственного секретаря Колина Пауэрса Кондолизой Райс, занимавшей во время первого президентства Буша пост советника по национальной безопасности, повысила роль Государственного департамента в системе принятия внешнеполитических решений, в которой на стратегическом уровне доминирующее положение все еще продолжала занимать та же самая группа официальных лиц. Они отреагировали на 11 сентября тем, что

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org убедили президента в необходимости выполнения им личной исторической миссии чуть ли не религиозного значения.

Так выглядит в общих чертах бюрократический контекст, в котором формировалась политика США с момента возвышения Америки до уровня государства, стоящего в мире над всеми другими государствами. В результате роль президента в сфере национальной безопасности чрезвычайно возросла и возникли серьезные и весьма спорные конституционные последствия.

Каждый из трех президентов Америки со времени ее победы в холодной войне был самым важным игроком в самой важной мировой игре, и каждый играл свою роль, избирая свой собственный и путь. Достаточно сказать, что глобальный лидер № 1 был наиболее опытным и искусным в дипломатии, не имевшим, однако, какого-либо четкого плана действий в очень необычный момент исторического значения. Глобальный лидер № 2 был наиболее ярким и футуристически мыслящим, но ему не хватало стратегической последовательности, чтобы использовать мощь Америки. Глобальный лидер № 3 обладал сильным природным чутьем, но не знал всей сложности глобальных проблем и был склонен к догматичным формулировкам.

Ниже в конспективном плане дается краткое резюме, обобщающее фундаментальные изменения, произошедшие в глобальной среде в течение первых пятнадцати лет беспрецедентного американского первенства. Эти события являются той основой, на которой будет оцениваться деятельность первых трех американских глобальных лидеров в последующих главах книги. Приводимый ниже перечень в предельно сжатой форме отражает возможности, которыми располагала Америка, и действия, ведущие к все более сложному кризису, перед которым в настоящее время стоит американская сверхдержава.

Десять главных поворотных точек в 1990–2006 годах

Следующие ключевые события меняют мировую систему.

1. Советский Союз вынужден уйти из Восточной Европы и находится в состоянии распада. Соединенные Штаты стоят на вершине мира.
2. Военная победа США во время первой войны в Персидском заливе не принесла политических результатов. Мир на Ближнем Востоке не достигнут. Враждебность исламистских сил по отношению к США начинает нарастать.
3. Происходит расширение НАТО и Европейского Союза на Восточную Европу. Атлантическое сообщество становится доминирующим фактором на мировой арене.
4. Создание Всемирной торговой организации, новая роль Международного валютного фонда с его резервным фондом и развернутые антикоррупционные мероприятия Всемирного банка представляют собой систему институтов и мер, институционно оформляющих глобализацию. «Сингапурские проблемы» становятся основой «раунда Дохи» в переговорах под эгидой ВТО.
5. Финансовый кризис в Азии заложил основу для возникновения восточноазиатского регионального сообщества, характер которого будет определяться либо доминирующим! ролью Китая, либо конкуренцией между Китаем и Японией. Вступление Китая в ВТО способствует возвышению Китая и превращению его в ведущего глобального экономического игрока и центр региональных торговых соглашений с политически напористыми и нетерпеливыми более бедными странами.
6. Две чеченские войны, участие НАТО в косовском конфликте и избрание Владимира Путина президентом усиливают авторитарную и националистическую тенденцию в России. Россия использует свои нефтяные и газовые ресурсы, чтобы занять прочные позиции энергетической супердержавы.
7. Пользуясь снисходительно-либеральным отношением со стороны Соединенных Штатов и других государств, Индия и Пакистан бросают вызов мировому общественному мнению, стремясь стать ядерными державами. Северная Корея и Иран усиливают свои маскируемые попытки создать собственный ядерный потенциал при непоследовательных и слабых попытках США побудить их к самоограничению.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
8. События 11 сентября 2001 года повергли США в состояние страха и подтолкнули к проведению односторонней и жесткой политики. Соединенные Штаты объявили войну террору.

9. Атлантическое сообщество раскололось по вопросу войны США в Ираке. Европейский Союз не сумел выработать свою собственную линию или программу.

10. Всеобщее впечатление, возникшее после 1991 года о глобальном военном всемогуществе США, и иллюзии Вашингтона о силе Америки были поколеблены неудачами США в побежденном ими Ираке. Соединенные Штаты признают необходимость сотрудничества с Европейским Союзом, Китаем, Японией и Россией по основным вопросам глобальной безопасности. Ближний Восток становится испытанием решимости США сохранить свое мировое лидерство.

Действующие лица

По уже объясненным причинам, в последующих главах книги три президента США упоминаются по имени, в то время как их главные советники часто фигурируют только как официальные лица по выполняемым ими функциям, которые указаны в приведенном ниже списке.

Главные действующие лица:

Джордж Г. У. Буш Президент Соединенных Штатов 1989–1993 Глобальный лидер № 1.

Билл Клинтон I Президент Соединенных Штатов 1993–2001 Глобальный лидер № 2.

Джордж У. Буш Президент Соединенных Штатов 2001–2009 Глобальный лидер № 3.

Ключевые советники:

Администрация Буша Первого

Советник по национальной безопасности: Brent Скоукрофт 1989–1993.

Государственный секретарь: Джеймс Бейкер 1989–1993.

Министр обороны: Ричард Чейни 1989–1993.

Администрация Клинтона

Советник по национальной безопасности: Энтони Лейк 1993–1997.

Государственный секретарь: Уоррен Кристофер 1993–1997.

Министр обороны: Лес Аспин 1993–1994.

Министр обороны: Уильям Перри 1994–1997.

Советник по национальной безопасности: Сэнди Бергер 1997–2001.

Государственный секретарь: Мадлен Олбрайт 1997–2001.

Министр обороны: Уильям Коэн 1997–2001.

Администрация Буша Второго

Советник по национальной безопасности: Кондолиза Райс 2001–2004.

Государственный секретарь: Колин Пауэлл 2001–2004.

Министр обороны: Дональд Рамсфелд 2001–2006.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Советник по национальной безопасности: Стивен Хэдли 2005–2009.

Государственный секретарь: Кондолиза Райс 2005–2009.

Министр обороны: Роберт Гейтс 2006–

2. Туманы победы

(и противоречивые оценки истории)

История может быть сведена к фарсу, особенно если это отвечает целям политики. После окончания холодной войны, наступившего неожиданно и столь внезапно, миллионам американцев неоднократно говорили, что поражение советского коммунизма было делом всего лишь одного человека. В своем простейшем выражении такое толкование истории могло бы напомнить волшебную сказку, ну, например, такую: Однажды на Планете Земля существовала Империя Зла, стремившаяся к глобальному доминированию. Но, столкнувшись с принцем Рональдом из Республики Свободы, Империя отпрянула в ужасе и через короткое время – 26 декабря 1991 года ее кроваво-красный флаг был спущен на башне бастиона Кремлевского замка. Империя Зла униженно признала свое поражение, а Республика Свободы с тех пор зажила счастливую жизнью.

Было, однако, не совсем так. И менее романтическое изложение того, что случилось, необходимо в качестве отправного пункта для понимания новых трудных для интерпретации дилемм, с которыми столкнулась Америка, оказавшись на волне своего стремительного возвышения до положения единственной сверхдержавы мира.

Поражение Советского Союза было результатом сорокалетиях двухпартийных усилий, предпринимавшихся в течение президентства Гарри Трумэна, Дуайта Эйзенхауэра, Джона Кеннеди, Линдона Джонсона, Ричарда Никсона, Джеральда Форда, Джимми Картера, Рональда Рейгана и Джорджа Г. У. Буша. Каждый американский президент по-своему внес существенный вклад в такой исход дела. Но делали это и другие фигуры – такие, как Папа Иоанн Павел II, лидер польского движения «Солидарность» Лех Валенса и инициатор разрушительной перестройки советской системы Михаил Горбачев.

Иоанн Павел II зажег огонь духовной энергии в политически задавленной Восточной Европе, раскрывая людям пустоту идеологической обработки, проводившейся коммунистами в течение десятилетий. В поисках путей динамичного оживления советской системы Горбачев неожиданно для самого себя вывел на поверхность основные противоречия стерильного бюрократического тоталитаризма. И что еще хуже для советской расшатанной диктатуры, он дал свободу диссидентскому движению, воздержавшись от сталинских репрессий. Движение «Солидарность» в Польше почти в течение десятилетия успешно выстояло введенное коммунистами военное положение и добились политического компромисса, завершившегося концом коммунистической монополии на власть, что, в свою очередь, ускорило перемены в соседних Чехословакии и Венгрии и закончилось кульминационным разрушением Берлинской стены.

Чрезвычайно важно, что несколько президентов США разделяли общее понимание длительное время нависавшей угрозы, которую представлял собой советский коммунизм. Они удерживали советский режим от применения военной силы в целях расширения своего господства, навязывая ему соперничество в политической и социально-экономической сферах, где Советский Союз находился в невыгодном для себя положении. Дуайт Эйзенхауэр укрепил альянс НАТО. Джон Кеннеди решительно отразил попытки Кремля добиться стратегического прорыва как во время берлинского, так и кубинского кризисов в начале 60-х годов. Он также запустил драматическую гонку за лидерство в полете на Луну, которая отвлекла советские ресурсы и лишила Советский Союз потенциально возможного идеологического и политического триумфа. Материалы недавно открытых советских архивов показали, с какой решимостью советские лидеры готовились победить Америку в этой гонке, как велика была их политическая уверенность в ее исходе и какой огромный переворот вызвал американский успех в мировой оценке советского технологического превосходства в период, наступивший после запуска спутника.

Провал американских военных усилий во Вьетнаме и возникшее в связи с этим

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org стремление сократить военные расходы побудили президента Никсона искать пути к достижению разрядки в отношениях с Советским Союзом на базе признания статус-кво. Но вскоре другой президент – Джимми Картер развернул кампанию в защиту прав человека, которая в соединении с духовным призывом Иоанна Павла II загнала советскую систему в идеологическую оборону. Картер также возобновил и технологические усилия США в военной области. После вторжения русских в Афганистан он стал первым президентом за все годы холодной войны, который предоставил вооружение тем, кто воевал против Советов, и одновременно стал создавать инфраструктуру для военного присутствия США в Персидском заливе. Вслед за Картером Рональд Рейган четко и более откровенно бросил вызов советским устремлениям во всех сферах и проводил свою линию с политической решимостью, обратившись ко всему миру с широким и эффективным призывом. Все эти действия в совокупности способствовали тому, что проводимая Горбачевым перестройка перешла в общий кризис советской системы. Преемник Рейгана Джордж Г. У. Буш, который с дипломатическим искусством использовал ситуацию крушения коммунизма, стал тем, кому досталось пожинать ее исторические плоды.

И все же через пятнадцать лет после того, как пала Берлинская стена, Америку, в то время гордую и вызывавшую во всем мире восхищение, теперь повсюду встречают открытой враждебностью, ее легитимность и доверие к ней рушатся, ее вооруженные силы увязли в болоте новых «глобальных Балкан», простирающихся от Суэца до Синьцзяна (см. схему на стр. 135), ее прежние верные союзники дистанцируются от нее, и опросы мирового общественного мнения свидетельствуют о широко распространенной враждебности по отношению к Соединенным Штатам. Почему?

Неясные ожидания

К 2006 году было трудно вспомнить благоприятные возможности, которыми могла воспользоваться Америка накануне XXI века. Кровавое состязание XX века за мировое господство – самый жестокий и смертоносный конфликт в истории – только что завершился в результате двух эпических противоборств.

Капитуляция нацистской Германии и имперской Японии, соответственно в мае и августе 1945 года, стали финалом самой дикой попытки добиться глобальной гегемонии прямой силой оружия. А почти через полвека, в конце декабря 1991 года, спуск красного флага над Кремлем стал сигналом не только развала Советского Союза, но и концом упорствующей в своей неправоте идеологии, также стремившейся к глобальному доминированию.

Май 1945 года уже обозначил новую позицию Америки в качестве главной демократической державы мира; декабрь 1991 года утвердил Америку как первую в мире подлинную глобальную державу. Парадоксально, что разгром нацистской Германии повысил международный статус Америки, хотя она и не сыграла решающей роли в военной победе над гитлеризмом. Заслуга достижения этой победы должна быть признана за сталинистским Советским Союзом, одиозным соперником Гитлера. И напротив, роль Америки в политическом поражении Советского Союза была действительно центральной.

По крушение Советского Союза не было ни столь четко обозначенным, ни столь внезапным, как капитуляция нацистской Германии и имперской Японии. Оно было беспорядочным, затянувшимся, проблематичным в смысле возможных последствий, вызванным противоречивыми причинами, и двусмысленным по своим проявлениям. Даже само переименование Советского Союза в Содружество Независимых Государств вызывало вопросы. Было ли это «Содружество» лишь новым названием старой российской имперской системы или новая империя, которая управлялась столь длительное время из Кремля, действительно распалась?

Усиливало неопределенность и то, что дискредитация советского коммунизма и дезинтеграция Советского Союза не могли быть объяснены лишь одной причиной или обозначены точной датой. Декабрь 1991 года был по существу символической датой, кульминацией целой серии событий, неудач, ошибок и действий, как внутренних, так и внешних, которые, сложившись вместе, разнесли все более загнивавшее сооружение, догматически претендовавшее на непобедимость и историческую неизбежность. Только позднее мир оказался в состоянии полностью оценить геополитическое и идеологическое значение этого тектонического разлома.

Последствия произошедшего, столь явственно видимые в 1945-м, не были столь ясными в 1991-м. В 1945 году возможности, принесенные победой, были наивно охарактеризованы как нечто, по словам Франклина Делано Рузвельта, означающее «один мир», хотя это нечто уже было разделено на два лагеря. От радости, что пришел конец кровавой бонне, и от надежд на всеобщий мир люди буквально танцевали на улицах. Четыре с половиной десятилетия спустя их реакция была менее ясной. В столицах победоносного Атлантического союза не было танцев на улицах, когда распался Советский Союз. Конечно, еще до этого проявлялась радость в новой Варшаве, освободившей сама себя, а позднее – в Праге и Будапеште и во вновь воссоединенном Берлине, но Запад выражал скорее чувство облегчения, нежели энтузиазма.

Усложняло официальное восприятие событий и сдерживало ожидания людей то, что к концу холодной войны мир, который приняла Америка накануне XXI века, не находился в состоянии покоя и подлинного мира. Избавившись от призрака третьей глобальной войны между двумя возглавлявшими два лагеря сверхдержавами, вооруженными до зубов ядерным оружием, мир обратился к более узким заботам. Он стал более чувствительным к усиливающимся националистическим страстям и этнической нетерпимости, более склонным погружаться в эгоистическое удовольствие традиционных антагонизмов и религиозное неистовство. Таким образом, конец холодной войны не только возбудил надежды; он также разжег новые страсти, менее масштабные по сути, но более примитивные по своим побуждениям.

Тем не менее, возможности, которыми фактически располагала Америка, были гораздо большими, чем в 1945 году, хотя и менее ясными. Американская держава не имела себе равного соперника; никакая угроза не исходила больше для нее ни с западного, ни с восточного, ни с южного фронта великой холодной войны на огромной шахматной доске Евразии. Европа в 1991 году, хотя все еще и полуразделенная, активно «атлантизировала» себя. Ее западная часть была прочно привязана к США узами НАТО, в то время как восточная, только что освободившись от советского доминирования и снова став Центральной Европой, жаждала допуска в привилегированное и во многом идеализированное ею Евроатлантическое сообщество. Воссоединение Германии происходило в атмосфере восторгов от выхода из-под опеки и одновременно серьезном недооценки долговременных социальных трудностей и финансовых затрат.

Более того, Атлантический союз был примерно столь же сильным, как и всегда. На последнем этапе холодной войны, в 1989–1990 годах, имели место разногласия по поводу воссоединения Германии, когда в силу исторических причин ни Маргарет Тэтчер, ни Франсуа Миттеран не разделяли решения Джорджа Г. У. Буша и Гельмута Коля как можно скорее положить конец разделению страны. По этот вопрос не выходил на уровень общественного несогласия, и вскоре воссоединение Германии стало свершившимся фактом. То, что объединенная Германия в действительности будет означать конец франко-германского лидерства в возникающей новой Европе (в которой Франция имела возможность извлекать выгоду из раздела Германии), еще не было столь очевидным.

Более обещающим было общее состояние отношения между Америкой и Европой. Европейское сообщество последовательно углубляло свое единство, готовясь ввести общую валюту и стать обновленным и расширенным Европейским Союзом в атмосфере трансатлантической политической сердечности. Понятие атлантического партнерства выглядело как стратегическая реальность не только благодаря НАТО, для которой победа в холодной войне была сама по себе его историческим утверждением, но и распространялось на отношения между Соединенными Штатами и Европейским сообществом, выходя за географические границы Европы. Шли разговоры и о более масштабном партнерстве, которое придало бы конструктивное направление развитию мира, освободившегося от нависшего ужаса третьей мировой войны. Америка и Европа могли бы теперь совместно продолжать выполнять традиционную для Запада роль глобального руководства.

Такова была риторика времени, обещание исторического момента, манящая возможность будущего, которая полтора десятилетия спустя будет казаться отдаленной и нереальной. Подъем Азии все еще воспринимался как далекая перспектива, и главным кандидатом в Азии на ведущую роль была Япония, все чаще характеризующаяся как «западная» демократия и член трехстороннего клуба вместе с Америкой и Европой. Движение Европы в направлении еще большего единства порождало спекуляции относительно будущей мировой роли такого

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org союза, и французские геополитические стратеги занимались многообещающими проектами реставрации французско-европейского величия. Равенство с Америкой еще не воспринималось как предзнаменование отделения, и немногие тогда представляли себе сегодняшнюю Европу, увеличившую свое пространство, еще более отдаленной от Америки и в то же время беспомощной в глобальном смысле.

Эта возбуждавшая надежды новая реальность вряд ли была всеобщей. Советский Союз, бывший империей, испытывал острые приступы националистического сепаратизма, быстро приводившие к вспышкам этнического насилия. Дезинтеграция многонациональной Югославии была вызвана теми же причинами. Такие акты насилия, симптоматичные для этого времени, проводились от имени демократии и самоопределения, ассоциируемых с победоносной Америкой и часто провозглашаемых их приверженцами в надежде, что это вызовет симпатию и поддержку Соединенных Штатов.

Бывшие советские лидеры также были заняты собственным превращением в лидеров России или других новых независимых государств. Наиболее внушавшим доверие путем к завоеванию народной популярности для бывших коммунистических руководителей, особенно в Армении и Азербайджане, стали территориальные претензии к некоторым постсоветским соседям, подобным же образом ставшим новыми независимыми национальными государствами.

На Дальнем Востоке ни Китай, ни Япония еще не представляли собой серьезного вызова американскому влиянию и не подошли еще к грани регионального кризиса. Но они тщательно и вдумчиво оценивали новую глобальную ситуацию. Китай, все еще находившийся в начальной стадии своей поразительно продуманной и политически управляемой социальной трансформации, расширял сферу частной инициативы от сельского хозяйства до мелкой торговли и производства, а затем и до сферы крупномасштабной индустриальной деятельности, все еще плохо сознавая, что через пятнадцать лет он будет восприниматься потенциально как еще одна сверхдержава. Его главной государственной задачей было не допустить отделения Тайваня путем получения на это полной международной санкции. Геополитически Китай все еще пожинал плоды своего успешного, наполовину закрытого стратегического сотрудничества с Америкой и нанесении окончательного поражения советской агрессии в Афганистане. Китайско-американские взаимоотношения были гибкими и с американской точки зрения стратегически продуктивными.

Соседом Китая, едва соприкасающимся с дальневосточной границей распадающегося Советского Союза, был находящийся в изоляции северокорейский режим. Внезапно лишенный советской защиты и уже с огромным подозрением следивший за китайско-американской стратегической солидарностью, закрепленной совершенным за десять лет до этого советским нападением на Афганистан, диктаторский режим Северной Кореи исподтишка начинал искать доступ к обладанию собственным ядерным оружием.

Легко также забыть, насколько иначе виделась Америке пятнадцать лет назад та же Япония. Во второй половине 80-х годов прошлого века Япония считалась восходящим супергосударством. Покупка Японией Рокфеллеровского центра в Пью-Йорке вызвала в Америке опасения, что Япония очень скоро может занять место Америки в качестве самой жизнеспособной и инновационной экономической державы. Хотя такое беспокойство не отразилось на политике, оно, тем не менее, способствовало тому, что в сознании японской элиты все более укреплялась мысль, что место Японии в мире не может целиком определяться статьей 9 разработанной Америкой японской Конституции, приговорившей Японию к пацифизму, или Американо-японским договором об обороне. Этот договор, возлагающий на Америку обязательства обеспечивать оборону Японии, фактически превратил Японию в протекторат США, поскольку он не содержал взаимных обязательств Японии, касающихся обороны Америки, какие существуют в НАТО. Но в этом отношении положение складывается аналогичным образом, и Токио во все возрастающей степени признавалось частью нового трехстороннего партнерства с Соединенными Штатами и Европейским Союзом.

За советским поражением в Афганистане последовало прискорбное американское пренебрежение в отношении будущего этой страны, симптом более широкого безразличия к региону, который в течение десятилетия остается «глобальными Балканами» Америки, – огромная территория, простирающаяся от Суэца до Синьцзяна в Китае, раздираемая внутренними конфликтами и являющаяся зоной иностранного вторжения. Иран упорно стоит на позиции своей фундаменталистской враждебности к Америке и представляет потенциальную

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org региональную проблему, но его способность создать серьезную угрозу была подорвана длившейся почти десятилетие войной, развязанной Ираком. Среди иранской интеллигенции и молодежи имеют место проявления оппозиции религиозному экстремизму, дающие надежду на постепенную эволюцию в сторону более умеренного курса.

Исчезновение Советского Союза наиболее сильно отразилось на положении арабских стран, в особенности на положении Ирака и Сирии, которые опирались на советскую военную помощь и политическую поддержку в их враждебных действиях против Израиля. Лишившись своего стратегического покровителя, непримиримые арабские государства теперь пребывают в состоянии стратегической растерянности. Разумность игры Анвара Садата на условиях, предложенных Америкой, начатой Никсоном и доведенной до конца Картером, казалась признанной, и этот урок не прошел даром даже для Организации освобождения Палестины с ее ошибочной стратегией и близорукой тактической линией. Впервые за все время, прошедшее с момента посредничества Картера в Кэмп-Дэвиде в 1978 году, перспектива мира на Ближнем Востоке перестала быть миражом.

И наконец, в непосредственной близости от отчего дома кастровская Куба стала теперь стратегически изолированным аванпостом. Не являясь больше трамплином для революции на континенте, перестав быть наглядным свидетельством глубокого проникновения Советского Союза в сферу влияния США и даже утратив значение базы для более скромных региональных устремлений в Центральной Америке, кубинский режим теперь лишен своего главного союзника, своего спонсора, поставщика вооружений и субсидий. Кастро счел зачарованность Китая использованием прибыли в качестве стимула экономического развития идеологически подозрительной, и распад Советского Союза, казалось, подтвердил его страхи, что либерализация была крайне заразной инфекцией, которая должна быть подавлена в самом начале. Поскольку кастровская Куба больше не выглядит будущим латиноамериканской политики, самосохранение диктует самоизоляцию.

Окончание холодной войны изменило также представление о глобальной безопасности. По мере того как вероятность ядерной войны между двумя сверхдержавами быстро шла на спад, проблема распространения ядерного оружия стала по-новому настоящей, и международная договоренность относительно того, каким путем остановить его, по-видимому, стала более достижимой. В то время ни Северная Корея, ни Иран еще не выглядели претендентами на обладание ядерным оружием, которыми они стали позднее. Но отказ Индии от нераспространения был более чем подозрительным, и его заразительное влияние на Пакистан было вполне очевидным. Тайное приобретение Израиля также вряд ли было секретом. Тщательно отслеживались и постоянные усилия, предпринимаемые Южной Африкой. Проблема явно становилась все более значительной.

Необходимость сохранения мира в странах и регионах, неспособных сделать это собственными политическими усилиями или подвергнувшись сильным разрушительным воздействиям извне, стала еще одной трудной проблемой. В течение холодной войны любая реакция на возникшую гражданскую войну неизбежно становилась расширением конфликта сверхдержав, и это само по себе оказывало сдерживающее влияние на развитие ситуации. После холодной войны коллективные усилия по поддержанию мира осуществлялись как законные и практикуемые действия, предпринимаемые на региональной или международной основе. Но возникали бесконечные вопросы относительно обязательств участников операций по сохранению мира, распределения полномочий и того, за кем остается политическое руководство.

И наконец, не менее важным было то, что так называемый «третий мир» вследствие исчезновения «второго мира» утратил свою политическую роль. «Третий мир», который часто называют блоком неприсоединившихся стран, также потерял стратегическое значение потому, что само понятие «неприсоединение» потеряло смысл после того, как не стало Советского Союза. Но его огромные социальные и экономические трудности все увеличивались, становясь проблемами глобальной политики, часто из-за нарастающего нетерпения его многочисленного и политически все более пробуждающегося населения. В то же время возрастающее политическое значение нескольких ключевых развивающихся государств, прежде всего Индии, Бразилии и Нигерии, означало, что центральные политические, экономические, финансовые и социальные проблемы более бедной части человечества становятся все более важной глобальной проблемой.

В поисках уверенности

Сразу по окончании холодной войны еще не было ясно, что нас ожидает. Закончилась ли эра революций? Настал ли вечный мир вместо холодной войны? Стала ли триумфальная победа американской демократии в ее длительной борьбе с советским тоталитаризмом свидетельством возникновения всеобщего демократического сообщества? Или появляются новые угрозы? Какое понятие могло бы определить смысл и суть этого времени и придать целеустремленность новому глобальному статусу Америки? В самом деле, в чем же должна заключаться ее глобальная роль?

Эти вопросы не встали со всей определенностью, по крайней мере сразу, как последствия появления Америки в качестве мировой сверхдержавы. Коронация Америки глобальным лидером стала ситуационным фактом, а не глобальным миропозаанием. Но необходимость политически ориентированной интерпретации новой эры, безусловно, возникла, даже если она еще и не была осознана на общественном уровне из-за туманной неясности, окружающей Америку, оказавшуюся на столь высокой глобальной вершине рода человеческого. Ответы на все вопросы не могли быть получены сразу.

Карл Маркс однажды заметил, что сознание обычно отстает от реальности. Другими словами, понимание сути социально-политических изменений наступает после того, как они произошли, а не предшествует им и даже не сопровождает их. Так и случилось с новыми историческими дилеммами, вставшими перед Америкой. Появилась настоящая потребность в ясной перспективе, которая могла бы заменить теперь уже устаревшие формулы, определявшие поведение Америки на мировой арене в течение десятилетий холодной войны. Учитывая ограниченность человеческих возможностей осознавать сложный комплекс реальностей и угадывать направление развития, потребовалось около десятилетия, чтобы перспектива могла быть ясно очерчена и были найдены ее приверженцы.

Вначале были лишь короткие формальные рассуждения о новой глобальной ситуации и возможностях, которые она включает, и все ограничивалось туманным, но позитивно звучащим лозунгом «новый мировой порядок». Его преимущество было в том, что он означал многое для многих. Для тех, кто стоит за традиционные ценности, «новый порядок» предполагает стабильность и преемственность, а для реформаторов прилагательное «новый» означало пересмотр приоритетов; для идейно убежденных интернационалистов ударение на слове «мировой» звучало как отрадное известие о том, что теперь путеводной звездой становится всеобщность. Однако американская администрация, выдвинувшая этот лозунг, была переизбрана прежде, чем его значение могло быть полностью осознано, а приход к власти новой администрации совпал с появлением более четко сформулированных и целенаправленно продуманных альтернатив.

После этого недолгого интеллектуального замешательства появились две все более несовместимые версии прошлого и видения будущего глобального устройства, доминирующие в американском представлении. Их не следует считать идеологическими системами в том виде, в котором они существовали в течение двадцатого столетия. В них не было доктринерской сути, и они не были формально провозглашены как непогрешимые и основополагающие документы или маленькие красные книжечки-цитатники. В отличие от жестких тоталитарных предшественников они были смесью мнений, верований, лозунгов и излюбленных изречений. Каждая точка зрения отражала предрасположение и создавала рамки для сравнительно гибких формулировок, основанных на широко разделяемых убеждениях, изложенных в самом общем виде, извлеченных из истории, или социальной науки, или даже религии. Их склонность к догматизму смягчалась прагматическими традициями американской политической жизни.

Первая из этих двух организующих мировую систему версий лучше всего может быть охарактеризована одним словом, тесно связанным с самим предметом: глобализация. Название второй вытекает из источника ее доктринерского содержания – неоконсерватизм. Обе идеи претендовали на выражение внутреннего содержания истории. Первая, лишняя интеллектуального изящества своего противника и не пропагандируемая столь рьяно, происходила из нескольких источников вдохновения. Ее сторонники сконцентрировались на общем значении технологии, коммуникационных систем и торговли, а также

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org финансовых потоков, из анализа которых они извлекали уроки, имеющие значение для положения и роли Америки в мире. Два слова лучше всего передают смысл этой версии: взаимозависимость и соединенность.

Глобализация была во всем мире интригующим, сверхмодным и привлекательным словом. Она подразумевала прогресс или процесс, противоположный статичности, и к тому же процесс, который считался неизбежным. Таким образом, она органично соединяла объективный детерминизм с субъективной способностью принимать решение. Утверждение, что взаимозависимость была новой реальностью международной жизни, в свою очередь, утверждало глобализацию как легитимную политику нового века. Американские представления о глобализации предполагали инновацию, движущую силу истории, конструктивное использование возможностей, а также соединение американских национальных интересов с глобальными. Поэтому глобализация была подходящей доктриной (и прекрасным источником лозунгов) для победителя в только что закончившейся холодной войне.

Поскольку глобализация предполагала американское лидерство, Америка не выдвигала его настойчиво. Но по своему определению глобализация подразумевала какой-то главный источник, отправное начало, стимулирующее и генерирующее движение, и Америка – хотя и не названная прямо – была единственным наиболее вероятным кандидатом. Глобализация также не имела сходства с мертвой коммунистической доктриной с ее установленным центром мировой революции, являющимся непогрешимым источником доктринерской правды в мире, обреченном на классовую борьбу. Глобализация лишь намекала на то, что Америке предназначено быть источником энергии и центром, стимулирующим мировой процесс, который является подлинно интерактивным и в любом случае спонтанным в самой своей основе. Включаясь в глобализацию, Америка отождествляла бы себя с тенденцией исторического развития, всеобщей по своему охвату, никого не исключаящей, не устанавливающей какие бы то ни было лимиты на потенциальные выгоды.

Конечно, где-то какие-то группы были бы отодвинуты, чьи-то узкие интересы могли бы пострадать, и болезненные изменения в структуре занятости и производства могли бы иметь место. Но для энтузиастов новой эры эти болезненные ограничения были проходящей фазой, исправляемой почти автоматически саморегулированием. Глобализация виделась как путь к всеобщему равновесию, перераспределяя для многих выгоды и компенсируя первоначальные трудности немногих. А Америка как передовой отряд глобализации осуществляла бы свое глобальное лидерство, усиленная материально и одновременно получая моральную поддержку.

Глобализация обладала еще одним преимуществом: она обещала быть обнадеживающе оптимистичной. После тревог холодной войны и неуверенностей, вызванных ее последствиями, глобализация выглядела жизнерадостной и вселяла уверенный оптимизм в благотворное воздействие динамической взаимозависимости. С энтузиазмом воспринятая президентом Клинтонем, она давала надежду в мире растущей взаимозависимости, идущему по пути многосторонней кооперации «в будущее». Ее наиболее пылкие адвокаты даже объясняли развал Советского Союза не столько последствиями сталинских преступлений или результатом сопротивления антикоммунистических сил, сколько неудачей советских попыток эффективно ответить на экономические и технологические требования нового времени.

И наконец, немаловажно и то, что глобализация находила готовую и мощную поддержку не только среди деловой элиты Америки, но и в мире многонациональных корпораций, который ширился и рос в ущербные десятилетия холодной войны. Фактически значительная часть этой элиты, озабоченная направлением и постоянством быстро усиливавшейся в мире социальной и экономической нестабильности, возлагала большие надежды на то, что единственная оставшаяся сверхдержава воспримет глобализацию почти как мантру.

Глобализация не сразу стала доминирующим фактором в американском видении мира. Она ускорялась за счет расширения своего пространства, став привычным словечком среди знатоков международных дел, воспринятая бесчисленными частными и государственными организациями, постепенно становясь любимой политической концепцией верящего в свое историческое предназначение американского президента. С этого времени идея многосторонней кооперации опиралась не столько на угрозы международной безопасности, сколько на благостные обещания глобальной взаимозависимости.

Уделив сначала внимание только экономической перспективе, сторонники глобализации быстро поняли, что ее привлекательность может быть значительно усилена за счет политической составляющей, и тогда в качестве дополнительного довода в пользу глобализации было выдвинуто мнение, что она непременно приведет к усилению демократии. В результате глобализация стала логическим доводом, особенно полезным, когда критики доктрины стали утверждать, что она служит средством оправдания максимизации прибыли и инструментом инвестиционной политики в отношении экономически успешных стран с деспотическими режимами. Кровавая бойня на площади Тяньаньмэнь в 1989 году вызвала резкую критику со стороны правозащитников, заявлявших, что энтузиасты глобализации безразличны к правам человека.

Интеллектуальную родословную глобализации нельзя свести лишь к какой-то конкретной и общепризнанной интеллектуальной классике и, конечно, к какому-либо единственному догматическому источнику. Она завоевала признание в большей степени благодаря пропаганде средствами массовой информации, лозунгам, газетным передовицам, международным конференциям и встречам и изданию книг, предназначенных для общего чтения.

Наиболее заметными были публиковавшиеся в «Нью-Йорк таймс» статьи журналиста Томаса Фридмана: «The Lexus and Olive Tree: Understanding Globalization» (2000), за которыми последовала известная публикация Бенджамина Барбера «Jihad vs. McWorld: How the Planet Is Both Falling Apart and Coming Together and What This Means for Democracy» (1995). После этого появились более академические работы Джозефа Стиглица «Globalization and Its Discontent» (2002), Джагдиша Бхагвати «In Defense of Globalization» (2004) и еще одно весьма популярное эссе Томаса Фридмана «The World Is Flat» (2005). Таким образом, глобализация была одновременно популяризирована и получила интеллектуальное развитие, почти став доктриной.

Новая доктрина, которая расцвела при президенте Джордже У. Буше, была более сухой по своему выражению, более пессимистической по направленности и более манихейской по своему настроению. В противоположность экономическому детерминизму, читаемому сторонниками глобализации («марксистами» в своем роде), приверженцы неоконсерватизма были более воинствующими (и таким образом, «ленинистами»). В вопросе происхождения доктрины Буш сознательно возвращался назад к феномену Рейгана и узаконивал себя ретроспективной исторической интерпретацией этого феномена, осмеянной в начале этой главы.

В течение своей политической карьеры Рональд Рейган умело и успешно использовал широко распространенное среди американцев мнение, что Америка ведет напряженную борьбу, состязаясь с советским коммунизмом. К середине 70-х годов Рейган уже воспринимался многими американцами как политик, предлагающий более решительный альтернативный курс, чем исторически пессимистическая концепция разрядки Никсона-Киссинджера. К концу десятилетия республиканцы, выбирая кандидата в президенты, отдали предпочтение Рейгану, обошедшему Джеральда Форда. В 1980 году Рейган выиграл президентские выборы, победив вторично выдвинувшего свою кандидатуру демократического президента Джимми Картера, которого сочли недостаточно сильным противником советскому вызову и репутация которого пострадала из-за унижительного захвата американских заложников в Тегеране.

Коалиция, игравшая ведущую роль в выработке общей международной позиции, получившей название доктрины Рейгана (которая имеет неоконсервативные корни), не была по своему происхождению преимущественно республиканской. Хотя Рейган и получил на выборах значительное дополнительное число голосов вследствие недовольства многих консервативных республиканцев внешней политикой Никсона-Киссинджера, а также вследствие широко распространенного недовольства итогами президентства Картера, на стратегическое содержание его новой доктрины очень сильное влияние оказали несколько представителей демократов, связанных с президентом Трумэном или с яростным антикоммунистом сенатором Генри Джексоном. Видные специалисты по внешней политике, включая Пола Нитце и Юджина Ростоу, работавшие с несколькими президентами-демократами, Ричарда Перла, близкого к сенатору Джексоному, а также политические теоретики, в частности Джин Киркпатрик, образовали в конце 1970-х годов инициативную группу хорошо известных консерваторов, организовавших комитет по проблеме «Насущная угроза», выступавший за более силовой подход и выработку жесткой доктрины в отношении Советского Союза.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Распад Советского Союза, произошедший десять лет спустя, стал интеллектуальным подтверждением победоносной роли Америки не только в недавнем прошлом, но еще больше в будущем. Советское поражение должно рассматриваться впредь не как исход длительных двухпартийных усилий, а как национальное спасение, достигнутое харизматическим лидером, руководимым группой верных сторонников. Такой мистический пересмотр истории сводил весь период холодной войны к одному десятилетию. Только при Рейгане Советскому Союзу был дан настоящий отпор и восторжествовало дело прав человека. Даже Иоанн Павел II изображался новобранцем Рейгана в их тайных усилиях по ниспровержению Советского Союза.

То, что в действительности стояло за таким карикатурным изображением истории, соответствовало туманным и запуганным реалиям, с которыми столкнулась Америка после победы в холодной войне. Для того чтобы быть успешной, американская внешняя политика должна была основываться на четких моральных установках и проводиться с ясным пониманием добра и зла в таких исторических обстоятельствах, которые сами по себе были двусмысленными и не поддавались точному учету. Широкая общественность не может позволить себе пребывать в замешательстве, компромисс – это свидетельство несостоятельности агностиков, а неуверенность – интеллектуальная дисквалификация тех, кто проводит политику. Сила и ясность должны были руководить Америкой, как это и было, когда будто бы один Рейган выиграл холодную войну.

Перевод этих посылок в связанную единую доктрину требовал времени. Новое видение мира возникает постепенно, по мере приведения в соответствие с новыми обстоятельствами периода, наступившего после холодной войны усилиями более молодых членов комитета «Насущная угроза» и группы энергичных творцов политики, связанных с консервативными журналами, и политических аналитиков. Они разделяли убеждение, что вызов, исходивший от Советского Союза и коммунизма, теперь исходит от арабских государств и воинствующего ислама. Их стратегический взгляд на эти проблемы целиком совпадал с мнением израильской партии «Ликуд» и пользовался значительной поддержкой среди христианских фундаменталистов Америки. Последние образуют более широкую политическую основу для стратегических взглядов, исходящих от более элитарной первой группы.

В течение десятилетия разделяемое ими мнение о перспективе, которое характеризуется как неоконсервативное, было систематизировано, расширено и нашло выражение в сериях книг, статей, совместных публичных манифестах ряда авторов, иногда адресуемых президенту США или премьер-министру Израиля. Выражая все более критические настроения в отношении и послевоенного Атлантического союза на том основании, что европейцы изнежены и безвольны (поддаваясь влиянию Венеры, к отличие от сильных, находящихся под влиянием Марса американцев), новая доктрина призывает решительнее полагаться на американскую политическую и военную мощь. Большей частью неоконсерватизм оглашается в коротких, часто воинственных заявлениях и статьях, но одной из первых попыток развернутого изложения этой позиции стала книга, изданная Робертом Каганом и Уильямом Кристолом «Present Dangers: Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy» (2000 г.), в которой развивается содержание их статьи «Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy», опубликованной в «форин афферс» в 1.996 году.

Хотя эта статья и написана с пылом, свойственным истинно воруящим, то, что стали называть «неоконсервативной» доктриной, не содержит широкой картины изменений, происходивших в мире после холодной войны. В основном в ней излагается модернизированная версия империализма, не связанная прежде всего с новой глобальной реальностью и новыми социальными тенденциями. Скорее, книга отражает специфические представления неоконсерваторов о приоритетах на Ближнем Востоке. Среди страха и гнева, вызванного нападением 11 сентября, неоконсервативный выбор выражается в том, чтобы, воспользовавшись моментом, изложить лишь свои собственные проблемы.

Без 11 сентября доктрина, вероятно, по-прежнему выглядела бы малозначительным явлением, но произошедшее катастрофическое событие придало ей видимость актуальности. Вскоре представители неоконсервативного направления в администрации Буша Второго преобразовали свое мнение в официальную политическую и военную доктрину. По следам 11 сентября доктрина переместилась и в сферу внутренней политики. Интенсивно пропагандируемый страх перед терроризмом создал новую политическую культуру, в которой моральная убежденность находится на грани социальной нетерпимости, в

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org особенности по отношению к тем, чье этническое происхождение или внешность выглядят дающими основание для подозрений. Неустанная бдительность в отношении иммигрантов или даже сбившихся с пути профессоров, особенно с проарабскими взглядами на ближневосточные дела, также отражает желание оправдать собственные тревоги. Даже гражданские права некоторые уже рассматривают как помеху эффективной национальной безопасности.

Стремясь получить более широкое общественное признание, такой альтернативный взгляд на мир, отстаиваемый неоконсерваторами как исторически оправданный новыми глобальными обстоятельствами, приобрел респектабельность благодаря непреднамеренной интеллектуальной преемственности с двумя подлинно проницательными академическими работами. Их совокупное влияние на формирование исторического восприятия сквозь туман, еще оставшийся от холодной войны, придает новому видению эпохи близкий по духу интеллектуальный контекст. Первой из этих двух была книга «Конец истории» – «The End of History and the Last Man» (1992) Фрэнсиса Фукуямы, который сначала был близок к неоконсервативным кругам, но позднее стал самым активным противником взглядов Чарльза Краутхаммера, ведущего популяризатора неоконсерватизма. Другой, еще более серьезной работой была книга «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка» – «The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order» (1996), написанная Сэмюэлем П. Хантингтоном, который с самого начала выступал с критикой неоконсервативных рекомендаций. Каждая из этих книг содержала широкую характеристику переживаемого уникального момента истории, раскрывая его глубинную сущность и фундаментальные противоречия.

Книга Фукуямы, написанная в традиции гегельянской и марксистской диалектики, блестяще, но в отдельных местах вводя в заблуждение, показывала, что политическая эволюция человечества увенчалась победой демократии. Этот вывод, встреченный шумным одобрением, был многими истолкован как доказательство того, что демократия стала теперь неизбежной судьбой человечества. (Неоконсерваторы после 11 сентября использовали эту интерпретацию для обоснования своих активистских рекомендаций.) Возможно, только само название книги вводило в заблуждение, учитывая, что автор позднее выразил сожаление о том, что был неправильно понят, и утверждал, что его выводы относительно эволюционной модернизации были не столь далеко идущими. Но его драматическое проникновение в предполагаемую историческую неизбежность демократии служило мощным основанием для тех, кто настаивал на том, чтобы Америка всеми доступными ей средствами выступала за продвижение демократии в качестве центрального направления политики США на Ближнем Востоке. Таким образом, догматический активизм сочетался с историческим детерминизмом.

Неоконсерваторы различными путями использовали и великую цивилизационную интерпретацию Хантингтона (который, в свою очередь, обращался к «Закату Европы» Освальда Шпенглера и «Постижению истории» Арнольда Тойнби: первая была написана вскоре после Первой мировой войны, а вторая – после Второй мировой) для обоснования их представлений об экзистенциальном конфликте с исламом по проблемам основных ценностей. В этом отношении непреднамеренное политическое влияние Хантингтона было даже более сильным, чем влияние Фукуямы. Его концепция, доказанная с большой изощренностью и убедительным обоснованием, послужила предупреждающим пророчеством, чего нельзя позволить себе стать самодостаточными. Однако в течение нескольких лет, особенно после 11 сентября, «столкновение цивилизаций» стало широко признанным диагнозом глобальной реальности, которая еще совсем недавно, в 1990 году, казалась отдаленной.

Результатом стала манихейская доктрина, с которой ни один из двух исследователей не мог бы примириться: демократия, столь убедительно провозглашаемая неотвратимой целью развития человечества, вступала в экзистенциальный конфликт в вопросе основных ценностей. Но такая участь нередко постигает великие умы; в свои поздние годы Джордж Кеннан нередко жаловался на то, что его широко признанный и открывающий новый путь научный труд, обосновывающий политику сдерживания сталинистской России, был искажен теми, кто прославлял его анализ и стремился проводить его рекомендации в жизнь. Во всяком случае, понятие «демократический конец истории» как заключительный момент великой коллизии с фундаменталистским исламом стал для неоконсерваторов лучом света, пронзившим туманы после холодной войны.

Эти два явления – глобализация как поднимающаяся волна и неоконсерватизм как призыв к действию – стали доминирующими на политической сцене, оттеснив

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
альтернативные точки зрения. Тем не менее, первоначально смятенное чувство облегчения в конце холодной войны вызвало некоторое беспокойство относительно более глубоких проблем Запада, особенно в сфере морали и культуры. Возникали вопросы о перспективной жизнеспособности западной культуры, которой, казалось, все больше не хватало морального компаса. Отсутствие этого компаса и стало для меня поводом публично поставить вопрос (это было в 1990-м, в университете в Джорджтауне на лекции, озаглавленной «Послепобедный блюз»), действительно ли поражение коммунизма означает победу демократии.

Этот вопрос сразу же возникал в связи с будущим прежних коммунистических стран Восточной Европы и крушением Советского Союза. Для восточноевропейских стран привлекательность Европы служила маяком и идеалом. Историческая и географическая близость объединенной Европы могла бы помочь преодолеть сорокалетнее подчинение коммунистической доктрине. Для России коммунистическое наследие было вдвойне тяжелым, укоренившимся более прочно и к тому же усугублявшимся имперскими традициями старой России и длительной ностальгией по их возрождению. Можно было бы полагать, что логическим курсом для Запада должно быть поэтому проведение долговременной политики, направленной на вовлечение России в более тесные отношения с Европой, но было мало признаков, что кто-либо в Вашингтоне серьезно и конструктивно думает над этим вопросом.

Терзающее Запад философское беспокойство, особенно в Америке, о настроениях, доминирующих в обществе, вызвало у меня озабоченность в связи с тем, что ни одна из двух соперничающих концепций не была в историческом плане достаточной для того вызова, перед которым оказалась Америка. Это был вызов и стратегический, и философский. К какой важнейшей цели теперь, после поражения коммунизма, должны стремиться граждане демократического Запада? Для многих представителей высшего и среднего класса ответ заключался в двух словах: гедонистский релятивизм – без глубоких убеждений, без трансцендентального сознания, с хорошей жизнью, определяемой главным образом промышленным индексом Доу Джонса и ценой бензина. Если это так, то тогда дихотомия между гедонистским релятивизмом Запада и абсолютизмом внезапно обнищавших жителей прежнего советского пространства и политически пробудившегося развивающегося мира только увеличит глобальное разделение. Ответ должен быть найден путем более глубокого морального определения мировой роли Америки. Без этого глобальное лидерство Америки было бы недостаточно легитимным.

Привлекательной моральной основой политики в конечном счете должны быть гуманитарные соображения. В этом случае права человека превращаются в глобальный приоритет. Это отвечает устремлениям политически активной массы людей. Просвещенная политика, основанная на моральной убежденности, должна также усилить способность руководства добиваться общего согласия, а не вызывать манихейское разделение. Напротив, отсутствие моральной убежденности сохраняет возможность для демагогов использовать внезапно возникающие кризисы и новые страхи. Именно опасения такого рода побудили меня написать («Вне контроля», 1993 г.), что «затруднения Америки в осуществлении эффективного глобального руководства... могут породить ситуацию, которая усилит глобальную нестабильность... и приведет к возвращению тысячелетней демагогии», и даже высказать мнение, что «фаза американского превосходства, возможно, не будет длительной, несмотря на очевидное отсутствие кандидата на ее замещение».

По существу, уже начиная с 1990 года стоял вопрос: обладает ли Америка достаточными способностями для того, чтобы осуществлять руководство миром в то время, когда политические и социальные ожидания человечества перестали быть пассивными, а сосуществование различных религий и культур происходит, как в компрессорной скороварке, под давлением, создаваемым их взаимодействием? Три следующих один за другим американских президента – Джордж Г. У. Буш, Уильям Дж. Клинтон и Джордж У. Буш имели возможность ответить на этот вопрос не в форме философской абстракции, а реальными политическими делами. Первый из этих глобальных лидеров-президентов стремился проводить традиционную политику, находясь в нетрадиционных условиях, в то время как два соперничающих взгляда на мировое устройство еще находились в стадии кристаллизации. Второй руководствовался мифологизированной версией глобализации, находясь в положении вершителя судеб человечества. Третий принял на себя военные обязательства, чтобы руководить в мире, догматически представляемом двухполюсной системой, образуемой добром и злом.

3. Первородный грех

(и тупики ограниченного мышления)

Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес. Осознание этого требует, чтобы и мировая политика определялась в первую очередь общечеловеческими ценностями... Дальнейший мировой прогресс возможен теперь лишь через поиск консенсуса в движении к новому мировому порядку.

Михаил Горбачев, из выступления на Генеральной Ассамблее ООН 7 декабря 1988 г.

Началось новое партнерство стран, и мы переживаем сегодня уникальный и необычный момент истории... Из волнений этого тревожного времени... может возникнуть новый мировой порядок... в котором государства всего мира – Восток и Запад, Север и Юг – смогут процветать и жить в состоянии гармонии.

Джордж Г. У. Буш, из выступления на объединенной сессии Конгресса США 11 сентября 1990 г.

«Новый мировой порядок» стал брендом Джорджа Г. У. Буша – часто цитируемое определение его видения мира. Но эта фраза не принадлежала ему и недостаточно четко характеризовала его внешнеполитический курс. В своей речи в Конгрессе, провозглашая свою приверженность «новому мировому порядку», Буш, не давая каких-либо четких обязательств в отношении того, что он намерен делать, признался, что «разделял это мнение с президентом Горбачевым», когда они «встречались несколько недель назад». Но Горбачев использовал эту фразу задолго до этой встречи. Буш не был мечтателем, он был искусным практиком силовой политики и традиционной дипломатии в нетрадиционное время. Не обладая историческим воображением, он воспринял лозунг Горбачева, но никогда серьезно не пытался его осуществлять.

Президентство Буша Первого совпало с целым каскадом потрясений, прошедших по Евразии. Несколько кризисов либо развивались, либо внезапно возникали на этом обширном пространстве, которое в течение предшествовавших четырех десятилетий было главной ареной грандиозного стратегического соперничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Это соперничество выражалось в конфронтации на трех стратегических фронтах: на западе оно обозначалось границами НАТО, на востоке – демаркационной линией, разделяющей Корею, и Формозским проливом, на юге, в районе Персидского залива, – доктриной, провозглашенной Картером в ответ на советское вторжение в Афганистан. Это разделение теперь дополнялось возникавшими на флангах политическими, этническими и религиозными волнениями на Балканах, Ближнем Востоке, и Восточной Азии и особенно внутри самого советского блока.

В отношении этих очагов конфликтов Буш проявил как силу, так и сдержанность. Он был мастером кризисного урегулирования, но не был стратегическим провидцем. Он уверенно действовал в связи с распадом Советского Союза и в ответ на агрессию Саддама Хусейна сумел с большим дипломатическим искусством и военной решимостью организовать ответную международную акцию. Но ни один свой триумф он не превратил в длительный исторический успех. Уникальное политическое влияние Америки и ее моральная легитимность не нашли стратегического применения ни в трансформации России, ни в умиротворении на Ближнем Востоке. Справедливости ради стоит сказать, что Буш, как ни один из президентов США за весь период с конца Второй мировой войны, сталкивался с такими глубокими и масштабными беспорядками на мировой арене. К счастью, он был опытным и знающим политиком и не нуждался в подсказках. Он был хорошо известен большинству иностранных государственных деятелей и обычно пользовался их уважением. Он быстро сформировал свою внешнеполитическую команду и уверенно руководил ею. Какие бы оговорки ни делались в последующем в отношении его наследия, он подобрал себе хороших главных советников по внешнеполитическим вопросам. Буш выбирал людей, близких к нему, следующих его лидерству, способных работать в команде и принимавших установленное им разделение труда. Совет по вопросам национальной безопасности возглавил Brent Scowcroft, выполнявший обязанности советника президента по вопросам внутренней политики и друг

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org семейства Бушей, в то время как государственный секретарь Джеймс Бейкер действовал как надежный переговорщик за пределами США.

Совершенно очевидно, что внешней политикой США руководил сам Буш. Стратегические решения шли сверху вниз, а не наоборот – от аппарата СНБ или Государственного департамента. Буш работал в тесном контакте с тремя ключевыми советниками высшего уровня (два упомянутых выше и министр обороны Ричард Чейни). Все они были людьми, которых он знал лично. Но, консультируясь с ними, он время от времени приглашал к себе для беседы в Овальном зале наедине аутсайдеров (я приглашался для консультаций по Советскому Союзу и Польше). Буш несомненно был первым среди равных, хорошо информированным и уверенным государственным деятелем, принимавшим окончательное решение. СНБ работал ровно, сосредоточенно, в четкой иерархической системе, своевременно реагируя на подлинно беспрецедентные крупные исторические повороты событий.

Мир, в котором работала команда Буша, разносило на части, и поддающаяся определению и исторически понятная эпоха подходила к своему концу. Но курс, который предстояло проводить, не был самоочевиден. Буш должен был определить свои приоритеты, заглянуть подальше, за сегодняшний и завтрашний день, иметь ясность в отношении направления движения и действовать соответственно. Этого он никогда как следует не делал. Он прежде всего сконцентрировал внимание на деликатной задаче мирного управления процессом демонтажа советской империи, а затем на устранении чрезмерных амбиций Саддама Хусейна. Обе задачи он решил блестяще, но ни одну из них как следует не использовал.

Прогрессирующий распад Советского Союза как раз совпал с серединой президентства Буша в декабре 1991 года. Эта дата отметила начало глобального верховенства США. Но этому событию предшествовали и продолжались после него усиливавшиеся беспорядки во всем советском блоке. Любая политическая реакция на эти беспорядки осложнялась тем, что она могла вызвать вспышки насилия и политические взрывы за пределами советской сферы в различных частях Евразии. (Возможно, читатель пожелает ознакомиться с основной хронологией событий, происходивших в годы президентского срока Буша, которая приводится ниже, чтобы почувствовать чрезвычайно высокий темп изменении, с которым столкнулась команда Буша в первые четыре года.)

Международная хронология с января 1989-го по декабрь 1991 года

Февраль 1989. Через несколько дней после прихода Буша в Белый дом советские войска были выведены из Афганистана, куда они вторглись в конце 1979 года, так и не сумев подавить упорное афганское сопротивление, поддержанное полузамаскированной коалицией США, Великобритании, Пакистана, Китая, Саудовской Аравии и других стран.

Сентябрь 1989. Движение «Солидарность» в Польше формирует первое в советском блоке некоммунистическое правительство. Подавленная введенным в 1981 году военным положением «Солидарность» в конце 1980-х поднимается, как феникс из пепла, и летом 1989-го (менее чем через полгода после инаугурации Буша) добивается проведения первых во всем советском блоке свободных выборов. Этому беспрецедентному событию предшествует стихийное массовое движение, начавшееся повсюду в Восточной Европе, – в Венгрии, нечто подобное в Польше – в октябре, в Чехословакии – в ноябре, в Болгарии и Румынии (в последней с актами насилия) – в декабре.

4 июня 1989. Протест на площади Тяньаньмэнь. В Китае начатая Дэн Сяопином за десятилетие до этого и все более динамичная программа социально-экономических реформ привела к бурному росту производительности, инновациям, ускорению экономического развития, а также усилению политического брожения. Социальные выступления, особенно среди интеллектуальной части молодежи и студентов университета, вызвали вспышку внезапной активности, вылившуюся через несколько дней в демонстрацию, требующую демократизации. Этот самый серьезный вызов режиму за весь период с 1949 года был кроваво подавлен танками на площади Тяньаньмэнь.

9 ноября 1989. Падение Берлинской стены. Коллапс советского контроля в Польше, Венгрии и Чехословакии изолирует восточногерманский режим и ускоряет драматическое разрушение Берлинской стены. Еще около года Буш

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org будет успокаивать своих главных западноевропейских союзников и получит вынужденное советское согласие на воссоединение Германии в октябре 1990 года.

Июнь 1989. Аятолла Рухолла Хомейни, духовный и политический лидер и отец фундаменталистского режима в Иране, умирает спустя десять месяцев после окончания почти десятилетней бесплодной войны между Ираном и Ираком. Начатая Ираком в сентябре 1980 года, это была длительная и чрезвычайно кровавая война на истощение, в которой ни одна из сторон не добилась перевеса. Конфликт безрезультатно закончился в августе 1988 года. Число погибших составило почти миллион человек.

Август 1990. Саддам Хусейн, видимо, пытаясь возместить цену своей неудавшейся иранской авантюры, захватывает Кувейт. В середине января 1991 года Соединенные Штаты начинают воздушную войну против сил Саддама, за которой в феврале последовало наступление на суше, приведшее к разгрому иракской армии и освобождению Кувейта.

1990. Кризис советской системы развязывает руки Соединенным Штатам, чтобы разделаться с поддерживаемым Кастро антиамериканским популистским повстанческим движением в Центральной Америке. Авантюристический правитель Панамы Мануэль Норьега оказался без союзников. После высадки американских парашютистов в столице Панамы в декабре 1989 года Норьега в цепях оказался в американской тюрьме. В 1990 году организованное левыми повстанческое движение в Сальвадоре и гражданский конфликт в Никарагуа сошли на нет, а прекращение советской экономической помощи Кубе ввергло режим Кастро в жесточайший экономический кризис. Осенью 1992 года, за месяц до начала президентских выборов в США, президентами Соединенных Штатов и Мексики и премьер-министром Канады было подписано Соглашение о североамериканской зоне свободной торговли.

Июнь 1991. На Балканах Хорватия и Словения объявили о своей независимости. Югославское многонациональное государство, возникшее после Первой мировой войны, находилось в состоянии внутреннего кризиса со времени смерти маршала Тито в 1980 году. Теперь оно начинает повторять судьбу Советского Союза. Заявив о своем несогласии с доминирующим положением Сербии, Хорватия и Словения положили начало цепной реакции, которая постепенно разрушает Югославию и через несколько лет приводит к операции НАТО против Сербии.

1990–1991. Еще до окончательной агонии Советского Союза и декабре 1991 года Литва, захваченная Сталиным в 1940 году в результате тайного соглашения с Гитлером, начинает вызывать требование возвращения своей независимости. В начале 1991 года то же делают Эстония и Латвия. Подобные вспышки националистических выступлений происходят в советских Азербайджане и Грузии, которыми Россия владела почти два столетия.

Август 1991. Неудавшийся путч против Горбачева, предпринятый советскими сторонниками твердой линии, политически укрепляет позиции Ельцина, который объявляет о роспуске Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Четыре месяца спустя прекращает свое существование и сам Советский Союз, и Горбачев становится безработным.

1 декабря 1991. В ходе национального референдума советская Украина с ее 50 миллионами жителей проголосовала за независимость. В течение второй половины 80-х годов после трехсот лет российского правления агитация за независимость на Украине усилилась. В ноябре 1990 года Борис Ельцин, незадолго до этого объявленный лидером России – но во все еще существующем СССР во главе с Горбачевым, – в исторической речи, произнесенной в Киеве, отрекся от имперского наследия России. Референдум подтверждает желание украинского народа стать полностью независимым.

Большинство событий, перечисленных в хронологии, были чреватые сложными международными последствиями, заслуживающими заголовков на первых полосах газет. Они требовали внимательной оценки и трудных политических решений. Один или два крупных международных кризиса в год, наверное, можно считать обычной вещью для современных президентов, но много кризисов и к тому же почти совпадающих – явление экстраординарное. Целая эпоха внезапно подошла к концу. Развал первой коммунистической державы и сопровождающий его каскад революционных событий захлестнули весь процесс политических решений. В этой обстановке понятие нового мирового порядка по крайней мере могло служить некоторым руководством и удобной, даже целесообразной программой действий.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Оно давало уверенность и хотя бы слабую надежду и создавало пространство для разнообразных политических вариантов.

Победоносная дипломатия

Самой неотложной задачей было отрегулировать прогрессирующий развал коммунистического мира таким образом, чтобы он не мог привести к мощному международному взрыву, которого пока удавалось избежать. В совместно написанных мемуарах «Мир стал иным» Буш и Скоукрофт откровенно признают, что они не хотели повторения беспорядков в Восточной Европе, которые имели место в 1953, 1956 и 1968 годах, когда начинавшаяся либерализация вызывала ответную реакцию советской стороны. Теперь же целью была трансформация, а не просто стабилизация.

В этой связи команда Буша была озабочена тем, чтобы беспрецедентный призыв Горбачева к новым формам глобального сотрудничества не посеял семена разногласий в Атлантическом сообществе. Они опасались, что Горбачев может даже соблазнить Францию, руководимую Франсуа Миттераном, и Великобританию, руководимую Маргарет Тэтчер, испытывавших опасения перед воссоединенной Германией, и втянуть их в сделку, которая укрепила бы разваливавшуюся советскую структуру. Команда Буша понимала, что европейская и американская пресса была крайне отрицательно настроена в связи с явным отсутствием какой-либо инициативы со стороны США в отношении привлекательных предложений Горбачева и усиливавшегося советского кризиса.

Волнения в коммунистическом мире не ограничивались только советской сферой. Китай также, казалось, находился на грани взрыва. В то время как летом 1989 года навязанный Советами режим терпел поражение в Польше, социальное недовольство вышло на поверхность и в Китае. С размыванием четких границ между политическим контролем и социально-экономической либерализацией беспрецедентная волна студенческих выступлений за демократию выглядела в тот момент так, как будто и китайский коммунистический режим мог взорваться.

События в конце мая и начале июня 1989 года, кульминацией которых стала кровавая расправа над студентами на площади Тяньаньмэнь в Пекине, давала важный ключ к стратегии, проводимой администрацией Буша в отношении общего кризиса коммунизма. Возведение статуи, названной «Богиня Демократии», поразительно напоминавшей Статую Свободы, в самом сердце столицы коммунистического государства было событием символического значения. Является ли усиливающаяся болезнь советской системы такой же разрушительной, как и демократическая революция против укрепившегося режима в Китае? Должны ли Соединенные Штаты связывать себя с этим, делая рискованную ставку на стратегически выгодное китайско-американское сотрудничество, начатое администрацией Никсона и получившее значительное развитие при Картере? И что будет, если взрыв приведет к гражданской войне в Китае?

Прежде чем на эти вопросы могли быть даны ответы, восстание студентов было 4 июня безжалостно подавлено танками и смертельным огнем – как раз в тот день, когда коммунисты лишились власти в Польше. Подавление в Китае было грубым, решительным и эффективным. (Примерно за год до этого я обедал в Пекине с Ху Яобаном, бывшим тогда генеральным секретарем Коммунистической партии Китая, и был поражен либеральными реформами, за которые он открыто высказывался на считавшейся закрытой встрече. Излагавшиеся им взгляды покалывали, что по крайней мере часть высшего руководства выступает за далеко идущие изменения в политической системе. Вскоре после нашей встречи Ху был отстранен от власти и умер еще до происшедших студенческих выступлений. Но в высшем китайском руководстве явно были разногласия и во время тяньаньмэньского кризиса.)

Казавшееся окончательным подавление выступлений облегчило выбор Буша, и ответные меры США отражали традиционный подход администрации. Он был осторожным, дипломатическая реакция была закрытой, были соответствующие заверения, подтверждение преемственности и в то же время уклонение от какого-либо ассоциирования с требованиями демонстрантов. Справедливости ради стоит сказать, что беспорядки в Китае, совпавшие с растущей неопределенностью в советском блоке, ставили Буша перед дилеммой. Он не хотел подвергать риску стратегические отношения, получившие развитие между

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
США и Китаем после решительных действий президента Картера в сторону нормализации отношений в конце 1970-х годов, но он знал, что симпатии американского народа и Конгресса были на стороне студентов.

Соответственно, он избрал сравнительно мягкое выражение осуждения, за которым последовала секретная миссия в Пекин Скоукрофта, заверившего китайцев, что американская реакция будет формальной. Поразительно, что осуществленная менее чем через месяц после трагических событий на площади Тяньаньмэнь миссия осталась секретной. Возможно, что она не была событием столь драматическим, как это изображено в воспоминаниях Буша-Скоукрофта, в которых утверждается, что китайцы по ошибке чуть не сбили самолет советника президента по национальной безопасности. (Цянь Цичэнь, в то время китайский министр иностранных дел, решительно оспаривает это утверждение в своих мемуарах «10 эпизодов из дипломатии Китая».) Секретный визит достиг своей цели: он убедил китайцев, что американская поддержка демократического переворота в Польше неприменима к Китаю.

Несколько месяцев спустя, в начале декабря, состоялась новая поездка Скоукрофта в Пекин, на этот раз открытая, с публичными обменами дружественными тостами, которую американские СМИ (все еще остававшиеся в неведении о первом визите) подвергли резкой критике и называли расшаркиванием. И снова целью Буша было стремление не допустить развития отношений по нисходящей спирали, особенно ввиду возмущения общественного мнения Америки в связи с продолжавшимися в Китае репрессиями против активистов событий на Тяньаньмэнь. Надежды американцев на смятение репрессий не осуществились, но администрация объясняла китайскую бескомпромиссность опасениями, вызванными свержением и казнью коммунистического диктатора Румынии Николае Чаушеску, произошедшими практически в то же самое время.

Согласно свидетельству Цянь Цичэня, вскоре после смерти Чаушеску верховный китайский лидер Дэн Сяопин попросил бывшего в Китае с визитом президента Египта Хосни Мубарака передать Бушу послание:

«Не слишком воодушевляйтесь по поводу того, что случилось в Европе, и не относитесь к Китаю таким же образом».

Оценивая ретроспективно, обе миссии ближайшего помощника Буша, судя по всему, были восприняты китайскими лидерами как одобрительные и признательные жесты уважения, не имеющие, однако, большого значения. Для китайских либералов, даже внутри Коммунистической партии, они были свидетельством безразличного отношения к их делам.

Но Китай не был Восточной Европой, где события имели свою внутреннюю силу и свою динамику. Здесь они вызвали далеко идущие изменения, которые ни Буш, ни Горбачев не могли контролировать. После поразительного успеха «Солидарности» в Польше в середине 1989 года разделение Германии становилось все более невыносимым. Происходивший процесс разрушения коммунистических режимов привел к падению Берлинской стены и твердо поставил воссоединение в повестку дня. Стратегическая задача Горбачева состояла в том, чтобы сдержать распад советского блока и не допустить его пагубного влияния на все еще функционировавшую советскую систему. В конечном счете ему не удалось воспрепятствовать этому, но до этого момента будущее Германии оставалось центральной проблемой. Оно было главной темой на исторической встрече Буша и Горбачева в декабре 1989 года, проводившейся на двух военных кораблях вблизи Мальты. Состоявшаяся всего лишь через несколько недель после падения Берлинской стены, встреча началась в плохо замаскированной атмосфере капитуляции советского лидера в центральном спорном вопросе холодной войны в Европе – о будущем Германии.

Это был звездный час Буша. Здесь было не только официально оформлено советское согласие на признание политических переворотов в Восточной Европе, но и приведен в действие процесс консультаций, который в течение года привел к воссоединению Германии практически целиком на условиях Запада. На встрече в Белом доме 31 мая Горбачев полностью согласился как с воссоединением Германии, так и с продолжением ее членства в НАТО. Взамен он получил серию выражающих добрые намерения предложений, подчеркивающих конструктивную роль Советского Союза в формировании системы глобального

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org сотрудничества, которая должна была заменить разделение на два лагеря времен холодной войны. Была предложена и финансовая помощь советской экономике. Во всем этом была заложена идея, что новый мировой порядок будет иметь в основе сотрудничество ведущих держав. Советский Союз отказывался от своей империи за пределами собственных границ, но по-прежнему рассматривался в качестве одного из главных глобальных игроков.

Невозможно переоценить значение мирного воссоединения Германии в октябре 1990 года, последовавшего за этой встречей. Осуществленное годом раньше разрушение Берлинской стены, казалось, сделало воссоединение неизбежным, но только при том условии, что в дальнейшем на это не будет отрицательной советской реакции. Советская армия все еще оставалась в Восточной Германии, и пока восточногерманский режим находился в состоянии деморализации и замешательства от явного согласия на все это Горбачева: изменение настроения в Кремле (или просто смена кремлевского руководства) могло бы развязать руки советским противникам. Однако распад навязанных Восточной Европе просоветских режимов, произошедший за несколько месяцев до этого, делал для Кремля гораздо более трудным решиться прибегнуть к насилию – и возможно, вплоть до кровопролития – в отношении гражданского населения Германии, пусть даже только в Берлине. Восточная Германия стала изолированным советским аванпостом.

Именно мужество движения «Солидарность» в Польше, его воодушевляющее влияние на другие страны Восточной Европы создали стратегическую изоляцию восточногерманского режима. Таким образом, поляки не только освободили себя; они ускорили воссоединение Германии, поставив Горбачева перед трудным выбором. Для советского парода лучшим выходом стало вступить в переговоры о таком устройстве, которое давало бы возможность стабилизировать ситуацию, превращая в то же время Советский Союз в равного партнера Соединенных Штатов в процессе формирования «нового мирового порядка». Для Горбачева это было как раз то, что в наибольшей степени отвечало его собственной склонности, которую Буш искусно использовал в ходе переговоров на Мальте, а позднее и в Вашингтоне.

Действия Буша заслуживают высочайшей похвалы. Он уговаривал, заверял, льстил, прибегал в мягкой форме к угрозам в беседах со своим советским партнером. Он должен был соблазнить Горбачева, рисуя ему картины глобального партнерства и одновременно поощряя его согласиться с распадом советской империи в Европе. В то же время Бушу было необходимо убедить своих британских и французских союзников в том, что Германия не создаст угрозы их интересам, и ради этого принуждая канцлера Западной Германии признать линию Одер-Нейссе (до того времени защищаемую только Советским Союзом) в качестве западной границы вновь освобожденной Польши.

Воссоединение Германии в конце 90-х годов влекло за собой важный сдвиг в самом центре европейской политики, а вследствие этого также и в системе глобального геополитического равновесия. Буш не только добивался согласия Горбачева на воссоединение, но и (вместе с канцлером Западной Германии Гельмутом Коелем, обещавшим это согласие экономически подсластить) убеждал его в том, что объединенная Германия с ее 80-миллионным населением должна будет обладать свободой выбора в вопросах политики и национальной безопасности. Это означало ее членство в НАТО и в Европейском сообществе (которое в скором времени станет Европейским Союзом). С уходом из Германии и демонтажом коммунизма в Восточной Европе (которую вскоре будут называть Центральной Европой) большинство советских выгод от Второй мировой войны становились утраченными.

Более того, воссоединенная и снова обретшая уверенность в себе Германия создавала дополнительный стимул для нового порыва европейской интеграции, а спустя недолгое время и для расширения НАТО. Вряд ли можно было сомневаться в том, что Европа, включающая возрождающуюся Германию с сильным американским присутствием, скоро охватит и прежнюю Восточную Европу. Неясным и тревожным было одно: останется ли процесс приспособления к этой новой реальности столь же удивительно мирным, учитывая нарастающие волнения в Советском Союзе. Эта неуверенность усиливалась возрастающее внутреннее напряжение в постсоветской Югославии, которая, как и Советский Союз, была многонациональным государством с доминирующим положением одной этнической общины.

Вот в таком контексте понятие «новый мировой порядок» стало для Буша средством поиска традиционной стабильности. Предотвращение распада

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Советского Союза или Югославии стало приоритетной задачей для администрации Буша, о чем она была не склонна заявлять публично. Позднее Буш в собственном отчете об итогах своего президентства отрекся от своих усилий сохранить Советский Союз.

Недооценив потенциал насилия в Югославии и переоценив жизнеспособность ее федеральной системы, сохранявшейся только благодаря уже ушедшему из жизни маршалу Тито, администрация Буша была застигнута врасплох эскалацией кризиса в Югославии. Неспособность Югославии пересмотреть полномочия центрального правительства стала причиной лобового столкновения между доминирующей Сербской Республикой и двумя ключевыми членами федерации – Хорватией и Словенией. Их декларации независимости в июне 1991 года вызвали быстрое сербское вторжение, приведшее к длительной и кровавой войне.

Эти события усилили страх администрации Буша по поводу того, что Горбачев утратит контроль за процессом распада советского блока и что его перестройка может перейти в насилие в самом Советском Союзе. Возможно, самым существенным было то, что Буш недооценил подлинную глубину проявлений антирусского национализма со стороны других этнических групп в условиях расшатанного государства и поддался соблазну считать Советский Союз синонимом России.

(Представления о том, что Советский Союз сумел сформировать советскую нацию, особенно закрепились среди бюрократии Государственного департамента. В качестве помощника президента в конце 70-х годов, глубоко убежденного в том, что многонациональный характер Российской империи был ее ахиллесовой пятой, я предложил скромную закрытую программу, направленную на поддержку стремлений к независимости со стороны нерусских национальностей Советского Союза. В ответ ведущие эксперты Госдепа по советским делам убедили государственного секретаря в том, что в действительности «советская нация» как мультиэтническое множество, подобное Америке, стала уже фактом и что такая программа была бы контрпродуктивной. Программа все-таки стала осуществляться.)

Ошибочные представления администрации на этот счет нашли свое отражение в стяжавшей дурную славу речи президента Буша, с которой он выступил в августе 1991 года в столице Украины и которую ведущий обозреватель «Нью-Йорк тайме» Уильям Сафир безжалостно назвал «котлетой по-киевски». Эту речь тысячи украинцев слушали в надежде, что президент ведущей демократической страны мира поддержит их стремление к независимости. К своему огорчению, они вместо этого услышали, что «свобода и независимость – не одно и то же. Американцы не поддержат тех, кто стремится к независимости, чтобы заменить уходящую тиранию местным деспотизмом. Они не будут помогать тем, кто распространяет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти».

Эта бестактная речь была широко прокомментирована как попытка сохранить Советский Союз, отговаривая украинцев от стремлений к независимости. В свое оправдание Буш и его советник по национальной безопасности доказывали в мемуарах, что это заявление имело в виду совсем не украинцев, а Югославию, а также те части Советского Союза, где националистические выступления превратились в акты насилия. Они также уверяли, что доминирующая точка зрения в команде президента выражала поддержку «мирного распада Советского Союза».

Но такая версия (особенно в совместных мемуарах) также раскрывает значительное опасение, имевшееся тогда в Белом доме, относительно последствий возможного коллапса «сильного центра» в Москве и, соответственно, готовность помочь его сохранению. Джеймс Бейкер, государственный секретарь Буша, даже настаивал на том, чтобы Соединенные Штаты «сделали все, что мы можем, чтобы усилить центр». Единственным несогласным, постоянно выступавшим за распад Советского Союза, был министр обороны Чейни.

Несмотря на эти разъяснения, сделанные задним числом, Буш в своей речи, обращенной к украинцам, по существу одобрил проводившуюся в Советском Союзе реформу и даже пытался убедить своих скептически настроенных слушателей – «она обещает, что республики будут сочетать большую автономию с более свободным взаимодействием – политическим, социальным, культурным, экономическим, а не стремиться к безнадежной изоляции». После признания достоинств «большой автономии» (по не независимости) Буш заверил

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org растерянных украинцев, что Америка намерена «развивать бизнес в Советском Союзе, включая Украину». В заключение своей речи президент, обращаясь к аудитории как к «советским гражданам, стремящимся создать новый социальный договор», заверил, что «мы соединимся с этими реформаторами и вместе пойдем по пути, ведущему к тому, к чему мы призываем, энергично призываем, – к новому мировому порядку».

Речь ненамеренно дала возможность проникнуть в суть стратегии и инстинктивные устремления, определявшие поведение Буша. Его ориентация на статус-кво, к тому времени значительно отставшая от событий, привела к безразличию к чувствам аудитории, ожидавшей от него сочувствия и поддержки и вместо этого встретившей холодный прием. Эта речь, несмотря на последовавшее позднее отречение, по существу была сильным и явным аргументом в пользу сохранения Советского Союза и, таким образом, была против украинских устремлений к независимости.

К счастью, она не была последним словом, и администрация не осталась связанной ею. Вскоре события вышли из-под контроля Буша и Горбачева и лишили эту речь всякого значения. Всего через несколько дней провал путча против Горбачева, организованного советскими сторонниками твердой линии, вызвал стихийное движение к независимости, к которому Соединенные Штаты не могли уже больше оставаться безразличными. Украина провозгласила независимость, и у администрации не было другого выбора, кроме как согласиться. Грохот развала Советского Союза начался с решительной и многозначительной серии последовательных выступлений балтийских республик. С явным нежеланием Горбачев в конце концов признал эту реальность в начале сентября, и Соединенные Штаты, предварительно предупредив Москву, что не могут больше ждать, немедленно признали независимость балтийских государств.

Короче говоря, политические события намного обогнали политические решения. Этот разрыв дополнительно усилил неуверенность относительно развития ситуации, и те, кто принимал политические решения, сами оказались в плену событий. К концу 1991 года Горбачев и Советский Союз стали историей. Борис Ельцин и урезанная Россия (примерно с 70 процентами прежней территории СССР и 55 процентами населения) теперь должна была получить помощь, чтобы выбраться из обвала, который с удивительно небольшим проявлением насилия сразу разрушил идеологию, имперскую систему, амбиции глобальной атомной державы и некогда жизнеспособную тоталитарную структуру.

Неудивительно, что теперь главными приоритетами для администрации Буша стало обретение уверенности в том, что советский ядерный арсенал не попадет в ненадежные руки государств-наследников, на территориях которых он размещался, и предотвращение того, чтобы это «выпущенное на волю» ядерное оружие не оказалось проданным и не исчезло где-нибудь за границей. В последний год администрации Буша главное внимание американская дипломатия уделяла временами трудным переговорам с независимыми Украиной, Белоруссией и Казахстаном относительно передачи всего этого оружия самой России. Этот вопрос потребовал много времени и больших усилий, и команда Буша занялась им с энергией и искусством, используя престиж Соединенных Штатов, возросший до небывалого уровня и в результате кончины Советского Союза.

К сожалению, стремительность развития событий и сложность возникших задач в условиях драматически меняющихся американско-советских отношений в течение предшествующих трех лет (не говоря уже о вызове, возникшем в конце 90-х годов в результате захвата Саддамом Кувейта и беспрецедентной военной операции в начале 1991 года) оставили администрацию Буша в интеллектуально истощенном состоянии и творчески обессиленной. Буш и его команда успешно справились с демонтажом «империи зла», но у них было мало времени, чтобы разработать план последующего за победой развития, которое они – так же, как и другие, – не смогли предвидеть в полной мере. До новых президентских выборов оставалось немного времени, и искушение почить на лаврах и положиться на туманные лозунги оказалось слишком сильным, чтобы ему противостоять.

Поэтому политика в отношении новой России была богата риторикой, великодержавными жестами и стратегической пустотой. Борис Ельцин прославлялся как великий демократический лидер, отчасти чтобы компенсировать холодный прием, оказанный ему Бушем во время его восхождения к власти, из-за нежелания обидеть Горбачева. Но не очень много думали о создании широкой программы политической и социально-экономической

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org трансформации, которая надежно связала бы Россию с Европой. Финансовая помощь действительно пошла в Россию, но бездумно, без направляющей концепции, не связанной с какой-либо обязывающей программой экономической и финансовой реформы (например, такой, какую смог предложить Польше ее министр финансов Лешек Бальцеревич). Оказанная правительству Ельцина финансовая помощь не была тривиальной. К концу 1992 года было выделено свыше 3 миллиардов долларов для продовольственных и медицинских грантов, свыше 8 миллиарде долларов на сбалансирование платежного баланса и почти 19 миллиардов долларов экспортных и других кредитов и гарантий. Большая часть этих денег была просто украдена.

В то время как прославляли Ельцина, а Америка и Европа заключали в объятия Россию с ее политическим хаосом, увидев в нем братскую демократию, российское общество погружалось в беспрецедентную бедность. К 1992 году экономические условия уже были сравнимы с тем, что было в годы Великой депрессии. Еще больше ухудшала дело целая стая западных, большей частью американских, экономических «консультантов», которые слишком часто вступали в сговор с российскими «реформаторами» в целях быстрого самообогащения путем «приватизации» российской промышленности и особенно энергетических ресурсов. Хаос и коррупция превращали в насмешку российские и американские заявления о «новой демократии» в России. Реальные последствия коррупции сказались на российской демократии уже немалое время спустя после того, как истекло пребывание Буша у власти.

Еще большие затруднения возникали из-за неясности статуса российского государства. Эта проблема требовала, но не сделалась предметом серьезного внимания. Сначала считали, что за распадом Советского Союза в декабре 1991 года последует новое образование, названное Содружеством Независимых Государств (СНГ). Тесный союз, возглавлявшийся Кремлем, должен был реформироваться в свободную конфедерацию, все еще координируемую из Москвы, но эта концепция была отторгнута национальными устремлениями нероссийских государств, для которых конец Советского Союза означал как минимум государственный суверенитет. Первым из них была Украина, и ее решимость стать независимой сделала СНГ умирающей фикцией.

Администрация Буша не знала, что к 1992 году останется мало времени, чтобы рассматривать эти новые проблемы в рамках широкой стратегической перспективы. Испытывая законную гордость своим искусным руководством демонтажа советской империи, но удивленная ее столь быстрым распадом, команда Буша, понимая, что до следующих президентских выборов остается меньше года, на некоторое время дала событиям в постсоветской России идти своим чередом, имея в виду заняться ими в период второго президентского срока, который, однако, так и не состоялся. Новый мировой порядок риторически был видоизменен, чтобы включить в него ельцинскую Россию, но без каких-либо существенных изменений и без долгосрочного плана в отношении постсоветского мира.

Точно так же команда Буша, которая была введена в заблуждение высокопоставленными чиновниками, полагавшими, что Югославия продолжит свое существование без Тито, а затем внезапно столкнулась с враждой между возникшими новообъявленными республиками, позволила югославскому кризису идти своим ходом. Чрезвычайно примечательно, что в мемуарах Буша-Скоукрофта, насчитывающих свыше 590 страниц, где детально описываются все главные проблемы, с которыми столкнулись их штоты, содержатся лишь четыре коротких упоминания о Югославии, даже изложенных неполно. Поскольку Соединенные Штаты проявили безразличие, а сама Европа оказалась не в состоянии что-либо предпринять, югославский кризис развивался бесконтрольно и становился чудовищным и кровавым. Можно предположить, что в случае вторичного избрания президентом Буш уделит бы этому вопросу должное внимание, но случилось так, что мучительный и сопровождавший все большим насилием конфликт достался его наследнику в виде незавершенного дела.

Позиция американского правительства по Афганистану также была пассивной. Когда в феврале 1989 года Советская армия после почти десятилетней беспрецедентно жестокой войны ушла из Афганистана, страна была опустошена, а ее экономика развалена и почти 20 процентов населения стали беженцами к районам, прилегающих к Пакистану и Ирану. Не было и эффективного центрального правительства. Установленный советской стороной режим в Кабуле через несколько месяцев был сброшен антисоветскими силами сопротивления, которые затем раскололись на несколько враждующих фракций. Соединенные Штаты, которые при президентах Картере, Рейгане и Буше оказывали поддержку

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org силам сопротивления, мало что сделали для того, чтобы международное сообщество помогло Афганистану осуществить политическую стабилизацию и восстановить экономику. Последствия этой беззаботности стали ощутимыми позже, уже после ухода Буша с поста президента.

Тем не менее, то, что Буш сумел договориться с Горбачевым, чьи запоздалые попытки реформировать большой Советский Союз привели к кризису, которым Буш и воспользовался, было историческим достижением, имевшим далеко идущие последствия, особенно если подумать о том, что могло бы случиться, если бы американский президент оказался менее искусным и менее удачливым. В Восточной Европе могли бы быть кровавые советские репрессии, в Советском Союзе – насилие в массовых масштабах или даже непреднамеренные коллизии между Востоком и Западом. Но вместо этого последовало мирное возникновение демократической Европы, связанной с НАТО и поглощенной нарождающимся Европейским Союзом, которое изменило исторический баланс в пользу Запада.

Бесплодный триумф

К осени 1990 года команде Буша, занятой трудными проблемами, связанными с кризисом в советском блоке, пришлось также обратиться к другому вопросу, оказавшемуся в повестке дня президента, – вопросу, отнимающему много времени и требующему большого внимания. Испытываешь невольный страх, если вспомнить, что помимо чрезвычайно сложных усилий, направленных на мирный демонтаж советской империи, администрация Буша одновременно столкнулась с внезапной угрозой безопасности в Персидском заливе и должна была дать дипломатический и военный ответ на захват Ираком Кувейта. Как и в случае с Советским Союзом, проблема была не только в том, как реагировать на возникшую ситуацию, но и в том, чтобы найти долговременное решение в разрываемом конфликтами регионе, что было не менее важно.

Парадоксально, что именно совпадение по времени этих двух крупных кризисов обеспечило Бушу большую свободу действий, потребовавшихся для решения второго из них. Читатель должен иметь в виду хронологию развития событий (см. с. 45–47): иракское вторжение в Кувейт произошло в августе 1990 года, в то время, когда Горбачев для спасения лица все еще маневрировал в вопросе о его согласии на воссоединение Германии на условиях Запада. Его трудности увеличивал внутренний кризис, приведенный в действие развалом режимов советских сателлитов в Восточной Европе, произошедшим годом ранее и теперь перераставшим в угрозу существованию самого Советского Союза. К концу 1990 года советская империя перестала существовать, и только год отделял шатающийся Советский Союз от распада. Россия отчаянно нуждалась в экономической помощи Запада: советский лидер был всего лишь своей собственной тенью, и Америка задавала тон в мире. Президент США мог действовать, не опасаясь того, что Советский Союз станет на его пути.

У Саддама Хусейна, должно быть, были другие расчеты. Возможно, он считал, что наносит удар в момент, когда и Соединенные Штаты, и Советский Союз поглощены другими делами. Может быть, он также думал, что все еще можно полагаться на то, что советское участие в Совете Безопасности ООН обеспечит ему вето на любое принудительное решение, исходящее от США. В течение предыдущих трех десятилетий Советский Союз предпринимал все более активные политические и военные действия на Ближнем Востоке. Он потерял некоторые позиции в Египте, особенно в результате сотрудничества Картера с Садатом в конце 70-х годов, но Ирак и Сирия продолжали получать советское оружие в виде щедрого дара, и военные структуры и действия Ирака находились под сильной опекой советских военных советников. Казалось логичным, что Советский Союз может предоставить международное прикрытие региональным амбициям Ирака.

Саддам мог также прийти к заключению, что Соединенные Штаты не только заняты в Восточной Европе, но еще и сохраняют свежие воспоминания о Вьетнаме, чтобы не иметь склонности прибегнуть к силе. Он мог быть также введен в заблуждение разговором с послом США, который, казалось, дал знать о безразличном отношении США, когда Саддам намекнул на свое намерение осуществить вторжение в Кувейт. Но более неверного заключения он не мог бы сделать. Его главная ошибка состояла в том, что он не понял новых геополитических реальностей. После событий 1989 и 1990 годов Буш возвышался над миром, став первым в истории глобальным лидером, и Соединенные Штаты получили едва ли не всеобщее признание в качестве единственной

В этих условиях действия Саддама были не только вызовом традиционной роли США в Персидском заливе – и особенно американским нефтяным интересам в Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах – но, вероятно, и даже в еще большей степени для новой доминирующей роли США в мире и для нового глобального статуса Буша. Каковы бы ни были правовые основания для иракских исторических претензий к Кувейту, акт вторжения был прямым вызовом. Буш понимал, что Америка должна дать ответ, хотя вполне осознавал, что этот ответ должен уважать международное право и интересы других стран.

Буш узнал об иракском вторжении рано утром 1 августа 1991 года. По его собственному признанию, его постоянная занятость советским кризисом не давала ему возможности уделять много внимания Персидскому заливу. Но он и его главные советники быстро пришли к выводу, что Соединенные Штаты должны взять на себя ведущую роль в организации международных ответных действий, узаконенных коллективным осуждением ООН, усиленных санкциями и поддержанных наращиванием вооруженных сил. Международные обстоятельства благоприятствовали такой стратегии. Советский Союз, бывший не в состоянии выступить с возражениями, присоединился к Соединенным Штатам в осуждении Ирака 3 августа. Несколькими днями позже король Саудовской Аравии, опасаясь, что иракцы бросятся на юг, пошел на беспрецедентный шаг (учитывая саудовскую религиозную чувствительность), дав согласие на размещение на территории Саудовской Аравии оборонительного контингента американских войск. Вскоре после этого Лига арабских стран также приняла решение направить арабские силы для защиты Саудовской Аравии.

Великобритания с самого начала решительно поддержала действия Буша, направленные на то, чтобы вынудить Ирак отвести свои войска. Поддержала Соединенные Штаты и Франция. Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, все еще в состоянии торжества, вызванного ее победоносной конфронтацией с Аргентиной по поводу Фолклендских островов, была особенно тверда, настаивая на решительных действиях. Буш также обратился за поддержкой к китайцам, которым напомнили о своей терпеливой реакции на бойню на площади Тяньаньмэнь. Всего лишь через две недели после вторжения международная изоляция и осуждение Ирака стали фактом: Совет Безопасности ООН тринадцатую голосами при отсутствии воздержавшихся принял резолюцию, требующую вывести иракские войска из Кувейта.

Однако международная солидарность сама по себе не решила вопрос о том, должны ли быть использованы против Ирака военные силы, и если должны, то когда. Сам Буш, согласно его мемуарам, уже к середине августа пришел к выводу, что это необходимо сделать, несмотря на то, что некоторые из его консультантов из Совета национальной безопасности настаивали на том, что подготовке санкций должно быть отведено больше времени. Такую же позицию занял и Горбачев, несмотря на выраженную им ранее готовность осудить иракскую агрессию. Китайский министр иностранных дел в своих воспоминаниях пишет о том, что Китай также настаивал на том, что, прежде чем прибегнуть к вооруженной силе, необходимо проявить терпение.

Буш несколько следующих месяцев действовал по своей программе, состоявшей из трех пунктов. Во-первых, он готовился к применению санкций. Во-вторых, продолжал дипломатическое маневрирование, чтобы избежать попыток со стороны общественности, а главное, со стороны некоторых лиц, особенно представителей России, найти какую-нибудь формулу, спасающую лицо Саддама в обмен на вывод войск из Кувейта. В-третьих, он следил за наращиванием в Саудовской Аравии огромного экспедиционного контингента войск США, готовых к наступлению и усиленных контингентами британских, французских и некоторых арабских стран, что было политически важно. К концу года численность американских войск в Саудовской Аравии возросла до 500 тысяч человек.

Дипломатические меры, направленные на то, чтобы изолировать и заклеймить Саддама, были столь же необходимы для успеха операции, как и военное наращивание. К концу 1990 года солидная международная поддержка, включая жесткую резолюцию Совета Безопасности, помогла гарантировать согласие Конгресса на использование вооруженной силы в случае несогласия Ирака выполнить предъявленные ему требования.

Несмотря на предпринятую в последнюю минуту попытку советской стороны выступить в роли посредника, крупная и разрушительная операция против иракских войск началась в ночь с 15 на 16 января, за которой в ночь с 23 на

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
24 февраля последовала операция наземных войск, главным образом американских. В качестве символического жеста арабский контингент должен был вступить в Кувейт-сити, и 27 февраля иракские вооруженные силы капитулировали.

С этого момента оценка в исторической перспективе того, что было сделано, и того, что не было сделано, становится сложной и в какой-то степени умозрительной. Можно считать, что ответ Буша на агрессию Саддама против Кувейта стал одновременно и его величайшей военной победой, и его наиболее незавершенной, не давшей результатов политической акцией. Решение вступить в войну в начале 1991 года, посылать людей на смерть, добиваться путем применения силы желаемого результата было самым критическим испытанием Буша как человека и его способности быть лидером. По геостратегические последствия этого личного триумфа Буша стали для него более проблематичными. Саддам был разгромлен и унижен, но он не был лишен власти. И положение в регионе продолжало ухудшаться.

Участие военных контингентов других стран в операции в Персидском заливе

Общая численность – 771 тыс.

Из них не-США – 230 тыс.

Подготовил Бретт Эдкинс

Сам Буш вспоминает, что был удивлен, узнав о том, что у Саддама осталось еще более двадцати дивизий, включая элитные части его Республиканской гвардии. Он также утверждает, что был «разочарован» тем, что Саддам остался у власти, но это ничего не говорит нам об усилиях – если они и были предприняты, – направленных на достижение иного результата. Во всяком случае, то, что Саддам по-прежнему удерживал власть в своих руках, вызывало раздражение у американцев, и существует трагическая связь между тем, что не произошло зимой 1991 года, и тем, что произошло весной 2003-го. Если бы результат первой войны в Заливе был иным, следующему президенту США не пришлось бы вести войну в Ираке.

Но мы теперь доподлинно знаем, что быстрое прекращение огня в феврале 1991 года оставило Саддаму достаточно военных сил для того, чтобы подавить восстание шиитов, вспыхнувшее из-за понесенного им военного поражения, а ведь это восстание, возможно, было вызвано призывами США к действию, обращенными к народу. Результатом стали острейшие столкновения между суннитами и шиитами, которые очень сильно осложнили политическое положение в последние годы в Ираке после свержения Саддама. Все это способствовало тому, что США, по представлению арабов, ведут с ними игру, пытаясь на самом деле сохранить свой контроль над нефтяными ресурсами региона.

Мог ли Буш прибегнуть к политическому торгу: добиться изгнания Саддама Хусейна в обмен на сохранение иракской армии? Буш и его команда доказывали, что отстранение Саддама потребовало бы штурма Багдада и изменение их целей в процессе вторжения раскололо бы созданную коалицию и привело бы к отчуждению ее арабских участников. Но решительная попытка повернуть находившуюся в шоке деморализованную военную верхушку Ирака против Саддама могла бы сработать. Иракские вооруженные силы ко времени прекращения огня находились в состоянии хаотического отступления. Ультиматум Саддаму: откажись от власти и отправляйся в изгнание или твоя армия, которая бежит, будет вся уничтожена, – усиленный официально заявленной или тайно доведенной до высшего военного руководства Ирака (и даже до некоторых лидеров партии «Баас») гарантией того, что им будет дана возможность принять участие в правительстве, – мог бы перевести военный триумф в политический успех.

Заслуженная победа в Ираке, таким образом, осталась неиспользованной в стратегическом отношении ни в Ираке, ни в регионе в целом. Тесное и совершенно явное англо-американское сотрудничество в противостоянии вызову Саддама, персонифицированное дуэтом Буша и Тэтчер, дало толчок распространенному на Ближнем Востоке мнению об Америке как стране, стремящейся стать наследницей британской имперской мантии и действующей по

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org указке Великобритании. Большинство американцев остается в блаженном неведении о старых обидах, нанесенных арабам британским господством, невыполненными обещаниями об освобождении от османского правления и периодическими жестокими репрессиями по отношению к нараставшему арабскому национализму. В глазах многих арабов, склонных к объяснению всего заговорами, Америка действует под влиянием Даунинг-стрит и подбирает все, что оставили после себя британские империалисты.

Это вызывает особое сожаление, учитывая успехи Буша в привлечении арабских стран к участию в кампании против Саддама Хусейна. Коалиция создала для Америки возможность использовать свое исключительное положение для энергичных действий по урегулированию напрямую самого мучительного конфликта в этом регионе, ставшего причиной многих страданий и главным источником усиления антиамериканских настроений, а именно израильско-палестинского конфликта. Как отмечал Денис Росс, главный представитель президента Клинтона в переговорах по Ближнему Востоку и известный как верный друг Израиля, «ни один вопрос не вызывал такого гнева и столь глубокого чувства несправедливости на всем Ближнем Востоке, как израильско-палестинский конфликт».

Первоначально казалось, что Буш готов осуществить широкую инициативу, чтобы положить конец этому конфликту. Еще до войны 1991 года он выразил свое намерение сделать это несмотря на то, что правительство партии «Ликуд» в Израиле проводило политику расширения еврейских поселений на палестинских территориях. В мае 1989 года, четыре месяца спустя после инаугурации, государственный секретарь Буша прямо сказал в Американско-израильском комитете общественных отношений, главном израильско-американском лобби, что «для Израиля пришло время раз и навсегда отказаться от нереалистических представлений о Великом Израиле... Отрекитесь от аннексии. Прекратите политику строительства поселений... Протяните руку палестинцам как соседям, заслуживающим политических прав». В марте 1990 года сам Буш заявил: «Моя позиция такова: внешняя политика США исходит из того, что на Западном берегу или в Восточном Иерусалиме не должно быть новых поселений».

Но вскоре внимание Белого дома было поглощено оккупацией Саддамом Кувейта. В течение военного конфликта, последовавшего в начале 1991 года, главной заботой Буша было удержать Израиль от нанесения удара в ответ на предпринятый Саддамом с явно провокационной целью ракетный обстрел Тель-Авива. Буш опасался, что израильский контрудар приведет к выходу арабских участников из антисаддамской коалиции. В награду за такую терпимость Израилю была предоставлена срочная помощь в размере 650 миллионов долларов сверх ежегодной поенной помощи, составляющей 3 миллиарда долларов.

6 марта 1991 года, вскоре после прекращения огня, Буш сделал публичное заявление о том, что он намерен добиваться всеобъемлющего мирного соглашения между Израилем и его соседями. И то же время он повторил известную позицию США, что мир должен основываться на 242-й и 338-й резолюциях ООН (формула, против которой решительно возражал премьер-министр Израиля Шамир) и должен обеспечить «безопасность и признание существования Израиля, равно как и законные палестинские права». Обращает на себя внимание, что палестинское государство еще не было упомянуто.

В середине 1991 года Шамир потребовал гарантию предоставления займа в размере 10 миллиардов долларов, отказываясь в то же время прекратить строительство новых поселений. Поскольку бюджетом уже была предусмотрена помощь Израилю, запрошенная Шамиром на 1992 год, произраильские лоббисты развернули в печати широкую кампанию, призывающую Конгресс удовлетворить новую просьбу. Буш решительно выступил против и не только добился одобрения Конгрессом постановления о замораживании на 120 дней предоставлявшейся помощи по уже выделенным ассигнованиям, но и введения эмбарго на предоставление гарантий по займам Израилю, которое оставалось в силе до тех пор, пока Шамир не потерпел поражение на выборах 1992 года и премьер-министром стал лидер Рабочей партии Ицхак Рабин. Рабин принял требование Буша о прекращении строительства поселений, и эмбарго было снято за месяц до того, как сам Буш проиграл президентские выборы.

На какой-то момент казалось, что Соединенные Штаты используют имеющиеся у них рычаги, чтобы привести все страны региона к окончательному длительному урегулированию. К осени 1991 года Буш уже заручился согласием Горбачева (который, однако, через два месяца утратил власть) направить от имени США и

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Советского Союза приглашение всем конфликтующим странам – Израилю, Сирии, Иордании, Ливану и Организации освобождения Палестины – принять участие в мирной конференции, которая должна была начать работу 30 октября в Мадриде. Эта конференция привела в движение длительный процесс многосторонних и двусторонних переговоров при организующей и посреднической роли США с участием Москвы по существу в качестве наблюдателя. В конце концов была создана Палестинская администрация, и Арафат вернулся на Западный берег, но только после того, как Рабин сменил Шамира. Тем не менее мирный процесс увяз в сварливых перебранках, не приведя к фундаментальному прорыву.

Между военным поражением Саддама в феврале 1991 года и политическим поражением Буша в ноябре 1992-го Соединенные Штаты предпочли воздержаться от передачи Израилю и палестинцам четкой американской формулы общего урегулирования, выходящего за рамки заявления Буша, сделанного в марте 1991 года. Хотя переговорный процесс между участниками еще продолжался, им не удалось преодолеть различия во взглядах по чрезвычайно трудному вопросу о том, каковы должны быть последствия окончательного урегулирования. Предоставленные самим себе израильтяне и палестинцы не смогли преодолеть враждебной подозрительности по отношению друг к другу.

В результате, несмотря на большие ожидания и значительные усилия, предпринятые администрацией Буша, окончательным итогом Мадридской мирной конференции было признание Организацией освобождения Палестины права Израиля на существование в обмен на разрешение ООП иметь подчиненную администрацию на оккупированном Израилем Западном берегу и в Газе. «Обширное мирное урегулирование», о котором говорил Буш, по-прежнему осталось призрачным, как это было и раньше.

Мы никогда не узнаем, могла бы привести к желаемому соглашению более значительная и более четко изложенная идея мирного урегулирования по принципу «quid pro quo» (одно вместо другого), публично и твердо сформулированная президентом США. Для любой из сторон было бы нелегко не согласиться на предложение американского руководства, престиж которого после развала Советского Союза и поражения Ирака был беспрецедентно высоким. Америка стала объектом восхищения и, что еще более важно, рассматривалась как страна, получившая легитимацию истории. Если бы этот престиж и легитимация были использованы для отстранения Саддама и для более сильного нажима в пользу мирного урегулирования на Ближнем Востоке, регион десятилетия спустя мог бы выглядеть совсем иначе. Возможно, Буш считал, что было бы неразумно проявить такую твердость в год президентских выборов, и надеялся сделать это после выборов. В 1991 году у него были все основания думать, что он вернется в Белый дом, но к середине 1992 года его рейтинг понизился, так как он воспринимался большинством как президент, пренебрегающий внутренними делами.

Подводя итог, можно сказать, что в 1991-м и начале 1992 года Буш имел больше возможностей добиться решительного прорыва в установлении мира, чем любой из американских президентов со времен Эйзенхауэра. По он никогда не пытался использовать свое исключительное положение в регионе, чтобы вынудить заинтересованные стороны принять четкие принципы по ключевым спорным вопросам, и не хотел связывать Америку такими принципами, заявив о них публично. Это был момент, когда следовало официально заявить о нескольких основных американских требованиях: не может быть права возвращения для палестинцев, не может быть значительного расширения территории Израиля за линию 1967 года, должна быть территориальная компенсация за любые изменения, необходима формула раздела Иерусалима и демилитаризации будущего палестинского государства.

Неудачным было и то, что не доведенный Бушем до конца успех в Ираке стал первородным грехом его наследия – незавершенная, вызывающая все большее недовольство и наносящая ущерб ей самой – роль Америки на Ближнем Востоке. В течение дюжины последовавших лет Соединенные Штаты – правильно или неправильно – воспринимались в регионе не только как страна, облаченная в империалистическую мантию Великобритании, но и как страна, которая – чем дальше, тем больше, – действует в интересах Израиля, проповедуя мир, но проводя тактику затягивания урегулирования, способствующую расширению строительства поселений.

Для религиозных фанатиков размещение американских войск на священной земле Саудовской Аравии становилось стимулом к тому, чтобы проповедовать доктрину ненависти в отношении Америки. Суннитские ваххабиты, используя лишь

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org несколько иную терминологию, вторили иранским шиитам, клеймившим Америку «Великим Сатаной», а таинственный саудовский борец за веру (из богатого саудовского семейства) вынес приговор Америке как осквернительнице священных исламских мест и главному опекуну Израиля. Таким образом на мировой сцене появилась «Аль-Каида».

Второй президентский срок мог бы дать Бушу время, чтобы стать подлинно президентом-новатором, строителем новой исторической эры. Нет сомнения в том, что его деятельность в период агонии советской империи заслуживает рукоплесканий, и сомнительно, что его предшественник Рональд Рейган смог бы действовать столь же успешно. Но на Ближнем Востоке блестящая военная победа превратилась в тактический успех, стратегическое значение которого постепенно становилось негативным. Оба незавершенных дела – израильско-арабский конфликт и прекращение огня в Ираке стали постоянной заботой преемников Буша. Арабы все более расценивали роль Америки в регионе не как оздоравливающее влияние, а как возвращение в колониальное прошлое.

Наследие Буша страдало и другими недостатками. Мало того, что он оставил после себя неиспользованные возможности на Ближнем Востоке и не создал стратегии, направленной на консолидацию демократии в России; он промедлил с принятием мер, когда становилось все очевиднее, что существующая система сдерживания распространения ядерного оружия начинает давать трещину. Из опыта войны в Заливе потенциальные сторонники распространения пришли к пагубному заключению, что в качестве бесценного средства противостояния Соединенным Штатам или одному из своих соседей может служить атомная бомба. Вполне понятно, что поглощенная делами, связанными с советским блоком и Ираком, администрация Буша не приложила серьезных усилий – ни своих собственных, ни путем мобилизации международного общественного мнения – к тому, чтобы пресечь в корне все более явные попытки Индии и Пакистана и еще более сомнительную активность Северной Кореи, старавшихся приобрести ядерное оружие.

В конце 1989 года большинством голосов в ООН была принята резолюция, внесенная Пакистаном и Бангладеш, о создании в Южной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, но эта инициатива провалилась, потому что Индия выступила против. В апреле следующего года индийский премьер-министр дал понять, что Индия намерена стать ядерной державой, утверждая, что у нее нет «другого выбора, кроме как дать достойный отпор» будто бы усиливающемуся вызову со стороны Пакистана. Тогда Соединенные Штаты в основном приостановили оказание экономической и военной помощи Пакистану, но эти меры не остановили усилия Индии. Индийцы и пакистанцы некоторое время занимались маневрами, рассчитанными на то, чтобы и глазах мирового общественного мнения переложить друг на друга ответственность за гонку к обладанию ядерным оружием. К 1992 году, последнему году пребывания Буша в Белом доме, оба правительства открыто признавали, что они стремятся создать ядерный потенциал, но, конечно, только для того, чтобы иметь возможность противостоять противоположной стороне.

Возникло беспокойство и по поводу того, что Северная Корея также стремится иметь ядерное оружие. Чтобы убедить северокорейский режим согласиться на международный контроль, Соединенные Штаты в конце 1991 года вывезли свое ядерное оружие из Южной Кореи, а правительство Южной Кореи выступило с Декларацией о превращении Корейского полуострова в безъядерную зону, по которой оно брало на себя обязательство о добровольном отказе от ядерного оружия. Эти шаги были предприняты для того, чтобы удовлетворить требования северокорейского режима о предоставлении ему необходимых заверений и получить согласие Международного агентства по атомной энергии на осуществление контроля. В ответ Северная Корея в 1992 году ратифицировала соглашение с МАГАТЭ о гарантиях, подписанное шесть лет назад при заключении договора о нераспространении. Уступив требованиям МАГАТЭ, она также официально признала, что занимается переработкой небольшого количества урана и имеет немного плутония, и представила доклад о своей ядерной программе и начале инспекции своих объектов представителями МАГАТЭ.

К этому времени администрация Буша уже была поглощена предвыборной кампанией и не проявляла склонности к тому, чтобы использовать монопольную власть и престиж Америки в международной сфере, и еще меньше к тому, чтобы самой заниматься сдерживанием устремлений Северной Кореи, Индии и Пакистана к овладению ядерным оружием. Между тем Иран потихоньку извлекал из всего этого необходимые ему уроки. Кроме того, недостаток внимания к приоритетному вопросу нераспространения стал особенно очевиден, когда к

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
концу зимы 1992 года в прессу просочилась информация о подготовленном администрацией проекте рекомендаций по оборонному планированию.

Этот документ рассматривал новые реальности, возникающие из нового статуса Америки в качестве единственной глобальной сверхдержавы. Он заключал в себе разумные и тщательно обоснованные рекомендации в целях использования новых обстоятельств, возникших вследствие развала Советского Союза и поражения Ирака. Зона доминирования США должна была расширяться в Европе на восток и консолидироваться на Ближнем Востоке. Документ четко формулировал точку зрения, в которой сильно ощущалось влияние традиционной политики силового баланса с резким упором на американское глобальное военное превосходство.

Такой акцент, судя по всему, был связан с ничем не оправданным безразличием администрации к распространению ядерного оружия и отражал отсутствие более широкого и более целеустремленного взгляда на мир, который в тот момент в основном приветствовал американское лидерство. Военное превосходство Америки само по себе не могло дать необходимых ответов на вопросы, возникшие вследствие широкого политического пробуждения, растерявшегося миру, взбудораженной Азии, Европе, неуверенной в своей миссии, или России, находившейся в состоянии замешательства. После общественного протеста по поводу мартовского проекта документа, в его окончательной версии, официально представленной в мае, была сделана попытка учесть неблагоприятную реакцию других стран, смягчив властные интонации.

Тем не менее, документ сеял интеллектуальные семена политики, ориентированной на односторонние преимущества и превентивные действия, которая сформировалась десятью годами позже. Но авторы рабочего проекта, бывшие в 1992 году чиновниками среднего уровня, вновь появились в качестве представителей министерства обороны и Совета национальной безопасности, а их главный инициатор, министр обороны Чейни, предстал в 2001 году уже как вице-президент Соединенных Штатов. Однако в 1992 году понятие нового мирового порядка признавалось только на словах, и, таким образом, окончательный документ, как бы успокаивая всех и вся, подтверждал обязательства США перед существовавшими союзами и намерение расширять сотрудничество с государствами, которые раньше рассматривались как противники.

Несмотря на эти изменения, определяющая характеристика документа, сформулированная более четко в проекте, но нашедшая отражение и в окончательном варианте, делала упор на силу Америки и на ее обязательства в традиционном понимании. Авторы уделили много внимания тому факту, что распределение сил в мире изменилось с исчезновением Советского Союза, но как новые возникающие параметры глобальной политики, так и возможности внести новое содержание в существующие международные институты, ослабленные холодной войной, были проигнорированы. После окончания холодной войны мир ждал чего-то более целенаправленного, более драматического, более зримого. Одна только сила не могла больше сдерживать пробудившиеся устремления народов, которые хорошо знали, что именно им не правится, по чьи желания были куда более смутными, противоречивыми и подверженными манипулированию ложными пророками.

Короче говоря, главный недостаток Джорджа Г. У. Буша состоял не в том, что он сделал, а в том, чего он не сделал. Он оставил пост президента, завоевав беспрецедентное уважение во всем мире. И он заслужил его. Но в качестве глобального лидера он не использовал имевшиеся у него возможности сформировать взгляд на будущее или оставить обязывающее понимание направления развития. Исторический момент требовал нового представления о мире в целом и решительного политического вмешательства США на Ближнем Востоке. Он требовал резкого структурного обновления в глобальном масштабе, подобного тому, который последовал за Второй мировой войной, с учетом новых возможностей международного сотрудничества, охватывающего Россию, Китай и другие новые государства. Окажись Буш переизбранным на второй срок, у него не было бы ясной картины будущего и немного было намечено.

Роберт Браунинг писал: «Предел человека должен быть больше того, что он имеет, иначе для чего же Небо». К 1992 году добившийся замечательных успехов дипломат и победоносный воин превратил свой многообещающий призыв к новому мировому порядку в переиздание более знакомого старого имперского порядка.

4. Бессилие благих намерений

(и цена потворства собственным слабостям)

Нет больше разделения между внешним и внутренним – есть мировая экономика, мировая окружающая среда, мировой кризис распространения СПИДа, мировая гонка вооружений – они затрагивают всех нас.

(21 января 1993 г.)

На заре XXI века свободный народ должен теперь избрать путь для формирования институтов информационной эры и глобального общества.

(20 января 1997 г.)

Сегодня мы должны усвоить неумолимую логику глобализации.

(26 февраля 1999 г.)

Глобализация – это нечто, от чего нельзя остаться в стороне, что невозможно остановить. Это экономический эквивалент силы природы, как ветер или вода.

(17 ноября 2000 г.)

Поезд глобализации невозможно повернуть вспять.

(8 декабря 2000 г.)

В отличие от своего предшественника, президент Билл Клинтон обладал глобальным видением. Исторический детерминизм, свойственный концепции глобализации, превосходно сочетался с глубоким убеждением Клинтона в том, что Америка, для того чтобы подтвердить свое наименование «незаменимой глобальной державы», должна также обновить и саму себя. Внешняя политика для Клинтона была в основном продолжением внутренней. Через несколько лет он вспомнил, как был удивлен тем, что президент Буш в ходе предвыборной кампании 1992 года уделял так мало внимания внутренним делам. Вся страна видела, как однажды во время президентских дебатов Буш нетерпеливо поглядывал на часы казалось, что внутренние вопросы нагоняли на него скуку. Это впечатление помогло Клинтону формировать свою предвыборную стратегию и политику в период его президентства.

Внутреннее обновление стало, таким образом, центральной задачей первого президентского срока Клинтона. Но поскольку внешние дела нельзя было игнорировать, Клинтон сделал акцент на глобализацию, придав ей удобную формулу, соединяющую внутренние и внешние дела в единую, совершенно очевидно взаимосвязанную задачу, а это как бы освобождало его от обязанности определять и проводить четко сформулированную, строго определенную внешнеполитическую стратегию. Поэтому глобализация стала темой, которую Клинтон проповедовал с апостольской убежденностью как дома, так и за границей. Во время визита во Вьетнам в ноябре 2000 года он назвал глобализацию «экономическим эквивалентом силы природы», а несколькими месяцами раньше он заявил, выступая в Думе России, что «глобализация – это черта, определяющая сегодняшний мир».

Относительное снижение международных дел в ряду приоритетов политики Клинтона весьма четко подчеркивается (хотя, вероятно, и непреднамеренно) поразительным контрастом между мемуарами Джорджа Г. У. Буша и Клинтона. Почти шестисотстраничный том Буша, написанный вместе с его советником по национальной безопасности, посвящен – с вполне обоснованной гордостью за достижения авторов – исключительно внешним делам. Даже о вполне заслуживающей упоминания армейской службе Буша во время войны в мемуарах не говорится ничего. Клинтон же (на 1008 страницах!) написал длинный отчет о своей жизни, тактично-осторожный в некоторых личных вопросах, в котором восьмилетнее руководство внешней политикой второго глобального лидера в истории изложено в довольно поверхностном обобщении, занимающем всего около 15 процентов всего объема книги. Даже госсекретарь Клинтона во время его второго срока, гораздо более активная и напористая, чем ее предшественник, посвятила относительно большую часть ее собственных мемуаров воспоминаниям, не относящимся непосредственно к внешнеполитической стратегии и ее

Перефразируя знаменитый афоризм Клаузевица «война есть продолжение политики другими средствами», можно сказать, что Клинтон, в отличие от Буша, действительно рассматривал внешние дела как продолжение внутренней политики. Это отразилось и на внешнеполитических решениях, принимавшихся при нем, и на подборе главных фигур, занимавшихся внешней политикой. Уже первые сделанные Клинтоном назначения советника по вопросам национальной безопасности (Энтони Лейк), государственного секретаря (Уоррен Кристофер) и министра обороны (Лес Аспин) создавали двойственное представление: его команда была явно либеральной по своим взглядам, проявляла внимание к гуманитарным вопросам, была восприимчивой в отношении проблем внутренней политики, но не была склонна к персональной, бюрократической или военной заикленности. Лейк был особенно озабочен углублением гуманитарного кризиса в Африке. Кристофер, значительно старше Клип тона по возрасту, пользовался большим уважением как человек, избегавший подчеркивать свое положение и известный своей общительностью (в Вашингтоне о нем в шутку говорили: «он у нас такой жизнелюб»), Аспин был опытным политиком, хорошо знавшим внутренние вопросы, с быстрым и ищущим умом, но не имел опыта в стратегическом планировании или в решении крупномасштабных организационных проблем. Ни все вместе, ни в отдельности они не имели желания торопить президента с разработкой программы внешней политики.

Во втором сроке с небольшим запозданием произошли некоторые изменения. К тому времени президенту пришлось заниматься делами более интенсивно, и его внешнеполитическая команда активизировала свою деятельность. Новым советником по национальной безопасности стал Сэнди Бергер, политически искушенный приятель Клинтона еще со школьных лет и поэтому более уверенный в себе и энергичный. Новый госсекретарь Мадлен Олбрайт была решительной сторонницей расширения НАТО и внесла более четкую геополитическую ориентацию в деятельность СНБ с упором на Европу в последующем, когда югославский кризис вылился в крупномасштабное насилие, эта ориентация сыграла важную роль. Билл Перри, ставший министром обороны еще в период первого президентства, был известным специалистом в военных вопросах. Во время второго срока его сменил Билл Коэн, бывший сенатор-республиканец, который до некоторой степени придал работе в сфере обороны и национальной безопасности двухпартийный оттенок.

Еще более заметные различия по сравнению с президентством Буша произошли в механизме управления. Характерной чертой стиля Буша было управление сверху по вертикали, осуществлявшееся узким кругом лично известных президенту лиц под его непосредственным контролем или под контролем «вторую я» президента его сдержанного и осторожного советника по вопросам национальной безопасности. Нельзя даже представить стиля более отличного от стиля Буша, чем тот, который ввел Клинтон. Он нарушал большинство принятых правил, и его было даже трудно охарактеризовать. Обсуждения внешнеполитических вопросов в Белом доме при Клинтоне больше походили на то, что немцы называют «кафе-клатч» обменом сплетнями, чем на процедуру принятия политических решений высокого уровня. Они выливались в долгие совещания без строгой повестки, редко начинавшиеся и редко кончавшиеся в назначенное время, с неожиданным появлением на них в качестве участников различных сотрудников аппарата Белого дома. Некоторые занимались главным образом внутренними вопросами и присутствовали на заседаниях СНБ по собственному желанию, произвольно включаясь в обсуждение вопросов внешней политики. Президент, особенно в течение первого срока, скорее был одним из участников, чем руководителем с решающим голосом, и когда совещание наконец заканчивалось, часто оставалось неясным, какие же решения были приняты и были ли они вообще приняты. Это делало трудной жизнь советника по национальной безопасности, потому что не было уверенности, что последуют необходимые скоординированные действия по выполнению решения.

Колин Пауэлл, бывший при Клинтоне председателем Комитета начальников штабов, вкратце сказал об этом Дэвиду Роткопфу, который в обстоятельном очерке о системе СНБ, озаглавленном «Управляя миром», писал: «Если вы, например, прилетели с Марса и не знаете, кто есть кто, то вы включились бы в разговор, не зная, кто является президентом». Пауэлл описал атмосферу просто: «Как будто мы были в кафе». И хотя со временем все это улеглось и приняло более обычную форму, другие высшие чиновники все же вспоминают, что даже в течение второго президентского срока Клинтона на заседаниях по внешней политике не было доминирующего голоса. Ни президент, ни вице-президент, ни советник по национальной безопасности, ни

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org государственный секретарь не брали на себя этой функции. Личные влияния были очень изменчивы, и проистекавший отсюда бюрократический разброд так и не удавалось полностью преодолеть. Новообразованный Национальный экономический совет (НЭС), в противоположность СНБ, работал в более четком и профессиональном режиме, возможно, вследствие того, что внешняя политика казалась сферой, в которой каждый может высказать какое-то мнение, в то время как вопросы экономики и финансов доверены лишь посвященным. Во главе Совета был поставлен ответственный представитель на министерском уровне и с четкими полномочиями, и это сразу дало результат, когда администрация Клинтона столкнулась с финансовым кризисом в Мексике и Юго-Восточной Азии.

Приоритетность внутренних вопросов и понимание внешней политики как продолжения внутренней имело и существенный побочный эффект: Конгресс, подвергавшийся все усиливающемуся давлению лоббистов внешней политики, имевших зарубежные связи, расширил свои попытки законодательного регулирования внешней политики. Нельзя сказать, что это было чем-то совершенно новым. В прошлом, особенно когда внешняя политика формировалась на двухпартийной основе, исполнительная власть время от времени вступала в контакт с Конгрессом, чтобы создать законы, способствующие достижению внешнеполитических целей США и усилению переговорного механизма исполнительной власти путем кажущегося ограничения ее прав. В период после вьетнамской войны акцент переместился на законодательную власть, что имело целью возложить на власть исполнительную специфические задачи, решения которых добивалось внешнеполитическое лобби, или просто ограничить свободу действий исполнительной власти. Такая тенденция отмечалась и в 90-е годы, и она сохранилась до настоящего времени, проявив себя в принятии серии законодательных актов под энергичным давлением весьма влиятельных лоббистов, продвигавших внешнеэкономические вопросы, в которых заинтересована та или иная этническая общность, но которые не отражают точки зрения Белого дома или Государственного департамента. Наиболее активными и наиболее успешными из них были израильско-американское и кубинско-американское лобби, имевшие ресурсы для того, чтобы добиться желаемых изменений при решении вопросов распределения Конгрессом финансовых средств и обеспечения большой избирательной поддержки в двух главных штатах Нью-Йорке и Флориде.

Все более осложняя процесс принятия внешнеполитических решений, отчасти пользуясь упрощенным оптимистическим взглядом Клинтона на положение в мире, Конгресс, средства массовой информации и заинтересованные лоббисты периодически организовывали пропагандистские кампании, избирая в качестве мишени тех, кто мог бы быть назван американским «врагом юда». Кампании в прессе сопровождались враждебными резолюциями Конгресса и речами, также избирая в качестве мишени, например, Ливию, затем Ирак, затем Иран, затем Китай и всякий раз подчеркивая угрозу для Соединенных Штатов, якобы исходящую от каждой из этих стран. Это был парадокс: объективно безопасная и мощная Америка, выигравшая холодную войну, занималась поисками глобальных демонов, чтобы оправдать свою субъективную уязвимость, возникшую на благодатной почве страхов, ставших столь навязчивыми после 11 сентября.

Проблема, с которой столкнулся Клинтон и возникновению которой он косвенно способствовал, полностью так и не решив ее, состояла в том, что мир после холодной войны не был столь благополучным, каким он изображался в бодрых детерминистских представлениях о глобализации. Но, отдавая должное Клинтону, следует отметить, что весьма изменчивое состояние в мире делало очень трудным четкое определение приоритетов во внешней политике и выявление основных геополитических угроз. В отличие от Буша Первого, в критических ситуациях, с которыми столкнулся президент Клинтон, не было явного преобладания добра или зла, как это происходило в ходе смертельного кризиса советского блока и Советского Союза или вследствие вызывающего акта агрессии, совершенного вторжением Саддама в Кувейт.

Вместо этого Клинтон оказался перед рядом самых различных и в то же время иногда пересекающихся проблем, мирных и немирных, отражавших все более тревожные и доходившие до кипения ситуации в мире, которые возникли вслед за американско-советской холодной войной. Возникло два новых явления, отсутствовавших в период президентства Буша. Помимо многочисленных сложных кризисов, происходивших в отсутствие подлинно глобальных вызовов, нижеприведенная хронология дает представление о более конструктивных внешнеполитических инициативах США в сфере глобальных проблем, выходящих за пределы традиционной сферы силовой политики.

Международная хронология январь 1993-го – декабрь 2000 года

1993. После обвинений в обмане общественного мнения, предъявленных МАГАТЭ Северной Корее, ее намерение иметь ядерное оружие становится очевидным. Соединенные Штаты начинают длительный процесс расширения НАТО, в то время как Маастрихтский договор устанавливает этапы трансформации Европейского сообщества в Европейский Союз. Предпринимается попытка взорвать Всемирный торговый центр в Нью-Йорке. Вспыхивает насилие в Боснии. После кровопролитных столкновений миротворческие войска США выводятся из Могадишо в Сомали. Соглашения в Осло кажутся признаком продвижения вперед в урегулировании израильско-палестинских отношений.

1994. Благодаря энергичным законодательным усилиям Клинтона вступает в действие Соглашение о североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА). В феврале НАТО начинает наступательные действия в Боснии. Россия неофициально включена в «Большую семерку» ежегодную встречу на высшем уровне главных промышленно развитых демократических государств. США предоставили Китаю статус наиболее благоприятствуемой нации. Разгораются страсти вокруг вопроса о стремлении Северной Кореи к обладанию ядерным оружием, но в октябре США и Северная Корея заключают Рамочное соглашение о взаимных уступках. В сентябре Клинтон убеждает Россию в необходимости расширения НАТО. В этом же месяце США направляют миротворцев на Гаити, в то время как в Руанде продолжается никем не пресекаемый геноцид. В конце года Россия начинает войну в Чечне.

1995. Учреждена ВТО. В результате заключения соглашения с Россией о строительстве АЭС в Бушере Иран наряду с Северной Кореей становится источником угрозы распространения ядерного оружия. В Израиле убит премьер-министр Рабин. В Тайваньском проливе произошло первое из двух столкновений Японии с Китайской Народной Республикой. В администрации Клинтона достигнут неофициальный консенсус по вопросу расширения НАТО на восток. Россия заявляет энергичный протест в связи с началом воздушных бомбардировок Боснии авиацией НАТО, но военная интервенция приводит в ноябре к Дейтонскому соглашению и прекращению военных действий в Боснии.

1996. США подписывают Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Происходят первые официальные двусторонние американо-северокорейские переговоры. Второе столкновение в Тайваньском проливе заканчивается мирной «ничьей» и укреплением союза между США и Японией. Талибы захватывают Кабул. Накануне выборов в американский Конгресс Клинтон делает публичное заявление, выражая намерение расширить НАТО.

1997. Смерть бывшего лидера Китая Дэн Сяопина. Гонконг возвращается Китаю. В мае подписан основополагающий акт о взаимоотношениях между Россией и НАТО. Шестью неделями позже Польша, Чешской Республике и Венгрии направлено официальное предложение о присоединении к НАТО. Пакистан заявляет о потенциальной возможности стать ядерной державой. Разражается азиатский финансовый кризис. Подготовлен Киотский протокол о снижении выбросов окиси углерода в атмосферу, но Сенат США девяносто пятью голосами при отсутствии воздержавшихся или голосов «против» одобряет оговорки к нему.

1998. Россия формально вошла в «Большую восьмерку». США предприняли карательную бомбардировку Ирака. Индия и Пакистан провели у себя испытания ядерных бомб. Переговоры между Израилем и палестинцами, проходившие под эгидой США в Вай-Ривер, дали незначительные результаты. «Аль-Каида» совершила нападение на посольство США в Восточной Африке. США ответили бомбардировками Афганистана и Судана. Япония и Китайская Народная Республика приняли совместную декларацию о достигнутом примирении. США подписывают Киотский протокол, но он не представлен в Сенат для ратификации.

1999. НАТО ведет кампанию, направленную на изгнание Сербии из Косово. Происходит формальное расширение НАТО. Международные силы с участием США устанавливают мир в Восточном Тиморе. Сенат США отвергает Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Русское наступление в Чечне – начинается вторая чеченская война. Президент России Ельцин уходит в отставку. Международная агитация против глобализации усиливается. Индекс Доу Джонса превышает 10 000. В США распространяются страхи сбой

2000. Владимир Путин избран президентом России. Начинается вторая интифада. Умирает президент Сирии Асад. «Аль-Каида» совершает нападение на американский военный корабль «Коул». Визит государственного секретаря США в Северную Корею, а заместитель Ким Чен Ира посещает Вашингтон. Начало резкого падения фондового рынка США. Длительное время откладывавшийся второй раунд переговоров в Кэмп-Дэвиде, проведение которого намечалось накануне президентских выборов в США, завершается провалом. В конце декабря Клинтон подписывает Римский статут Международного Суда, но отмечает, что не намерен представлять его на одобрение Сената.

Формирование будущего

Молодость, ум и красноречие Клинтона, так же как и его ярко выраженный идеализм, сделали его превосходным символом доброй, но всемогущей Америки, признанной мировым лидером. Он предложил миру то, что Буш не мог или не успел предложить: привлекательную картину будущего. Под воздействием картины истории, нарисованной Клинтон в розовых тонах, и неопровержимой логики глобализации гонка вооружении должна была бы уступить дорогу контролю над вооружениями и ядерному нераспространению, война – сохранению мира и национальному строительству, соперничество между странами организованному глобальному сотрудничеству, основанному на наднациональных правилах поведения.

Даже если Клинтон переоценил и мифологизировал благотворный эффект глобализации, он все равно, повышая свой авторитет, подтвердил новые глобальные возможности, открывающиеся Америке. Придав этому подтверждению красноречивую риторическую форму, помогавшую узаконить в международном общественном мнении новый сверхдержавный статус Америки, Клинтон создал привлекательный образ молодого лидера, восприимчивого к технологическим и экологическим проблемам, стоящим перед человечеством, которое сознает моральную ущербность глобального статус-кво и готово мобилизовать человечество на совместные усилия для того, чтобы вместе решить проблемы, не поддающиеся решению отдельными странами.

Исчезновение Советского Союза с его приверженностью к глобальному идеологическому единообразию открывало Клинтону три существенные возможности для реализации его программы упрочения глобальной безопасности и сотрудничества:

- Во-первых, это создавало условия для более широких американских и российских инициатив в ограничении гонки вооружений между двумя государствами, которая так много лет истощала возможность использования средств на социальные цели, усиливая международную напряженность. Менее антагонистические отношения позволяли ввести более эффективные ограничения на испытания, производство и распространение ядерного оружия.
- Во-вторых, исчезновение биполярного мира делало возможным создание более широкой глобальной системы совместной безопасности. Начало ей могло бы быть положено более решительными мерами, препятствующими распространению ядерного оружия среди все большего числа стран.
- В-третьих, конец разделения Европы означал, что теперь может появиться более обширная и жизнеспособная Европа, тесно связанная с Америкой узами Атлантического сообщества. И это богатое демократическое сообщество могло бы стать внутренним политическим и экономическим ядром, генерирующим глобальное сотрудничество.

Администрация Клинтона стремилась использовать все эти три возможности, но с различными результатами. Некоторые цели оказались слишком амбициозными, и их риторика выходила за пределы возможного. Достижение других наталкивалось на укоренившееся наследие прошлого, которое выявилось после прекращения холодной войны. Возникали проблемы и в связи с тем, что способность президента воодушевлять и руководить падала из-за личных трудностей и вследствие нежелания Америки преодолеть свои социальные привычки к самоудовлетворению и пойти на некоторое ограничение национального суверенитета, которое она ожидала со стороны других.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Развал советской сверхдержавы и экономический провал в России создали особенно благоприятные условия для достижения первой цели сдерживания гонки вооружений между Соединенными Штатами и Россией. Сначала здесь был замечен реальный прогресс. Программа Нанна-Лугара выделяла финансовые средства для консолидации советского ядерного арсенала в пределах территории самой России. Начатая в последний гол президентства Буша и завершенная в 1996 году, эта программа позволяла избежать появления Украины, Белоруссии и Казах стана в качестве стран, обладающих ядерным оружием. Трудно даже представить себе, как бы выглядела безопасность Европы десять лет спустя, если бы эти три страны превратились в ядерные державы.

Второй Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений, заключенный с Россией в 1993 году, также предусматривал существенное снижение ядерных арсеналов Америки и России и означал еще один важный шаг к прекращению гонки вооружений, продолжавшейся более сорока лет. Примерно через год за ним последовал и Договор о взаимном перенацеливании ракет, еще более снизивший страх перед разрушающим обменом ядерными ударами. Были предприняты шаги к обеспечению безопасности российских сооружений для хранения ядерных боеголовок и других ядерных материалов. Более того, тысячи единиц ядерного оружия и систем доставки были дезактивированы и демонтированы. Соединенные Штаты также добились обязательства Украины присоединиться к Договору о нераспространении в качестве государства, не имеющего ядерного статуса, в обмен на увеличение экономической помощи.

Украину также удалось убедить расторгнуть заключенный в последние дни существования Советского Союза контракт с Ираном о строительстве ядерного реактора в Бушере. Однако Соединенные Штаты в последующем не выполнили своего обещания о компенсации украинскому заводу в Харькове, которому пришлось отказаться от строительства реактора в Иране. Вопрос этот еще более осложнился в начале 1995 года, когда Россия договорилась с Ираном о завершении частично уже построенного объекта.

Совокупным результатом всех этих шагов был перевод порождающей угрозу безопасности гонки за стратегическое превосходство в состояние более предсказуемого стабильного уровня противостояния. Каждая из сторон сохраняла способность нанесения устрашающего ущерба другой. Обе сохраняли свободу для повышения эффективности их теперь уже количественно ограниченных арсеналов. Обе могли бы даже рассчитывать, что способны добиться значительного стратегического преимущества путем технологического совершенствования своих вооружений или путем каких-то новых возможностей, способных подорвать контроль над системами другой стороны. Но на данном отрезке времени как Америка, так и Россия освобождались от угрозы, что бесконечная и неконтролируемая гонка вооружений может внезапно поставить одну из них перед выбором или капитулировать перед подавляющей мощью противника, или стать жертвой одностороннего разрушения.

Таким образом, в середине 90-х годов от Советского Союза уже не исходило политического вызова и вслед за тем была остановлена самая опасная и потенциально разрушительная гонка вооружений в истории человечества. В то время как окончание холодной войны не привело к разоружению в более широком международном масштабе, установление разумного предела на самое расточительное и вызывавшее политическую неустойчивость соперничество дало миру уверенность в том, что холодная война действительно окончена.

Ограничение гонки вооружений при Клинтоне указывало также на осторожный пересмотр доктрины стратегического превосходства Буша. Де-факто это означало обещание Америки, данное России, что Соединенные Штаты не воспользуются своим преимуществом, которое дают им богатство и технологическое ноу-хау, чтобы получить решающее стратегическое превосходство, достижение которого одной стороной вызывало опасения у другой. В то же время, учитывая общее превосходство американской экономики, усиленное одновременным провалом российской экономики, Соединенные Штаты могли на править свои ресурсы на быстрое увеличение и развертывание по всему миру обычных вооруженных сил и повысить их боеспособность. Америка могла таким образом получить повсюду в мире свободу рук, о достижении которой Россией не могло даже быть и речи. Короче говоря, Америка и Россия обе выигрывали в безопасности, но Америка одновременно обретала несопоставимое глобальное военное влияние.

Несмотря на то, что весь мир существенно выигрывал от этой стратегической сделки между двумя государствами, обладавшими способностью в течение

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org нескольких минут развязать чудовищное опустошение, во всем мире происходило растущее пони мание необходимости более широкой и более эффективном системы безопасности. Угрожающе нарастающая перспектива того, что обнищавшие страны могут приобрести ядерное оружие и использовать его в политических конфликтах с соседями оправдывала новую форму сдерживания. Как отмечалось в предыдущей главе, такая опасность во время президентства Буша исходила от Северной Кореи, Индии, Пакистана, Ливии и, возможно, также от Ирана. Только энергичная реакция со стороны Америки, не связанной больше холодной войной, могла преградить путь такому развитию.

Открытый вызов со стороны Северной Кореи возник уже пару недель спустя после первой инаугурации Клинтона. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), не убежденное в том, что Северная Корея подчинится его атомной программе, выдвинуло требование проведения специальных проверок. Северокорейский режим не только отказался пойти на это, но вызываясь заявил, что намерен выйти из Договора о нераспространении, процитировав статью 10, которая предусматривает возможность выхода по причинам национальной безопасности. Этот акт открытого пренебрежения стал первым кризисом, с которым столкнулась Америка в ее роли нового мирового лидера, влекущим за собой осложнения, выходящие далеко за пределы Северной Кореи.

О мотивах, которыми при этом руководствовалась Северная Корея, можно только догадываться, но некоторые соображения, связанные с осуществлением Америкой ее роли глобального руководителя, вполне уместны. Северная Корея не могла не принять во внимание быструю одностороннюю военную победу Америки во время войны в Заливе в 1991 году, одержанную над противником, не обладавшим серьезным средством сдерживания превосходящей мощи обычных вооруженных сил Америки. Более того, распад Советского Союза и последующее американско-российское стратегическое урегулирование, возможно, вызвало у Северной Кореи тревогу, что роль ядерных сил России теперь сведена к сдерживанию ядерной американской угрозы лишь в отношении самой России и российский ядерный зонтик больше не является защитой для оставшихся коммунистических государств. Китайцы, между тем, совершенно намеренно заняли позицию минимального стратегического сдерживания, достаточных), с их точки зрения, лишь для того, чтобы сдерживать американскую угрозу Китаю, но недостаточно широко, чтобы служить защитой своего воинственного и непредсказуемого соседа. Не имея ядерной защиты, Северная Корея, надо полагать, пришла к заключению, что ее интересам лучше всего будет отвечать тайное приобретение собственного ядерного потенциала, достаточного для нанесения существенного ущерба интересам США, даже если на первых порах только в Южной Корее или Японии.

За этим последовала игра в кошки-мышки, и здесь администрации Клинтона вряд ли есть чем гордиться. На выход Северной Кореи из Договора о нераспространении Соединенные Штаты отреагировали резонным предложением оказать ей помощь в осуществлении мирной ядерной программы. Графитовые ядерные реакторы Северной Кореи, способные создавать компоненты для изготовления ядерного оружия, предлагалось заменить реакторами на легкой воде. Кроме того, Соединенные Штаты брали на себя обязательство не применять силу против Северной Кореи. Однако это конструктивное предложение не было сбалансировано надежной карательной угрозой, например угрозой морской блокады северокорейского судоходства, тем более при полной свободе действий Америки и почти полной изоляции Северной Кореи. К концу 1993 года, согласно оценке ЦРУ, Северная Корея уже нарабатала около двенадцати килограммов плутония, количества, достаточного для одной или двух бомб.

Следующие несколько лет были свидетелями периодических успокаивающих жестов со стороны Северной Кореи, за которыми следовали вызывающие действия. В 1994 году Северная Корея дала согласие на инспекции, затем отказалась их принять, затем заявила о своем выходе из МАГАТЭ, а затем заключила с США «согласованную программу», предусматривавшую прекращение северокорейской ядерной программы в обмен на экономические льготы и обещание нормализации экономических и дипломатических отношений. В течение нескольких следующих лет США и Северная Корея вели бесплодные дебаты о северокорейских ракетных программах, включая экспорт северокорейской ракетной технологии. Однажды, а именно в 1996 году, администрация Клинтона затеяла игру с идеей превентивного удара по ядерным объектам Северной Кореи, но решила прибегнуть вместо этого к ограниченным экономическим санкциям. Потом начались более широкие региональные консультации по северокорейской проблеме, сначала с Японией и Южной Кореей, а позднее с Китаем.

Незавершенный характер всех этих инициатив побудил Южную Корею установить прямой канал общения с Севером, что получило название «политика солнечного света». Эта инициатива отражала и стимулировала подъем как панкорейского национализма среди южных корейцев, так и растущую неудовлетворенность статусом страны как американского протектората. Китай был главной стороной, получившей от этого геополитические выгоды, потихоньку эксплуатировавшей эти настроения наряду с корейским антагонизмом в отношении Японии, чтобы повысить свое влияние в регионе. В 1999 году бывший министр обороны Клинтона посетил столицу Северной Кореи с целью неофициальных переговоров для выяснения возможности широкомасштабного американо-северокорейского урегулирования. В конце 2000 года, как раз за две недели до президентских выборов в США, госсекретарь Клинтона Мадлен Олбрайт также встретила с лидером Северной Кореи, пытаясь добиться какого-либо сдвига в отношениях. В качестве сладкой приманки она затронула возможность визита в Пхеньян для встречи с диктатором самого президента Клинтона, оказав тем самым на собеседника скорее успокаивающее, чем побуждающее воздействие.

Из всего сказанного можно сделать три вывода. Во-первых, для Северной Кореи ни разу не возникло заслуживающей доверия перспективы, что цена решимости приобрести ядерное оружие может перевесить выгоды от его приобретения. Во-вторых, колебания США дали Пхеньяну возможность эксплуатировать растущее желание Южной Кореи к примирению с Севером, тем самым ухудшая совместную позицию на переговорах США и Южной Кореи. И в-третьих, что самое важное, в течение всего этого времени Северная Корея была в состоянии продолжать усилия, направленные на получение ядерного оружия, в результате чего к 2001 году американские чиновники пришли к выводу, что Северная Корея тайком создала несколько единиц ядерного оружия. Вызов Северной Кореи таким образом восторжествовал.

Американское сопротивление индийским и пакистанским попыткам иметь ядерное оружие оказалось в такой же степени тщетным, хотя в данном случае следует признать, что Америка располагала еще меньшими возможностями. По мере того как развивалась история отношений с Северной Кореей, Соединенные Штаты прилагали все новые усилия к тому, чтобы добиться дальнейшего продления действия Договора о нераспространении, который администрация Клинтона рассматривала как прочную основу своих попыток не допустить появления этого оружия \ других стран. Эти действия вызвали заметное негодование у стран, которые считали, что Америка стремится к сохранению постоянного глобального неравенства в вопросе национальной безопасности. Критики этих попыток США отмечали, что старания сделать действие Договора о нераспространении бесконечным не сопровождались достаточными усилиями уменьшить число государств, владеющих ядерным оружием, или способствовать большему равенству в программах по использованию атомной энергии.

Два события, связанные с этой темой, увеличивали трудности администрации Клинтона. Во-первых, французское правительство провело серию ядерных испытаний в Тихом океане, настаивая, что они были необходимы для подтверждения роли «европейского» средства сдерживания, которое фактически явно было французским средством сдерживания. Хотя к 1995 году Соединенным Штатам удалось добиться признания Договора о нераспространении возобновляемым в течение неопределенного срока, французы, тем не менее, провели свои испытания, игнорируя протесты Пакистана и Индии, предпринимавшиеся ими в целях самооправдания. Вскоре и Китай провел свои подземные испытания.

Французские испытания еще больше ослабили политическую поддержку в Конгрессе усилий администрации Клинтона ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который администрация считала существенной частью системы одобренных на международном уровне мероприятий против распространения ядерных вооружений. В ходе жарких и все более однопартийных дебатов Конгресс США неожиданно отклонил законопроект о ратификации Договора, усилив за границей представление о том, что американские попытки добиться нераспространения мотивированы главным образом монополистическими соображениями.

В этом контексте Индия и Пакистан сочли себя вправе завести собственные ядерные арсеналы. Еще в 1993 году администрация США осознала, что проводимая ею политика односторонних санкций против Пакистана неэффективна. Предоставив Индии свободу осуществлять свои ядерные программы, санкции вынудили пакистанское правительство ответить таким же образом, и в то же время санкции, направленные исключительно против Пакистана, нанесли ущерб

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org другим американским интересам в регионе (особенно американско-пакистанскому сотрудничеству в ликвидации послевоенной смуты в Афганистане).

Таким образом, к 1997 году в мире появились еще две ядерные державы, несмотря на настойчивые, но совершенно очевидно безуспешные усилия США воспрепятствовать этому. Осенью премьер-министр Пакистана официально заявил, что «ядерные возможности Пакистана стали свершившимся фактом». В начале следующего года Пакистан осуществил пробный запуск своей баллистической ракеты дальнего действия, способной нести ядерную боеголовку, что снова привело к введению в отношении Пакистана американских санкций. В мае Индия в ответ провела пять испытаний ядерного оружия, одно из которых совершенно определенно было термоядерным. Через две недели Пакистан ответил шестью подземными ядерными взрывами. В связи с этим Соединенные Штаты, Япония и несколько других стран заявили о намерении ввести более строгие санкции, но было уже поздно; в эксклюзивном ядерном клубе, в котором до недавнего времени состояло пять стран, появилось два новых члена.

Явные успехи Индии и Пакистана и скрытый успех Северной Кореи явились заразительным примером для Ирана. В течение 90-х годов в основном под давлением Конгресса, подстрекаемого израильским лобби, Соединенные Штаты приняли серию законодательных актов, направленных в первую очередь против Ирана, что воспрепятствовало серьезному американско-иранскому диалогу. Закон 1995 года о нефтяных санкциях в отношении Ирана, предусматривавший дополнительные нефтяные и торговые санкции, принятый почти сразу за одобрением весьма жесткого закона о санкциях против Ирана и Ливии, сделал для администрации Клинтона практически невозможным реагировать на жесты (хотя и неясные), которые время от времени шли с иранской стороны, к налаживанию более конструктивного диалога с Соединенными Штатами. Трудно сказать, мог бы такой диалог помешать Ирану предпринимать усилия к осуществлению ядерной программы, но вполне разумно заключить, что иранцы находились под впечатлением успеха своих восточных соседей. Во всяком случае, ясно, что ядерная программа Ирана, начатая за много лет до этого, еще при шахе, и на самом раннем этапе при помощи французов и, возможно, даже Израиля, станет главным яблоком раздора в американско-иранских отношениях.

Неудачная попытка сдержать распространение ядерного оружия на Дальнем Востоке и в Южной Азии явилась отрезвляющим уроком. Без односторонней военной акции, со всеми ее непредсказуемыми последствиями, даже единственная сверхдержава в мире оказалась не в состоянии одна убедить страну, твердо решившую иметь ядерное оружие, отказаться от осуществления ее планов. Успешные превентивные усилия потребовали бы заблаговременной концентрации внимания на проблеме решительных и скоординированных действий других заинтересованных стран и быстрого создания программы, включающей как стимулы к самоограничению, так и риск слишком серьезных последствий в случае продолжения попытки овладеть ядерным оружием. На ранней стадии в опьяняющие дни американского одностороннего превосходства было легко игнорировать только еще начинавшую нарождаться тенденцию к распространению ядерного оружия, находясь в уверенности, что самой угрозы ответных действий США будет достаточно, чтобы ее пресечь. Урок, завещанный наследникам администрации Клинтона, состоял в том, что даже при огромной асимметрии силовых потенциалов Соединенных Штатов и страны, претендующей на роль ядерной державы, единственной альтернативой военной акции может быть подлинное международное сотрудничество, организованное по крайней мере в региональном масштабе уже на ранней стадии ядерного вызова.

Третий вариант возможного конструктивного укрепления глобальной безопасности и сотрудничества в период после холодной войны появился в Европе. Конец разделения Европы означал, что американско-европейское партнерство могло бы теперь подняться на новый уровень и приобрести действительно великое глобальное значение. Реализация такой возможности предполагала экономическую и политическую интеграцию всех стран Европы с одновременной мобилизацией влияния Атлантического сообщества для решения общих глобальных проблем.

Внезапный конец разделения Европы привел к возникновению у посткоммунистических государств, вновь ставших свободными, страстного желания стать неотъемлемыми и, сверх того, надежно защищенными членами Атлантического сообщества. Для того чтобы дать ответ на эту дилемму, Клинтону потребовалось несколько лет, но в конце концов она стала наиболее

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
конструктивной и весомой частью его внешнеполитического наследия.
Пересекающиеся реальности альянса НАТО, объединившего двадцать семь стран (из них двадцать пять европейских). и двадцати пяти стран, объединенных в Европейском Союзе означают, что старый лозунг «трансатлантического партнерства» наконец приобрел реальное содержание. Это партнерство создало потенциал для того, чтобы влить политическую жизненную энергию в постоянные усилия, направленные на формирование мировой системы с более высокой степенью сотрудничества.

Катализатором обновления альянса стало расширение НАТО Сначала это казалось отдаленной перспективой. Войска России все еще находились в центре Европы, даже когда центрально европейские страны (до этого их обычно называли восточноевропейскими) быстро переориентировались на Запад. Последние военные части бывшего Советского Союза ушли из Польши в сентябре 1993 года, спустя несколько лет после воссоединения Германии, и до лета 1994 года оставались в балтийских республиках. До этого времени любые официальные обсуждения вопроса о расширении НАТО были преждевременными, хотя некоторые официальные лица в Госдепартаменте Клинтона начали продвигать эту идею раньше. Однако на более высоком уровне администрация продолжала считаться с российской чувствительностью. И тем не менее некоторые стратегические мыслители вне департамента открыто говорили о расширении НАТО как логичном и необходимом действии, которое укрепило бы новую политическую реальность Европы.

Поразительно то, что, когда президент Валенса выразил желание Польши стать членом НАТО, реакция российского президента Ельцина была положительной. Во время своего визита в Варшаву в августе 1993 года, с еще не выведенными войсками из Восточной Германии, Ельцин публично заявил, что не считает такую перспективу противоречащей интересам России. Главные советники Клинтона по российским делам, так же как и его государственный секретарь, однако, призывали к осторожности. Поэтому в течение примерно еще года усилия США концентрировались на широком «подготовке» к расширению НАТО, не без лукавства именовавшейся «Партнерством ради мира», достоинство которого состояло в том, что оно делало расширительно более вероятным, откладывая в то же время решение о его начале. Между тем отношение России изменилось, она перешла на позицию открытого противостояния, и к концу 1994 года Клинтон должен был заверить Ельцина в том, что будет соблюдено тройное «нет»: не будет неожиданностей, не будет спешки и не будет исключения России.

Тем не менее, внутри администрации Клинтона баланс постепенно смещался в пользу мнения, что долговременная стабильность в Европе и здоровые американско-европейские отношения не могут быть достигнуты, если значительная часть Европы останется ничейной землей. Это мнение усиливалось по мере постепенного осознания, что Россия находится в состоянии длительного кризиса и это делает ее поведение в долгосрочной перспективе крайне непредсказуемым. Эту точку зрения разделяла воссоединенная Германия и несколько сдержаннее – Великобритания. Но в Соединенных Штатах против нее все сильнее возражала группа бывших американских дипломатов, исследователей и ученых мужей, выступавших за создание в Европе своего рода нейтрального пояса в самом ее центре. В отсутствие сильного и ясного мнения по этому вопросу и при сохранении двойственной позиции самого Клинтона перспектива расширения НАТО казалась более сомнительной, чем она была в действительности.

Вопрос стал еще более сложным вследствие разгоравшегося конфликта в постюгославской Боснии. Попытки НАТО смягчить насилие и беспрецедентное решение использовать авиацию против сил Сербии, вызвавшее резкие возражения со стороны Ельцина, оказали парадоксальное влияние на вопрос расширения НАТО. То, что военная акция НАТО была необходима, чтобы приостановить, хотя бы временно, военные действия в геополитически нестабильном регионе, было совершенно очевидным. Но тот факт, что Россия, сначала осудив действия НАТО, через некоторое время в конце 1995 года согласилась участвовать в мирном урегулировании в Боснии и в поддержании достигнутого мира, свидетельствует также о том, что России необходимо было в какой-то форме установить более официальные отношения с НАТО.

В результате возникла двойная политика, имеющая целью укрепить связи России с НАТО и одновременно осуществить его дальнейшее расширение. В конце 1996 года, накануне президентских выборов, Клинтон публично заявил о намерении Соединенных Штатов расширять НАТО, и после его избрания этот процесс ускорился. Его госсекретарь первого срока был заменен более динамичной и

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org имевшей более широкие политические связи Мадлен Олбрайт, протеже первой леди (и другом, и в прошлом коллегой автора этой книги). Лично связавшая себя с расширением НАТО на восток, она придала этому направлению стратегическое значение.

Теперь двойная политика осуществлялась с меньшими колебаниями. В мае 1997 года был подписан основополагающий акт о взаимоотношениях между Россией и НАТО, целью которого было заверить Россию в том, что отныне НАТО становится ее партнером по безопасности. Клинтон снова воспользовался возможностью, чтобы подтвердить дружественное отношение Америки к России Ельцина. В июле Польше, Чешской Республике и Венгрии были направлены официальные приглашения о вступлении в НАТО. Вскоре последовали приглашения и балтийским республикам, Румынии и Болгарии. Это расширение НАТО сделало логичным и неизбежным и расширение самой Европы. После того, как бывшее Европейское сообщество превратило себя в Европейский Союз, сами европейцы решили, что теперь нет смысла исключать их новых демократических соседей, уже связавших себя посредством НАТО как с Соединенными Штатами, так и с Европейским Союзом, из состава фактических членов Союза. Завершение этого процесса в первые годы XXI века создало – несмотря на его критику – единое наиболее важное и тесно взаимодействующее сообщество в масштабах всего мира.

Результат этот был наиболее важным, но также и парадоксальным достижением эры Клинтона. Первоначально расширение НАТО и Европейского Союза не было для Клинтона приоритетом. Расширение НАТО имело мало общего с его центральной задачей – глобализацией. Не было оно и столь эмоциональным обязательством, каким была, например, его попытка поддерживать личные отношения с Ельциным. Последнее было его личной миссией, в то время как первое было стратегической обязанностью и актом исторической справедливости.

Тем не менее, Клинтон осуществил это расширение в значительной степени благодаря усердию главных членов его команды и не входивших в нее сторонников этой идеи, которые сообща добились обсуждения вопроса и ускорили его решение. Явный энтузиазм удовлетворенных центральноевропейцев также оказал заразительным. Клинтон был уже подлинно новообращенным в эту идею, когда в июле 1997 года, стоя перед Королевским замком в восстановленной Варшаве, он объявил восторженной толпе народа и торжествующему Леху Валенсе о том, что Польша и ее два центральноевропейских соседа приглашены к участию в альянсе.

Если бы Клинтон взял на себя меньшие обязательства, можно было бы лишь гадать, насколько неуверенной и нестабильной могла бы быть Европа десять лет спустя, когда Америка и Европа разошлись во мнениях по Ираку, движение Европы к политическому единству замедлилось бы из-за внутренних разногласий, а Россия снова начала бы играть мускулами в Украине, Грузии и даже в балтийских государствах и в Польше. Холодная война, закончившаяся в 1990 году, могла бы возобновиться в какой-то новой форме, с новым идеологическим или территориальным поворотом, если бы большие пространства посткоммунистической Европы остались вне Атлантического сообщества.

Итак, прорыв – которого могло и не быть – в процессе построения Европы, произошедший в 1990-е годы в результате действия различных движущих сил и включавший подписание Маастрихтского договора, который формально зафиксировал образование Европейского Союза; принятие в него прежде нейтральных западноевропейских государств – Швеции и Финляндии; введение евро; отмену пограничного контроля внутри Европейского Союза (Шенгенские соглашения); начало общеевропейской оборонной политики и создание сил быстрого реагирования Евросоюза, – все это означало, что во многих отношениях последнее десятилетие XX века было отмечено возросшей позитивной ролью Запада в мировых делах. Не было ничего, чего Америка и Европа, геополитическая сверхдержава и экономический гигант с нарождающейся общей политической идентичностью, действуя сообща, не могли бы добиться при наличии желания.

Ну а пока – да, увы, только пока – новая реальность способствует тому, чтобы объединенными усилиями следовать конструктивной глобальной повестке дня, придерживаясь доброжелательного и оптимистически детерминистского взгляда Клинтона на проблему глобализации. Совокупное влияние Америки и Европы привело к успешному завершению в 1994 году невероятно сложного переплетения конфликтных торговых переговоров, известных как Уругвайский

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org раунд, по Генеральному соглашению о тарифах и торговле. Итогом его стало создание 1 января 1995 года Всемирной торговой организации, которое обозначило важный шаг в направлении формирования глобального экономического порядка, соответствующего растущему пониманию наднациональной солидарности. То, что создание ВТО внесло в складывающийся механизм урегулирования конфликтных интересов вклад, без которого проблема огромного неравенства в экономических условиях, существующих в мире, не может найти решения, уже является значительным шагом вперед.

Расширение НАТО и ЕС после окончания холодной войны

Подготовил Бретт Эдкинс

Последовавшее в 2001 году принятие в ВТО Китая, ставшее возможным после нескольких лет терпеливых переговоров, начатых Соединенными Штатами и Европейским Союзом, было еще одним шагом на долгом, но очень нужном пути, ведущем к включению потенциального экономического генератора в более тесно взаимодействующую и более управляемую мировую экономическую систему. Вступление Китая подтолкнуло образование так называемой «Большой двадцатки» – блока развивающихся государств, руководимого Китаем, Индией, Южной Африкой и Бразилией. Экономически более слабые государства, таким образом, впервые приобрели подлинный политический вес в процессе продолжавшихся переговоров о более равноправной глобальной системе торговли. Тем самым утверждение Клинтона, что глобализация «не может быть обращена вспять», постепенно приобретало правовое значение.

Однако вступление Китая в ВТО имело и свою политическую цену. Для того чтобы способствовать прогрессирующей интеграции китайской экономики в мировую систему, Соединенные Штаты в 1999 году предоставили Китаю режим наибольшего благоприятствования, но не стали обуславливать это обычным требованием признания прав человека. Клинтон с некоторой неохотой пошел на такое решение, резонно полагая, что в перспективе Китай, принявший международные правила и вовлеченный в более тесные отношения взаимозависимости, неизбежно постепенно придет к уважению прав человека. Глобализация, пришел к логическому заключению Клинтон, в конечном счете компенсирует моральную обеспокоенность, вызванную уступками [1 – То, что Клинтон был обеспокоен этой проблемой и переживал за исход дела, нашло отражение в той настойчивости, с какой он старался советоваться по нему даже с аутсайдерами. Вернувшись в США после поездки в Китай, я был на пляже на Гавайях, куда мне позволил президент, который хотел услышать мое мнение, можно ли считать целесообразным введение целенаправленных санкций, например, в отношении промышленности, контролируемой китайской армией.].

Но если растущая вовлеченность Китая в глобальную взаимозависимость давала в целом положительный результат, то два других события, занесенных в хронику президентства Клинтона потенциально были более опасными для Атлантического сообщества с точки зрения его перспективной роли в международных делах. Этими событиями были финансовый кризис в Азии и усиление разногласий между Америкой и Европой относительно наднациональных правил.

Жесточайший кризис ликвидности в Юго-Восточной Азии в 1997 году, вызванный ухудшением финансового состояния Японии и масштабом спекулятивных операций недвижимостью и валютой (включая агрессивные операции американских валютных трейдеров на валютном рынке Таиланда, затрагивающие его государственные резервы), быстро распространился на Тайвань и Южную Корею. На нервном этапе США промедлили с реакцией, но в начале 1998 года министр финансов США Роберт Рубин провел операции, закончившиеся запоздалой стабилизацией. Тем не менее, в Азии возобладало мнение, что в кризисе была виновата Америка.

Тот факт, что многие возлагали вину на политику, проводимую Международным валютным фондом, в котором США играли доминирующую роль, в сочетании с осторожностью и конструктивными действиями Китая (включая его решение не девальвировать свою валюту), вызвал в Восточной Азии растущий интерес к поиску формы регионального сотрудничества, руководимого Китаем и/или Японией, и к сотрудничеству с регионом, менее зависимым в финансовом отношении от США и Европейского Союза.

Вторым событием, разочаровавшим тех, кто надеялся на то, что эффективное лидерство Америки сформирует мир, подчиненный единым правилам, было появление разногласий между Америкой и Европой относительно наднациональных правил. Соединенные Штаты возражали против таких политически чувствительных соглашений, как Оттавский договор, запрещающий пехотные мины (отвергнутый на представленном военными законном основании, что войска США в Южной Корее развернули широкие минные заграждения вдоль линии перемирия с чисто оборонительными целями), и Римский статут нового Международного уголовного суда (МУС), в соответствии с которым военный персонал США мог бы быть подвергнут международному судебному преследованию за военные преступления. Клинтон действительно подписал последний договор в самом конце своего президентства, но не представил его на ратификацию. Такая попытка, безусловно, потерпела бы неудачу в Конгрессе, настроенном все более подозрительно в отношении взглядов Клинтона.

Еще больший вред репутации Клинтона как прозорливого лидера нанесла неудачная попытка Соединенных Штатов поддержать международные усилия, направленные на принятие мер против возрастающей угрозы глобального потепления. Киотский протокол – продукт длительных переговоров, начавшихся в середине 90-х годов, стал в США объектом широких партийных дебатов и вызвал открытое противодействие групп, представляющих крупные экономические интересы. В середине 1997 года, когда первый срок президентства Клинтона подходил к концу, Сенат США произвел выстрел в его сторону, одоблив поразительным большинством голосов 95 «за» и ни одного «против» – резолюцию, отвергающую Протокол на том основании, что он не является ни целесообразным, ни справедливым. И хотя вице-президент Гор, главный американский адвокат протокола, подписал его от имени Америки в конце 1998 года, Клинтон, правильно оценив общественное мнение, пустил это дело на самотек.

К концу эры Клинтона многообещающая повестка его президентства находилась под большим сомнением. Лишь расширение и консолидация Атлантического сообщества по-прежнему оценивались как стратегическое достижение. Но его способность планировать всеобщую глобальную цель уже шла на спад, и вскоре односторонняя сконцентрированность преемника Клинтона нанесла ей серьезный ущерб. Но центральное направление политики Клинтона – глобализация как «экономический эквивалент силы природы» – подвергалось интенсивной критике. Антиглобалистские настроения питали зарождавшийся антиамериканизм и во время третьей сессии ВТО, проходившей на министерском уровне в Сиэтле в 1999 году, массовые демонстрации воспрепятствовали проведению нового раунда многосторонних торговых переговоров.

Америка также становилась все более скептически настроенной в отношении далеко идущего глобального сотрудничества. Росло число американцев, у которых понятие «наднациональность» вызывало большие подозрения. В середине первого срока президентства Клинтона (1994 г.) во время выборов в Конгресс Республиканская партия добилась больших успехов и в резких националистических тонах пошла разговоры о «Революции Гингрича» [2 – Ньют Гингрич лидер Республиканской партии, ставший после победы на выборах в Конгресс в 1994 г. спикером Палаты представителей и подвергавшийся нападкам президента Клинтона. – Прим. ред.], а к возникшему вызову лидерству президента добавились его личные неприятности. Его репутации нанес ущерб длительный скандал, доминировавший в политической жизни Вашингтона (и бывший основной темой частных разговоров) в течение целого года с начала 1998 до начала 1999 года, серьезно понизив способность Клинтона получить поддержку собственных избирателей. Ирония заключалась в том, что меняющееся восприятие американской политики и одновременно снижение личной репутации Клинтона делали трудноприемлемым провозглашенный им принцип, согласно которому «внешние дела являются продолжением внутренней политики другими средствами». По мере того, как внутренняя политика все сильнее оттаивала свои права, идеалистическая повестка Клинтона все более становилась ее жертвой.

Конфронтация с прошлым

Многие глобальные проблемы, с которыми столкнулся Клинтон, имели глубоко уходящие корни. Устоявшиеся интересы, национальное соперничество, культурный гедонизм богатых, сильная озлобленность бедных и уверенность в

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org своих правах этнических и религиозных антагонистов стали препятствиями на пути превращения глобального верховенства Америки в добрые деяния. Для того чтобы справиться с такими отвратительными, но стойкими реальностями, нужно было воспользоваться традиционными силовыми инструментами, плохо сочетающимися с высокими сантиментами. Это могло быть сделано только при условии сильной внутренней поддержки, обеспечиваемой ясной стратегической программой.

Борьба с наследием прошлого потребовала от Клинтона вступить в конфронтацию и с некоторыми из тех, с кем он уже сталкивался по вопросам объединения Европы и нераспространения ядерного оружия. Предметом озабоченности снова стала Россия, а европейский национализм свирепствовал на Балканах, в то время как тупик на Ближнем Востоке отражал непримиримость глубоко укоренившихся этнических и религиозных антагонизмов. С окончанием холодной войны наружу вышли давно тлевшие локальные конфликты, которые внезапно превратились в очаги пожаров и потрясений.

Почти сразу после принятия на себя обязанностей президента Клинтон столкнулся со взрывами насилия в нескольких частях мира. Эти события отвлекли его от намеченной программы и поставили перед мучительной перспективой кровопролития. Сомали и Руанда в Африке находились в состоянии хаоса; распад Югославии привел к эскалации насилия почти в самом центре новой Европы. Вскоре Россия оказалась увязшей в войне в Чечне; Китай подверг испытанию предел решимости Америки защищать Тайвань от военных посягательств. И сверх всего этого в течение двух сроков президентства Клинтона Ближний Восток оставался кровоточащей раной с незначительными улучшениями и серьезными откатами в израильско-палестинском мирном процессе, Ирак стал источником периодической конфронтации, появился на свет антиамериканский терроризм, все более усиливающийся по мере повышения политической температуры в регионе.

Почти во всех этих случаях первой реакцией Клинтона было нежелание быть вовлеченным. Эти вопросы не были приоритетными в его повестке и не соответствовали ни его идеализму, ни его интеллектуальным наклонностям. Они попахивали скверным прошлым, и он знал, что эффективное решение потребует либо лоббирования, либо применения силы. Некоторые из проблем, как, например, конфликт в Чечне, нельзя решить, не отказавшись от оптимистических надежд и от соприкосновения с отвратительными реальностями. И наконец, последнее, но не менее важное, что связано, по-видимому, с наиболее значительными трудностями, – израильско-палестинский конфликт, чреватый риском политических трудностей в самих США.

Эти вызовы требовали значительно большего, чем просто веры в исторический динамизм глобализации или убеждения, что мировая политика может рассматриваться как продолжение внутренней. Критики Клинтона вполне обоснованно настаивали на том, что «глобалония» [3 – «Глобалония» – термин, введенным американским политэкономом Майклом Весетом в изданном в 2005 г. книге (Michael Veseih. Globaloney: Unraveling the myths of Globalization – Глобалония: разгадывая мифы глобализации) для обозначения далекого от действительности, одномерного, рассчитанного на массовый спрос представления о глобализации. – Прим. ред.] не заменяет геостратегии. А геостратегия означает установление приоритетности геополитических вызовов, чтобы могли быть приняты быстрые и решительные меры. Американское лидерство еще не было доведено до столь высокого уровня. К чести Клинтона следует сказать, что, несмотря на отсутствие у него желания, он все-таки пытался найти средства для ликвидации балканского кризиса и в конце концов преуспел в этом. К несчастью, этого нельзя было сказать о Сомали и Руанде. Вскоре после вступления в должность Клинтон оказался в положении, когда нужно было принять решение в связи с эскалацией насилия в Сомали, куда его предшественник на правил небольшой контингент американских вооруженных сил в рамках международной санкции по поддержанию мира. Но и конце 1993 года в ходе широко разрекламированной прессой операции, названной «Удар черного ястреба», отчаянная попытка американских военных спасти окруженную и находившуюся в осаде в центре Могадишо команду специальных сил окончилась тяжелыми потерями американского персонала, и Клинтон поспешно свернул американское участие в Сомали. Контраст между американским участием в Югославии и замалчиванием того, что произошло в Африке, не остался незамеченным.

Впечатление о безразличии Америки к Африке связывалось также с ее продолжительной пассивностью к бедствиям геноцида, происходившего в Руанде

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org в 1994–1995 годах. Международное сообщество по существу было лишь наблюдателем. Новые независимые африканские государства не желали предпринимать какие-либо действия, а бывшие европейские колониальные державы делали только самое минимальное. Соединенные Штаты, по-видимому, считали, что эта проблема не имеет более широких геополитических последствий и сами африканцы, может быть, с помощью бывших европейских колониальных держав должны будут ее решить.

В противоположность этому на балканский кризис в его начальной фазе, который Клинтон унаследовал от Буша, он реагировал с большой решительностью и эффективно. Сначала Соединенные Штаты медлили с осознанием того, насколько потенциально опасен кризис в многонациональной Югославии. И то время как объединенная Германия быстро признала (и втайне приветствовала) независимость Словении и Хорватии, Франция и Россия не сделали этого, мотивируя свою позицию традиционной близостью к Сербии. Такие конфликтные обстоятельства быстро привели к войне в Боснии с ее смешанным населением, состоявшим из хорватов-католиков, боснийских мусульман и сербских ортодоксальных боснийцев. Госсекретарь Буша Джеймс Бейкер, выражая ошеломляющее безразличие, часто цитировал поговорку: «В этой драке нет нашей собаки».

Эскалация войны быстро привела к зверствам, каких Европа не видела с конца Второй мировой войны, как, например, массовые казни, проводившиеся сербской армией в Сребренице, взволновавшие западное общественное мнение. Обеспокоенный возможными осложнениями советник по национальной безопасности Клинтона откровенно предостерег своего шефа (по информации журналиста Роберта Вудворда), что «слабая и беспорядочная стратегия в Боснии становится раковой опухолью всей внешней политики Клинтона, разрастаясь и пожирая всяческое доверие к ней». Вскоре первоначальные колебания Америки и разногласия среди западных держав были преодолены, частично благодаря предпринимавшимся усилиям по укреплению Атлантического альянса, расширению НАТО и росту Европейского Союза, создавшим атмосферу, благоприятную для образования единой общей позиции.

Несмотря на резкие протесты России и сохранявшуюся отстраненность некоторых европейских союзников, короткая, но интенсивная воздушная война НАТО против сил, поддерживаемых Сербией, привела к прекращению военных действий. В конце 1995 года за этим последовала мирная конференция в Дейтоне (штат Огайо), символически отразившая центральную роль Америки в урегулировании кризиса. Однако резолюция конференции не положила конец насилию, которое вскоре снова вспыхнуло – на этот раз в Косово, части бывшей Югославии, населенной в основном албанцами. Сербская политика этнически чисток, направленная против албанского большинства в Косово и рассчитанная на то, чтобы упрочить национальную консолидацию Сербии, снова вызвала массовые убийства гражданского населения и насильственное изгнание людей с мест и постоянного проживания.

На этот раз Соединенные Штаты действовали более решительно, и госсекретарь Олбрайт приняла на себя ведущую роль действуя от имени правительства Соединенных Штатов. Она активно использовала политический момент, созданный расширением НАТО, для того, чтобы сформировать политическую коалицию, поставившую Сербию перед четким выбором: либо уйти из Косово, либо быть из него изгнанной. При единой позиции Америки и Европы длительные бомбардировки нанесли серьезный ущерб инфраструктуре Сербии (включая ее столицу), пока экспедиционный корпус НАТО формировался в Албании и Греции, готовясь к решающим наземным операциям.

Россия, которая резко возражала против этой акции, в последнюю минуту пыталась принять участие в урегулировании конфликта, внезапно направив небольшое военное подразделение в аэропорт столицы Косово Приштины, возможно, надеясь сохранить часть территории Косово для Сербии или создать в Косово отдельную чисто российскую зону оккупации. Но ввиду политической решимости НАТО из этой попытки ничего не вышло. Политика расширения и усиления Атлантического сообщества, таким образом, подтвердила свою действенность, и заключительная фаза югославского кризиса разрешилась к середине 1999 года на условиях Запада и под американским руководством. Сербия была вынуждена оставить Косово.

Решение Клинтона послать в Боснию войска, принятое вопреки резолюции, внесенной в Конгресс республиканцами, а затем снова применить силу, чтобы вынудить Сербию уйти из Косово, имело ключевое значение для стабилизации в

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org бывшей Югославии. Оно также укрепило успешное американо-европейское сотрудничество в проведении совместных операции по обеспечению безопасности. В 2004 году, после ухода Клинтона с поста президента, возглавляемые Америкой вооруженные силы НАТО в Боснии были преобразованы в европейские силы, что свидетельствовало об укреплении трансатлантических связей.

Но политика Клинтона в отношении самой России на фоне напряженности, уже возникшей из-за расширения НАТО, была осложнена вследствие югославского кризиса. Как и его предшественник, Клинтон придавал очень большое значение своим личным отношениям с Ельциным, которого он горячо одобрял и превозносил публично как убежденного демократа. Учитывая политическую незрелость в России, затяжной спад ее экономики и ее финансовый кризис, имело смысл поддерживать лидера, который открыто отрекся от имперского прошлого России и декларировал свою приверженность демократии. Кроме того, экономическая и финансовая помощь была компенсацией России за унизившую ее потерю власти над Центральной Европой.

Клинтон и его главные советники по России сделали полное и всестороннее примирение между Америкой и Россией своей главной стратегической целью. Но жестокий финансовый кризис 1998 года вынес на поверхность внутренний конфликт между беззастенчиво самообогащающимися экономическими реформаторами (и их различными американскими партнерами) и возмущенным этим российским населением, резко обнищавшим из-за продолжавшегося финансового потрясения. Попытка Международного валютного фонда, управляемого Соединенными Штатами, помочь России выйти из краха ее финансовой структуры в основном свелась к бегству западных инвесторов и спекулянтов. Всё это вызвало глубокий сдвиг в психологии и сознании русского народа в сторону самодостаточного экономического национализма и привело к дискредитации ельцинского режима.

Для Кремля, страдающего от потери статуса, самой горькой пилюлей стала независимость государств, бывших частью имперской России задолго до революции 1917 года. Особенно чувствительной для Москвы была американская поддержка независимости Украины, поскольку без Украины Россия не могла бы надеяться на восстановление славянской империи. В данный момент, однако, Россия мало что могла бы сделать, столкнувшись с этой проблемой. Иначе обстояло дело в Чечне. Эта небольшая нерусская народность, живущая на Центральном Кавказе, была покорена давно, но настойчиво стремилась к свободе. В 1944 году Сталин депортировал почти все население Чечни в Казахстан, где половина его погибла. До 60-х годов им не разрешали вернуться в родные места. Вскоре после того, как в 1991 году Советский Союз был распущен, чеченцы объявили о своей национальной независимости.

Первая война между Чечней и Россией разразилась в 1995 году после многократных взаимных провокаций и кровавых столкновений, включая бесплодные с российской стороны усилия восстановить контроль над Чечней путем использования местных лояльных чеченцев, вооруженных российскими службами безопасности. Так продолжалось около года, в течение которого чеченцы яростно отстаивали свою независимость. Ненадежное прекращение огня нарушилось после попыток чеченцев стимулировать движение за независимость других кавказских народов. И конце 1999 года Ельцин передал свое президентство – чем дальше, тем все менее эффективное, – премьер-министру Владимиру Путину, возобновившему войну, которая продолжалась с еще большим ожесточением несколько следующих лет. В ходе войны, когда обе стороны прибегали к тактике террора, погибло до 25 процентов чеченского населения.

Мы никогда не узнаем, могло ли более активное посредничество США привести к какой-либо компромиссной формуле, особенно во время первой российско-чеченской войны. Фактом является то, что Клинтон вообще предпочел оставаться в стороне и даже сравнивал эту войну с Гражданской войной в Америке, а Ельцина с Авраамом Линкольном. Получилось так, что внутри все еще не устоявшейся российской политической системы война в Чечне привела в движение прогрессирующее усиление традиционных инструментов власти в России – сил безопасности и военщины. Она создала также общественную атмосферу, благоприятную для изменения в обратном направлении первоначального движения России в сторону демократии. Победу в войне Путин сделал своей главной целью. Ассоциируя свое президентство с энергичными усилиями к достижению победы, он был в состоянии использовать поднимающийся российский национализм и растущее недовольство американским глобальным влиянием для того, чтобы способствовать появлению более авторитарного и

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org националистического российского государства. Сладким мечтам Клинтона о всеобъемлющем американо-российском примирении не суждено было сбыться.

Тем не менее, Клинтон заслуживает признания за инициативу, которая в последующем стала препятствием для возрождения российского империализма. Таким препятствием является спонсируемый Соединенными Штатами нефтепровод Баку-Джейхан. Смысл этого нефтепровода в том, чтобы дать Западу прямой доступ к каспийской и среднеазиатской нефти. В октябре 1995 года Клинтон и его советник по национальной безопасности попросили меня, полагаю потому, что я еще раньше выступал за такую американскую инициативу, доставить личное письмо Клинтона президенту Азербайджана Гейдару Алиеву и вступить с ним в диалог относительно долговременных выгод для Азербайджана от такого нефтепровода. Благоприятное решение азербайджанцев потребовало бы отказа от удовлетворения требований России о том, чтобы вся азербайджанская нефть экспортировалась исключительно через российскую территорию. Алиев и я несколько дней подряд вели поздно вечером длительные переговоры, а в дневное время азербайджанский президент встречался с влиятельной российской делегацией, настаивавшей на принятии обязательства исключительно в пользу России. До своего отъезда из Баку я смог сообщить Клинтону, что Азербайджан принял на себя обязательство поддержать американскую инициативу и официально заявить об этом до моего отъезда. Сегодня нефтепровод Баку-Джейхан является важной помощью усилиям Европы (так же как и Америки) диверсифицировать свои энергетические источники.

В стремлении найти модус вивенди с Китаем Клинтон встретился с меньшими трудностями и использовал с этой целью постепенное включение Китая в ВТО. В середине 90-х годов имели место два преходящих кризиса в Тайваньском проливе в связи с тем, что китайцы действительно были встревожены возможностью того, что Тайвань при поддержке США объявит о своей независимости, и сознательно подвергали испытанию американскую решимость, стремясь спровоцировать Клинтона подтвердить обязательство, данное президентами Никсоном и Картером, о проведении политики «одного Китая». Направив корабли американского флота в пролив, Клинтон продемонстрировал, что Соединенные Штаты не останутся пассивными в случае возникновения военных действий, но в то же время США подтвердили ранее достигнутое понимание того, что окончательное воссоединение Китая и Тайваня является вопросом, который будет решен самими китайцами без применения силы.

Последовавший за этим обмен визитами на высшем уровне (ни один из них не был столь теплым, сколь теплыми были встречи Клинтона с Ельциным) восстановил нормальные взаимоотношения, несмотря на то, что контролируемый республиканцами Конгресс и некоторые средства массовой информации распространяли страхи о развивающемся и враждебном Китае.

Администрация Клинтона оказалась способной смягчить наиболее острые проявления неизбежных американо-китайских коллизий, одновременно продолжая свои усилия, направленные на то, чтобы втянуть Китай в связывающие его международные обязательства. Тем не менее, имевшая место военная конфронтация в проливе, по-видимому, еще больше подтолкнула Китай к модернизации своих сил, так чтобы они могли оспаривать американский контроль на водах, отделяющих Китай от Тайваня.

Вероятно, наиболее разочаровывающим и важным событием политики Клинтона была неудавшаяся попытка извлечь выгоду из быстро меняющихся текущих обстоятельств, возникавших по крайней мере дважды из-за тупика в израильско-палестинских отношениях и один раз в отношениях между Ираном и Америкой. Первая возможность для того, чтобы продвинуть вперед мирное израильско-палестинское урегулирование, возникла вскоре после вступления Клинтона в должность; вторая – незадолго до его ухода из Белого дома. Промежуточные годы прошли впустую – политика США постепенно переходила от нейтрального признания необходимости справедливого урегулирования ко все более односторонней израильской позиции.

Ближневосточная команда Клинтона отражала эту эволюцию. По мере того как шло время, ключевые фигуры, занимавшиеся переговорами об израильско-палестинском урегулировании, рекрутировались во все большей степени из израильских исследовательских институтов и из израильских лоббистов. Хотя у них и не было единого мнения, наиболее известные из них были против любой конкретной американской мирной инициативы, любого «американского мирного плана» на том основании, что должно пройти время, прежде чем с обеих сторон будет готовность к подлинному урегулированию.

Этот аргумент, однако, играл на руку наиболее непреклонным представителям Израиля, которые использовали время для того, чтобы расширять и укреплять поселения израильтян на оккупированных территориях в убеждении, что «свершившиеся факты» в конечном счете вынудят палестинцев к более односторонним уступкам.

Первая возможность появилась после соглашений в Осло, подписанных 13 сентября 1993 года на официальной – и лично для Клинтона триумфальной – церемонии на лужайке Белого Дома, кульминационным моментом которой было историческое рукопожатие между премьер-министром Рабином и лидером ООП Ясиром Арафатом. Соглашения предусматривали установление де-факто палестинского самоуправления на оккупированных территориях и, таким образом, становились начальной точкой движения к окончательному решению о двух государствах, фактически основанному на линии прекращения огня 1967 года. На церемонии в сентябре Арафат отрекся от «использования терроризма и других актов насилия», но Рабин, со своей стороны, не заявил об обязательстве прекратить строительство поселений на палестинской территории.

Вслед за этими соглашениями в течение года последовал Израильско-иорданский мирный договор, который означал, что Израиль теперь имеет нормальные отношения с двумя из трех его мусульманских соседей.

Годы 1993–1995 были, таким образом, периодом благоприятных возможностей. Израильские поселения на палестинских землях были еще мало заселены, а Рабин и Арафат осуществляли эффективный контроль на своих территориях. Между этими двумя людьми установилось прохладное, но конструктивное рабочее сотрудничество, и перспективы мира улучшались. В следующем году они оба поделили Нобелевскую премию мира.

Этому обнадеживающему состоянию отношений внезапно был положен конец вечером 4 ноября 1995 года, когда израильский правый фанатик убил героя войны премьер-министра Рабина. Менее года потребовалось для того, чтобы власть в Израиле оказалась в руках откровенного противника соглашений – Биньямина Нетаньяху, твердо и с немалой долей демагогии выступавшего за расширение израильских поселений. В окружении Клинтона он у многих не вызывал доверия. Мирный процесс оказался в состоянии драматического сползания вниз, строительство поселений ускорилось, а акты насилия со стороны палестинцев стали более частыми. Неудивительно, что сдержанные посреднические усилия США в октябре 1998 года ни к чему не привели.

Вторая возможность для Клинтона появилась в конце его правления, во второй половине последнего года второго президентского срока. Премьер-министром Израиля снова был герой войны Эхуд Барак, глава Партии труда, придерживающейся более примирительной линии. Его избрание в середине 1999 года оживило возможность возобновления мирного процесса, и Барак в своей победной речи четко представил себя последователем решительного курса Рабина на урегулирование израильски палестинского конфликта. Но поскольку ни израильтяне, ни палестинцы не были в состоянии решить разделявшие их вопросы, касающиеся территории, контроля в Иерусалиме и права на возвращение палестинских беженцев, то к середине 2000 года обе стороны снова оказались запутавшимися в усилившихся разногласиях и взаимных обвинениях. В этот момент Клинтон решил попытаться пойти напролом – организовать встречу глав в Кэмп-Дэвиде (почти так же, как это сделал президент Картер более двадцати лет назад), чтобы помочь израильтянам и палестинцам найти выход из их длительного и мучительного для обеих сторон конфликта.

Но в отличие от встречи, проведенной Картером, Кэмп Дэвиду-2 не хватало организующей американской схемы, основанной на независимой позиции США, и американского плана переговоров. Переговоры были значительно менее официальными и более свободными, притом что американская и израильская стороны чередовались, внося неформальные, часто даже устные предложения, по мере того как неровно развивались дискуссии. В какой-то момент Клинтон зачитал текст, который потом называли «параметры Клинтона», – общие наметки конкретных договоренностей по территориальному урегулированию и разделу Иерусалима, в особенности в том, что касается еврейских и мусульманских святых мест. Они могли бы послужить основой для подлинного урегулирования, если бы было время для их развития и не подчеркивалась бы столь сильно ответственность сторон за провал встречи в случае ее завершения без достижения соглашения.

То, что Клинтон предложил свои параметры, без сомнения, было очень важным и замечательным шагом. Важным потому, что впервые американская сторона на самом высоком уровне представила свое мнение по ключевым вопросам для справедливого урегулирования. Замечательным потому, что до этого времени главные фигуры, занимавшиеся этими вопросами в команде Клинтона, в основном были против внесения такого рода американской инициативы. Но, к их чести, нельзя не сказать, что они помогли Клинтону создать смелую формулу, которая могла бы призвать умеренных израильтян и палестинцев к будущему миру, основанному на компромиссе, а не на победе.

Оценка того, что произошло вслед за этим, вызывает споры. Арафат подвергся многочисленным обвинениям в том, что он отказался принять «щедрое предложение Израиля»; палестинская сторона заявила, что это предложение никогда не было четко изложено и показано на картах ни американцами, ни израильтянами. Позднее министр иностранных дел в правительстве Барака сказал, что на месте Арафата он отверг бы такое предложение как слишком неопределенное. Клинтон обычно склонялся к израильской версии, особенно потому, что Арафат отказался рассмотреть беспрецедентную компромиссную формулу о разделении сфер в Иерусалиме, которую он предложил.

Более того, учитывая приближение президентских выборов в США и опасения вице-президента Гора, что любое впечатление, что на Израиль оказывается давление, может повредить его шансам в ключевых штатах, американская сторона присоединилась к кампании, которая развернулась в средствах массовой информации в расчете на то, что вся ответственность ляжет целиком на Арафата. Палестинский лидер сам помог этому, изложив свои возражения в чрезвычайно негативной форме. Он потребовал подробных разъяснений, а его довод, что он должен проконсультироваться с другими мусульманскими лидерами по вопросу о разделении в Иерусалиме, рассматривался скорее как «нет», чем как «да». В результате отклонение палестинцами совместного американо-израильского мирного предложения вызвало широкое разочарование в Соединенных Штатах. А так как и в США, и в Израиле приближались выборы, такое восприятие было политически выгодным.

Будь подобная попытка добиться прорыва к миру предпринята раньше, вскоре после избрания Барака, возможно, было бы время для того, чтобы пыль осела и недоведенная до конца кэмп-дэвидская формула в итоге одержала бы победу. В тех обстоятельствах за неудачей достичь соглашения в Кэмп-Дэвиде последовала вскоре новая волна насилия, ускоренная политическим соперником Барака Ариэлем Шароном, который под прикрытием полицейского эскорта совершил свой провокационный визит в Хаарам аль-Шариф^[4] – Так мусульмане называют Храмовую гору. – Прим. ред.] в Иерусалиме – к месту, священному для мусульман. Насилие сопровождалось потерями у палестинцев и привело к взрыву второй интифады.

Тем не менее, миротворческие усилия продолжались. Непосредственно накануне президентских выборов в США возобновились переговоры в Шарм-эль-Шейхе, но оказались незавершенными. Клинтон и Арафат встретились еще раз, и в конце января 2001 года в Таба снова начались прямые израильско-палестинские переговоры. Несмотря на некоторый прогресс, они заглохли из-за приближения выборов в Израиле. К тому времени Клинтон был уже бывшим президентом, а через несколько дней Барака на посту премьер-министра Израиля сменил Шарон, непримиримый критик мирных усилий Барака.

Поскольку Арафат участвовал в этих продолжавшихся переговорах, вполне логично предположить, что мирный процесс мог бы быть возобновлен, если бы Шарон не одержал победу на выборах. Но Шарон выиграл выборы, потому что насилие интифады воспламенило общественное мнение в Израиле. В свою очередь, интифады могло бы и не быть, если бы Шарон не устроил спектакль со своим появлением на Храмовой горе, чтобы дискредитировать мирные усилия Барака. И сам этот визит мог бы не состояться, если бы не приближение выборов в Израиле и если бы израильские правые не стремились опорочить мирную игру Барака. Вскоре после того, как правые на выборах одержали победу, желание отделаться от Арафата стало целью, преследуемой во имя мира в равной мере и преемником Барака в Израиле, и преемником Клинтона в Америке.

На протяжении этих так и не завершившихся успехом восьми лет вовлеченности Америки в израильско-палестинские отношения над ними продолжала тяготеть иракская проблема. Администрация Клинтона периодически прибегала к ударам с

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org воздуха по военным объектам Саддама и более чем в два раза увеличила численность американских войск в Саудовской Аравии (подсыпая зерно для помолы на мельницу антиамериканских фундаменталистов, особенно Усамы Бен Ладена). В самой Америке в предвкушении грядущих событий неоконсервативные деятели начали кампанию за одностороннюю вооруженную акцию с целью отстранения Саддама от власти. В июне 1998 года Клинтон получил обращение с настойчивым призывом (которое было опубликовано) осуществить военную интервенцию от восемнадцати энергичных сторонников такой меры, которые требовали от него «решительных действий», чтобы, пока не поздно, предотвратить возможность получения Ираком оружия массового поражения. (Около двух третей, подписавших это обращение стали сотрудниками будущей американской администрации [5 - Обращение подписали: Элиот Абрамс, Ричард Л. Армитедж, Уильям Дж. Беннет, Джеффри Бергнер, Джон Болтон. Паула Добрянски. Фрэнсис Фукуяма, Роберт Каган, Зал май Халилзбад. Уильям Кристол, Ричард Перл. Питер У. Родман. Дональд Рамсфелд, Уильям Шнейдер-мл... Вин Вебер, Пол Вулфовиц, Р. Джеймс, Вулси и Роберт Зеллнк.]).

Между тем, отношения с Ираном оставались замороженными в состоянии взаимной враждебности. Дипломатические инициативы Клинтона были ограничены решениями Конгресса, политически враждебного ему и подверженного активному влиянию лоббистов, заинтересованных в недопущении любого американо-иранского диалога. В 1995 году в ответ на иранское предложение об инвестировании американского капитала в иранские нефтяные месторождения президент Клинтон в речи на Всемирном еврейском конгрессе объявил о принятии им двух распоряжениях, запрещающих торговлю с Ираном. В 1997 году в результате прошедших выборов в парламенте Ирана образовалось поразительно крупное большинство более умеренно настроенных депутатов, и на короткое время могло открыться окно для выяснения возможности улучшения американо-иранских отношений. Но, опасаясь внутренних политических осложнений под воздействием израильско-американского и ирано-американского лобби, Клинтон снова решил не предпринимать позитивных шагов. И вскоре баланс политических отношений в Иране вновь качнулся в сторону фундаменталистов и крайних антиамериканских элементов.

Все это, взятое вместе, привело к существенному изменению преобладавшей в регионе оценки роли Америки. Многие мусульмане рассматривали политическое участие Америки в делах Ближнего Востока после Второй мировой войны как освободительную силу, способствующую устранению англо-французского колониального господства. Но пять десятилетий спустя растущее число арабов, египтян и иранцев все больше склонялось к мнению, что регион вновь становится объектом иностранного господства в новом его облики.

Многие факторы способствовали появлению возникшего вследствие этого чувства обиды: устойчивая, распространявшаяся подобно религии иранская враждебность к Америке; возбуждающие людей доклады международных организаций о возрастающей смертности среди иракских детей вследствие введения американских санкций в ответ на невыполнение Саддамом требований со стороны проводившихся инспекций после 1991 года, и продолжающийся израильско-палестинский конфликт, в ходе которого американская политика все более выглядит как направленная скорее на сохранение статус-кво, а не на достижение справедливого мира.

Эти усиливающиеся настроения, в свою очередь, побуждали к осуществлению все более частых террористических актов с человеческими жертвами, направленных на военный и дипломатический персонал США в регионе. Более того, попытка совершить по крайней мере один крупный террористический акт была предпринята в 90-е годы в самих Соединенных Штатах – готовился взрыв Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, который удалось предотвратить. Таким образом, «Аль-Каида» заявила о своем присутствии на американской земле. В качестве возмездия администрация Клинтона подвергла бомбардировке объекты в Судане, которые, по имеющимся данным, были базами «Аль-Каиды», а через некоторое время и некоторые объекты в Афганистане, прочно удерживаемые талибами, предоставляющими убежище «Аль-Каиде».

Но мало фактов, которые свидетельствовали бы, что растущая террористическая угроза и усиливающийся антиамериканизм ускорили какую-либо серьезную попытку США выработать всестороннюю упреждающую стратегию. Это потребовало бы мобилизации арабских правящих элит, чтобы общими усилиями выявить и ликвидировать террористов, а также изолировать их в социальном и религиозном отношениях. Общий геополитический тупик в регионе, в основном умиротворявшемся Америкой, делал такие усилия очень затруднительными, и

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org мало что говорит о том, что в Вашингтоне серьезно задумывались, к чему должны привести такие усилия. Проблема оставалась в запущенном состоянии до тех пор, пока американское общественное мнение однажды утром, семь с половиной месяцев спустя после ухода Клинтона из Белого дома, не было взбудоражено чудовищным шоком.

Клинтон оставил израильско-палестинские отношения в худшем состоянии, а положение на Ближнем Востоке более неустойчивым, чем оно было, когда он стал президентом. К несчастью, его небрежная система принятия внешнеполитических решений вкуче с внутренними политическими расчетами прицела к стратегической неуверенности, имевшей опасные последствия для долгосрочных интересов Америки. Если бы Клинтону удалось привести израильско-палестинский конфликт к конструктивному и справедливому завершению, он достиг бы для себя и, что еще важнее, для Америки успеха подлинно исторического значения.

Восхождение Америки на вершину глобальной власти произошло примерно в 1990 году. К 1995 году ее глобальный статус, по-видимому, достиг своей высшей точки. Мир принял эту новую реальность, и большинство человечества даже приветствовало это событие. Власть Америки не только рассматривалась как безусловно доминирующая, но и легитимная, а голос Америки заслуживал доверия. В этом, безусловно, заслуга Клинтона. Если старт американского верховенства состоялся в 1990 году, то глобальный престиж Америки в его историческом апогее был достигнут ко второй половине десятилетия.

Клинтон также заслуживает признательности и за успех во внутренних делах, который если и не связан непосредственно с внешней политикой, то, тем не менее, имеет для нее большое значение. Благодаря принятым под его управлением экономическим и финансовым мерам зловещее нарастание бюджетного дефицита, происходившее при его предшественниках, сменилось значительным профицитом. И этот разворот придал новому глобальному положению Америки впечатляющий блеск. Американская модель выглядела теперь как успешное соединение эффективного политического руководства и свободного предпринимательства, заслуживающего всеобщего подражания. Контраст с развалом советской экономики, слабым экономическим ростом некоторых западноевропейских стран и лопнувшим пузырем экономики Японии упрочивал первенство Америки и положение Клинтона в качестве второго глобального лидера.

Клинтон вызывал восхищение, он всем нравился, и его личное обаяние было сравнимо с обаянием Франклина Рузвельта и Джона Кеннеди. Но он не использовал восемь лет, проведенных им в Белом доме, чтобы утвердить Америку в новой глобальной роли путем четкого определения ее курса, которому захотели бы следовать другие страны. Он никогда не предпринимал целенаправленных усилий, чтобы развивать, четко выражать и осуществлять широкую всеобъемлющую стратегию, соответствующую ответственной роли Америки в изменчивом мире, перед которым он оказался. У него были для этого интеллектуальные и личностные качества. Но небрежный и не совпадавший с традиционным стилем принятия решений не делал эту стратегию ясной, а его вера в исторический детерминизм глобализации, казалось, делала такую стратегию ненужной.

В результате полюс глобального тотема, на вершине которого возвышался Клинтон, покоился на шаткой основе. Конечно когда Клинтон перестал быть президентом, Америка все еще оставалась надежно доминирующей и уважаемой державой, ее союзнические отношения были вполне здоровыми, а ее международные усилия были подчинены уже тому, чтобы исправить несправедливые социальные условия в мире. Но к концу последнего десятилетия XX века нарастающая волна враждебности в отношении Америки не ограничивалась Ближним Востоком. Некоторые из ее союзников начинали противиться верховной власти США. После восьми лет безрезультатных переговоров и тщетных протестов в мире происходило распространение ядерного оружия. Благие намерения все чаще не могли заменить отсутствия ясной и определенной стратегии.

Тем временем харизма Клинтона в США несколько померкла не только из-за его личных трудностей, но также из-за нараставших в обществе настроений против установки на то, что глобальное лидерство требует существенного социального самоограничения. Социальный гедонизм, порожденный внутренними экономическими успехами, не сочетался с пониманием того, что глобальное лидерство может потребовать пожертвовать личной привилегией или несколько

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org ограничить национальный суверенитет. Наднациональное сотрудничество и глобализация вызывали все больше вопросов и в самой Америке. Несмотря на впечатляющие победы как в 1992-м, так и в 1996 году, партия Клинтона уступила контроль в Конгрессе республиканцам в 1994 году и уже не могла его вернуть в период его президентства. Поддержка Конгрессом снижения налогов на состоятельных граждан и более узкого определения национальных интересов отражала степень подчинения в социальной сфере собственным устремлениям, которое свело к нулю все усилия использовать моральный и политический капитал Америки во имя глобального общего блага.

В общем, второй глобальный лидер не оставил в мире исторически значимого следа. Благодушный детерминизм, личные промахи и возраставшие внутренние политические препятствия перевесили его добрые намерения. Наследство, которое Клинтон оставил в 2001 году своему преемнику, выступившему с противоположной доктриной, было неубедительным и уязвимым.

5. Катастрофа лидерства

(и политика страха)

Этот крестовый поход, эта война против терроризма потребует времени.

16 сентября 2001 г.

Кто не с нами – тот против нас.

Неоднократно после 11 сентября 2001 г.

В жизни каждой страны бывают моменты затишья, когда от ее руководителей многого не ожидают. Сейчас другие времена. Это время, когда необходимы – нам необходимы – твердая решимость, ясное видение и глубокая вера в ценности, которые делают нас великой нацией.

День труда. 4 сентября, 2004 г.

Немезида карает за гордыню. Три приведенные цитаты, принадлежащие президенту Джорджу У. Бушу, характеризуют его взгляд на самого себя как на третьего глобального лидера и его намерения осуществлять свое лидерство. Он видит себя обладающим «твердой решимостью, ясным видением и глубокой верой» в новой глобальной конфронтации между добром и злом, способным даже призвать к крестовому походу в одиночку. Нельзя представить себе более резкого контраста с двумя его предшественниками: по его мнению, ни тактический реализм первого глобального лидера, ни самоуверенный оптимизм второго глобального лидера не могли бы спасти Америку от разрушения руками ее смертельных врагов.

События 11 сентября стали для Буша прозрением. После одного дня уединения новый президент возник преображенным. С этого момента он будет решительным лидером страны, ведущей войну против прямой и смертельной угрозы, главнокомандующим единственной в мире сверхдержавы. Америка сама будет принимать решения, независимо от мнений ее союзников, находясь в состоянии шока от совершенного преступления и заботясь о своей безопасности, американская общественность сплотилась вокруг президента.

Появившаяся на свет стратегия представляла собой смесь подчеркнута имперских формулировок из проекта документа о национальной безопасности 1991 года, подготовленного чиновниками министерства обороны во время администрации Буша Первого (многие из которых стали советниками Буша Второго), и воинственных заявлений сторонников неоконсервативной политики со свойственной ей особой пристрастностью к Ближнему Востоку. В стратегическом плане «война с террором» отражала, таким образом, имперские заботы о сохранении контроля над ресурсами Персидского залива и желание представителей неоконсервативного направления укрепить безопасность Израиля путем устранения угрозы со стороны Ирака.

Первоначальные результаты такой комбинации безусловно пели к гордыне. Правительство движения «Талибан» в Афганистане, предоставившее убежище для «Аль-Каиды», было быстро ниспровергнуто военной интервенцией США, а менее

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org чем восемнадцать месяцев спустя режим Саддама Хусейна в Ираке был уничтожен американским наземным наступлением всего в течение трех недель. Настроение в Белом доме было триумфальное. Воодушевленный президент Буш иронически спрашивал губернатора оккупированного Ирака: «Хотите то же самое сделать в Иране?».

Высокомерие, охватившее при Буше Белый дом, достаточно точно отразил Рон Саскинд в материале, опубликованном в октябре 2004 года в «Нью-Йорк таймс магазин», в котором один из старших помощников Буша едко урезонивал критиков, выступавших от той части общественности, которую он называл «сообществом реалистов». Этот чиновник сказал: «Мир больше так не живет... Мы теперь империя, и когда мы что-то делаем, мы создаем нашу собственную реальность. И пока вы будете изучать эту реальность – как всегда вдумчиво, – мы снова будем действовать, создавая новые реальности, которые вы можете также изучать, и вот так и будет все это продолжаться. Мы являемся действующими лицами истории... а вы, все вы, будете изучать то, что мы делаем». Можно представить себе фантазии, порождавшие такого рода декларации: сначала Ирак, потом Сирия, потом Иран, а потом и Саудовская Аравия...

Неудивительно, что возмездия не пришлось долго ждать. Всего через несколько месяцев внешняя политика первой глобальной державы мира диктовалась истощающими последствиями войны в отдаленной стране, которую Соединенные Штаты сами начали, но которую не могли закончить. В то же время война против террора все более приобретала зловещую окраску столкновения со всем миром ислама. Корабль внешней политики США снялся с якоря после полувековой остановки в Атлантическом сообществе. В скором времени эта политика стада объектом осуждения общественным мнением всего мира. Смесь неоконсервативного манихейства и обретенной Бушем склонности к катастрофическим решениям привела к тому, что всеобщая солидарность с Америкой, возникшая после 11 сентября, с точки исторического зенита упала до самого низкого уровня.

Было мало причин ожидать таких сильных исторических сдвигов от нового президента. Его предвыборная кампания не уделяла серьезного внимания проблемам внешней политики некоторые из его публичных заявлений, резко контрастируя с его предшественниками, свидетельствовали о незнании элементарных вещей в международных делах. Первые два месяца его президентства не были отмечены какими-либо признаками, обозначающими направление его внешней политики. Но его критика итогов политики Клинтона была выдержана отнюдь не по образцам неоконсерватизма. Избирательная кампания Буша делала упор на сострадание, национальные интересы и необходимость простой внешней политики, напоминая указатели на перекрестке дорог, оставляющие неясным вопрос, по какой из них следует ехать дальше.

Его выбор ведущих фигур подразумевал продолжение реализма, свойственного внешней политике Буша Первого. В качестве своего вице-президента он избрал Ричарда Чейни, бывшего при его отце министром обороны. Его госсекретарь Колин Пауэлл занимал в администрации Клинтона важный официальный пост председателя Объединенного комитета начальников штабов и так же рассматривался как потенциальный кандидат Республиканской партии на пост президента. Министр обороны Дональд Рамсфелд занимал этот пост и при президенте Форде и в свое время тешил себя надеждой участвовать в президентских выборах.

Это была закаленная команда, которая значительно превосходила президента в профессиональном статусе и опыте по крайней мере до тех пор, пока он не завоевал доверие, не приобрел уверенность и не проникся сознанием своей миссии. Сначала новая команда сосредоточилась на незавершенных делах Буша Первого: противоракетной обороне, преобразованиях и поенной сфере и отношениях с ведущими странами. Ни распродажа ядерного оружия, ни терроризм не котировались высоко, и советник по национальной безопасности Кондолиза Райс даже отклонила первое предупреждение разведки о возможных ударах террористов, расценив его как главным образом «историческое» исследование.

После 11 сентября второй эшелон президентской команды, более молодой и с более жесткими неоконсервативными убеждениями, вышел вперед, став интеллектуальным источником творческого вдохновения и самоопределения. Ключевую роль играли три фигуры: К. Райс, И. Льюис Либби, бывший руководителем аппарата вице-президента, и заместитель министра обороны Пол Вулфовиц. Райс представляла в Белом доме новое поколение. В прошлом член

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Совета национальной безопасности при Буше Первом и признанная как ученый, она во время избирательной кампании обучала нового президента внешней политике, и установившийся между ними личный контакт компенсировал ее младший статус в отношениях с другими главными членами президентской команды. Хотя Райс и не считается автором какой-либо принципиальной линии политики, ей свойственны четкое понимание сложности международных проблем, близкая новому президенту склонность к моралистской дихотомии в их оценке и подкрепление (а также обоснование) предрасположенности президента к упрощающей риторике о добре и зле.

В качестве советника по национальной безопасности она играла менее эффективную роль в координации системы принятия решений, потому что и государственный секретарь, и министр обороны оба были старше ее и не были склонны считаться с ее мнениями. Более того, вице-президент создал свой собственный маленький эквивалент Совета национальной безопасности, позволявший Либби, извлекая пользу из тесных отношений между президентом и вице-президентом, приобрести бюрократическое влияние, ограничивая полномочия Райс. Но хотя это и снижало бюрократическую эффективность, ни одна из этих мер не помешала президенту все более полагаться на Райс и тем самым сильнее и все более самоуверенно проявлять собственные способности.

Вулфовиц и Либби способствовали росту влияния Райс на президента. Оба они в 1991 году принимали участие в разработке стратегического документа, формулирующего значение реального глобального военного превосходства Америки, и оба занимали решительную позицию по Ближнему Востоку, особенно по Ираку и Израилю. Как и некоторые из их подчиненных, которых они привели на ключевые посты в Белом доме и министерстве обороны, они были в числе тех, кто в конце 90-х годов подписал письма, адресованные президенту Клинтону и премьер-министру Израиля Нетаньяху, настаивая на более жесткой силовой конфронтации с затянувшимся режимом Саддама Хусейна в Ираке. Эта группа людей, поддерживаемая активными сторонниками, не входившими в состав администрации, создала стратегический стимул для тех инициатив, которые были развернуты после 11 сентября и полтора года спустя завершились военным вторжением в Ирак. Хотя полная картина внутренних обсуждений не будет известна еще длительное время и после окончания президентства Буша, то, что известно уже сейчас из сопоставления противоречивых воспоминаний и рассекреченных официальных документов, дает возможность сделать выводы о том, как возникла и сформировалась реакция Буша на 11 сентября. Помимо самого президента в формировании этой реакции принимали участие его основные советники по внутренней политике, его мыслящие имперскими категориями старшие советники и их наиболее близкие сотрудники. Все они и были главными теоретиками радикального изменения представлений о роли Америки в мире.

Главные советники Буша по внутренней политике ухватились за 11 сентября как за событие, дающее им возможность претендовать на высокое политическое положение. Возвысив преступление до уровня аллегорического объявления войны, они наделили президента статусом главнокомандующего военного времени, облеченного расширенными полномочиями исполнительной власти. Распространяя страх и паранойю и апеллируя к неистовому патриотизму общественности, они рассчитывали получить политические выгоды, и результаты выборов 2004 года укрепили их в этом. Бесконечная война с террором стала, таким образом, инструментом и внутренней политики, и собственно внешней политикой.

Среди членов внешнеполитической команды, естественно, преобладало мнение в пользу жесткого силового ответа. Было достигнуто единодушное согласие о необходимости – и праве на это Америки – уничтожить режим талибов в Афганистане, которые предоставили убежище главным преступникам, совершившим чудовищный акт 11 сентября. Это предложение встретило и почти всеобщую международную поддержку. Возникли, однако, разногласия относительно того, что делать дальше. Через несколько дней после 11 сентября в откровенном и весьма мотивированном выступлении Вулфовиц решил публично поразмышлять о необходимости доведения до конца операции против Ирака, но государственный секретарь Пауэлл, имея в виду непредсказуемые риски большой войны, выступил резко против, заявив, что заместитель министра обороны высказал лишь свое мнение. Не высказывавший до тех пор своей точки зрения президент отвел в сторону того, чьи слова, казалось, нанесли обиду, тихо сказав ему: «Продолжайте, продолжайте!», выразив таким образом свое первоначальное предрасположение.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Роль Пауэлла оставалась двусмысленной. Публично он был одним из наиболее активных политиков, кто выступал за войну и Ираке и доказывал, что ее необходимость диктуется возрастающей стратегической угрозой, создаваемой имеющимся, как предполагалось, у Ирака оружием массового поражения. Поскольку он считался человеком умеренных взглядов, его аргументы имели больший вес, чем поджигательские, иногда апокалипсические выступления вице-президента, советника по национальной безопасности и министра обороны. Однако в Совете национальной безопасности он, по-видимому, настаивал на сдержанности и целесообразности международных санкций. И в неофициальных беседах, включая вечерние встречи с известным в стране журналистом, проводившиеся не для публикации в печати, он высказывал глубокие сомнения относительно предпосылок и последствий курса, которому, по-видимому, решил следовать президент. Можно лишь догадываться о том, что могло бы произойти, если бы вместо того, чтобы делиться своими опасениями с писателем, задумавшим писать книгу, он публично заявил бы о своей позиции по столь важному для национальных интересов вопросу.

Позже в различных своих заявлениях Буш подтвердил, что для него 11 сентября стало призывом к принятию на себя особой миссии, личным прозрением, близким к божественному призванию. Убежденность в этом придавала ему уверенность, граничащую с самонадеянностью и вселявшую наивный манихейский догматизм. Его спичрайтеры, некоторые с сильными неоконсервативными пристрастиями, воспользовались этой его склонностью, чтобы включить в публичные заявления президента хвастливые обороты вроде «сметем их с лица земли», размахистые характеристики вроде «оси зла», а время от времени даже исламофобскую демагогию. Это дает основания предполагать, что традиционная для СНБ скрупулезная выверка проектов президентских речей утратила свое значение.

Трудно также не сделать вывод, что в какой-то момент в 2002 году СНБ перестал выполнять присущую ему функцию тщательной проверки и оценки потока разведывательной информации, поступающей к президенту. Альтернативные и скептические оценки информации, поступающей от других источников, либо вообще игнорировались, либо не передавались. Советник по национальной безопасности Райс сама стала воодушевляющим общественным лидером, утверждавшим, что Ирак, несомненно, имеет оружие массового уничтожения. СНБ, таким образом, стал ретранслятором взглядов, о которых политически сговорчивый директор Центрального разведывательного управления лично информировал президента. Вице-президент Чейни и шеф его кабинета также оказывали давление на аналитиков ЦРУ, ставя перед ними соответствующие вопросы или же (особенно это свойственно Чейни) публично навязывая якобы не подлежащие сомнению факты и заключения, которые в лучшем случае являются гипотетическими или продуктом экстраполяции. И наконец, последнее, но отнюдь не по важности, – министерство обороны обзавелось своей собственной разведывательной организацией, работающей по Ираку. Руководимая одним из наиболее осведомленных неоконсервативных чиновников министерства, эта организация, как и следовало предвидеть, подкрепляла заключения и выводы, которые публично излагали президент и вице-президент.

Поскольку президент явно выступал за военную акцию, вице-президент высказывал самые мрачные гипотезы насчет угрозы со стороны Ирака и его якобы существующих связей с «Аль-Каидой», а деятели второго эшелона настойчиво проводили спую стратегическую линию, общий консенсус в пользу военной акции де-факто возник уже в начале 2002 года. К июню в обращении к ветеранам войн, в которых участвовали США, вице-президент уже объяснял стране выгоды, которые даст насильственное устранение Саддама Хусейна:

«Люди во всем регионе, придерживающиеся умеренных взглядов, будут воодушевлены, а наши возможности ускорить процесс мирного израильско-палестинского урегулирования увеличатся».

Даже добываясь и конце 2002-го и начале 2003 года одобрения войны Конгрессом и Организацией Объединенных Наций, Буш в ходе конфиденциальных переговоров с премьер-министром Тони Блэром, как по засвидетельствовал советник по вопросам внешней политики Блэра, заигрывал с идеей устройства намеренной военной провокации для того, чтобы иметь казус белли – повод к войне. Сама постановка такого вопроса для президента равносильна ходьбе по тонкому льду.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
В течение следующих трех или четырех лет одержимость проблемой Ирака в высшем эшелоне власти затмила все другие внешнеполитические вопросы, с которыми столкнулась Америка. И последствия решительного лидерства Буша оказались отнюдь не тривиальными.

Международная хронология: январь 2001-го до настоящего времени

2001. Во время первой встречи в Любляне Буш заглядывает в душу Путина. Американо-китайский инцидент с самолетом-шпионом усиливает напряженность. Киотский протокол не представлен на ратификацию в Конгресс США. Террористами-самоубийцами разрушен Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и повреждено здание Пентагона в Вашингтоне. Объявлена война террору НАТО выступает в поддержку США, принимая обязательства по коллективной обороне. Соединенные Штаты осуществляют военную операцию в Афганистане, направленную на свержение режима движения «Талибан». В Дохе начинается раунд торговых переговоров. Китай вступает в ВТО. Пакистан и Индия на грани войны.

2002. Вспышка конфликта в Дарфуре. Буш вешает на Северную Корею, Иран и Ирак ярлык «ось зла». США отзывают свою подпись под договором об учреждении Международного уголовного суда. Премьер-министр Израиля Ариэль Шарон с одобрения США разрушает резиденцию палестинского правительства и изолирует Ясира Арафата. После этого Буш призывает к созданию палестинского государства США выходят из Договора об ограничении систем противоракетной обороны. Введение в обращение евровалюты. Буш получает одобрение Конгресса и ООН на использование силы в Ираке. Северная Корея отвергает обращение МАГАТЭ и заявляет о том, что проблема ее ядерных возможностей является исключительно предметом переговоров между Северной Кореей и США. Россия приступает к строительству в Иране первого ядерного реактора в Бушере.

2003. Израиль начинает сооружать защитную стену от проникновения террористов, несколько выходя за линию прекращения огня, установленную в 1967 году. Турция отказывается разрешить размещение войск США на ее территории для войны в Ираке. США подвергают быстрому разгрому иракские вооруженные силы и оккупируют Ирак в ходе войны, против которой открыто выступают Франция, Германия и Россия. Оружие массового поражения в Ираке не найдено. Северная Корея заявляет о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия. США призывают к коллективной реакции со стороны стран региона, но Россия и Китай блокируют резолюцию ООН, осуждающую Северную Корею. НАТО принимает командование международными силами по обеспечению безопасности в Афганистане. На переговорах шести стран достигнута соглашение относительно ядерной программы Кореи. Иран обещает приостановить обогащение урана. Ливия отказывается от своей ядерной программы.

2004. Начало шестисторонних переговоров. Террористические взрывы в Мадриде. Иран пересматривает свое обязательство не обогащать уран. Скандал в Абу-Грейб [6 – Американской и мировой общественности стали известны факты о пытках и издевательствах американских солдат над иракскими пленниками в тюрьме Абу-Грейб, близ Багдада. – Прим. ред.]. В Ираке разворачивается сопротивление против американской оккупации и нарастает конфликт между суннитами и шиитами. В НАТО вступают еще семь стран, а число членов Евросоюза возрастает на десять. Иран согласен прекратить обогащение урана, рассматривая этот шаг как временную договоренность с Евросоюзом. «Оранжевая революция» на Украине одерживает победу Цунами вызывает опустошительные разрушения на побережье Юго-Восточной Азии, и США предоставляют крупную помощь для компенсации ущерба.

2005. Вступает в силу Киотский протокол без участия в нем США, госсекретарь США называет Северную Корею и Иран «аванпостами тирании». Махмуд Аббас избирается президентом Палестинской автономии, заканчивается вторая интифада, Израиль уходит из сектора Газы. Ахмадинежад избирается президентом Ирана. Террористы устраивают взрывы в Лондоне. Северная Корея заявляет о наличии у нее ядерного оружия, но конференция шести стран возобновляет переговоры. Французы и голландцы на референдумах отказываются признать конституцию Евросоюза. Иран возобновляет обогащение урана. На конференции ВТО на уровне министров не удается достигнуть соглашения по итогам «раунда Дохи». Суннитско-шиитский конфликт в Ираке усиливается.

2006. Буш признает Индию членом ядерного клуба. Представители Америки и Европы ставят Иран перед выбором: компромиссное урегулирование либо

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org санкции. Происходят эскалация насилия в Ираке и Палестине, возмущения в Ливане и выступления в Афганистане.

«Центральный фронт» как кладбище мечты неоконсерваторов

Война в Ираке, более чем любая другая война в американской истории, внезапно породила обширную библиографию информативных и раскрывающих суть происходящего книг. Подробно, с приведением бесчисленного числа деталей описываются история вопроса, принятие политических решений, намеренное манипулирование общественными тревогами, стратегия и проведение военной кампании, последующий хаос и массовые выступления, а также нарастающая борьба религиозных сект. Право общественности знать факты было удовлетворено, оставив мало места для извинений за неосведомленность тех или иных лиц по ключевым вопросам войны. Каждый вполне может составить собственное мнение относительно последствий этого исторически противоречивого предприятия для положения Америки в мир (Свои собственные личные предпочтения я отдаю книгам Уильяма Полка «Understanding Iraq», Джорджа Пакера «The Assassins Gate», Майкла Гордона и Бернарда Трейнора «Cobra II» и «Imper Hubris» анонимного автора.)

К 2006 году было ясно, что цена, уже заплаченная за войну намного превышает ее единственный позитивный аспект: отстранение Саддама Хусейна, который в любом случае уже превратился в бессильную фигуру. Подсчитать понесенные издержки не составляет большого труда, поскольку они говорят сами за себя и в основном известны.

Во-первых, эта война нанесла пагубный ущерб положению Америки в качестве глобальной державы. Глобальный престиж Америки поколеблен. До 2003 года мир привык верить слову президента Соединенных Штатов. Когда он говорил о чем-то как о факте, предполагалось, что он знает факты и то, что он говорит, – правда. А два месяца спустя после падения Багдада Буш продолжал решительно уверять (в одном из интервью предназначенном для европейской аудитории), что «мы нашли оружие массового поражения». В результате способность Америки получить доверие и поддержку по таким вызывающим споры международным проблемам, как ядерная программа Ирана и Северной Кореи, плачевно пострадала.

Недоверие подорвало также международную легитимность Америки – важный источник «мягкой», а не силовой политики страны. Раньше мощь Америки считалась легитимной, потому что она так или иначе идентифицировалась с основными интересами человечества. Сила, которую считают незаконной, по самой своей сути слабее, потому что ее применение требует более значительных ресурсов для достижения желаемого результата. Таким образом, когда «мягкая» политика слабеет, слабее становится и «жесткая», силовая политика.

Моральная позиция Америки в мире, важная составляющая ее легитимности, также была скомпрометирована тюрьмами в Абу-Грейб и Гуантанамо, а также все новыми и новыми случаями, свидетельствующими о том, что деморализация, присущая психологической грубости мер, применяемых против враждебного гражданского населения, начинает заражать оккупационные войска. Зверства, задокументированные в Абу-Грейб и Гуантанамо, невольно затрагивают репутацию министра обороны и его заместителя за разрешение, а возможно, даже и за создание такой атмосферы, которая привела к подобным злоупотреблениям. Отсутствие ответственности за это на высоком уровне превращает нарушение законности отдельными солдатами в акты государственного значения, становясь пятном на моральной репутации Америки.

И важнее всего то, что эта война дискредитировала глобальное лидерство Америки. Америка оказалась неспособной ни сплотить мир в связи с поставленной задачей, ни одержать решительную победу силой оружия. Ее действия разделили ее союзников, сплотили врагов и создали дополнительные возможности для ее соперников и недоброжелателей. Исламский мир был возбужден и приведен в состояние яркой ненависти. Уважение к американскому государственному руководству резко упало, и способности Америки быть лидером был нанесен тяжелый урон.

Во-вторых, война в Ираке стала геополитическим бедствием. Она отвлекла ресурсы и внимание от террористической угрозы, и в результате за

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org первоначальным успехом в Афганистане последовало возрождение режима «Талибан», создавшего новые потенциальные убежища для «Аль-Каиды». Подобная тенденция имеет место и в Сомали. Политическая стабильность остается сомнительной, и экстремистские элементы в этой стране эксплуатируют тесные связи ее режима с Соединенными Штатами.

Физические потери в войне постоянно растут. В то время как число убитых американцев приблизилось к трем тысячам, а число искалеченных и получивших увечья составляет более двадцати тысяч и эти потери тщательно регистрируются, число убитых иракцев намеренно остается неподсчитанным. Ясно, что оно исчисляется многими десятками тысяч человек, не говоря уже о раненых, и многочисленные родственники погибших возлагают вину за свои страдания на Америку.

Прямые финансовые расходы могут быть подсчитаны с достаточной точностью и, согласно оценкам Конгресса, уже превышают 300 миллиардов долларов. А косвенные затраты в несколько раз больше. Совершенно очевидно, что эти вовлечения в военные конфликты наносят вред и военной мощи, и экономическому здоровью Америки.

Вопреки предсказаниям вице-президента антиамериканские настроения стали распространяться по всем ближневосточным странам. Политически радикальные и религиозные фундаменталистские силы находят широкую поддержку и осложняют положение режимов, дружественных Соединенным Штатам. Разгром Ирака устранил из региональной политической игры единственное арабское государство, которое было способно противостоять Ирану, тем самым облагодетельствовав самого свирепого противника Америки в регионе. С геополитической точки зрения война стала поражением, нанесенным себе самой Америкой и прямой выгодой для Ирана.

В-третьих, нападение на Ирак увеличило террористическую угрозу Соединенным Штатам. Когда первое упоение победой прошло («миссия завершена!») и стало ясно, что главный аргумент демагогического свойства в пользу войны был ложным: оружия массового уничтожения в Ираке не оказалось, продолжающийся конфликт был переименован, и не кем иным, как самим президентом, в «центральный фронт войны с терроризмом». Другими словами, упорно сражающиеся иракцы, выступающие против американской оккупации, теперь и определяют характер войны, туманно названной войной с террором понятием, означающим убийство, но вряд ли способным определить врага. И если Америка вознамерилась бы прекратить эту войну то, как предостерег президент, иракцы каким-то образом пере секли бы Атлантический океан и развернули бы кампанию террора на американской земле.

Война с террором без ясного определения врага, но с сильно подразумеваемым антиисламским содержанием объединила сторонников ислама в их растущей враждебности к Америке, тем самым создав плодотворную почву для рекрутирования новых террористов – для террора против Америки или Израиля. Она усилила побуждение к экстремизму, распространяя политическую враждебность по отношению к иностранцам и обостряя религиозный антагонизм по отношению к «неверным». В свою очередь, все это сделало более трудным для умеренной части мусульманской элиты, ставшей также объектом угрозы со стороны растущего исламского экстремизма, вести борьбу с террористическими ячейками путем объединения своего народа против экстремистских политических и религиозных настроений.

(Осенью 2003 года в ходе опроса общественного мнения в мусульманских странах респондентам задавался вопрос, не сожалеют ли они о том, что с самого начала военное сопротивление Ирака было малоэффективным, – фактически их спрашивали, сожалеют ли они о том, что не было убито больше американцев. Число сожалеющих в Марокко составило 93 процента опрошенных, в Иордании – 91, в Ливане – 82, в Турции – 82, в Индонезии – 82, и Палестине – 81 и в Пакистане – 74 процента.)

Мировое общественное мнение в своем подавляющем большинстве с самого начала отвергло название, данное обеим войнам – и войне с террором в целом, и войне в Ираке в частности. К концу второго года войны большинство американцев также пришло к этой негативной оценке. Явная абсурдность названных причин войны была выражением безрассудства: даже твердолобые консерваторы в администрации не могли не заметить, что авторитет Америки в мире катастрофически упал, а участие в сражениях на так называемом «центральной фронте» войны с террором превратилось в основном в одиночное

Три убеждения, глубоко укоренившиеся в сознании администрации и имеющие своим источником главным образом неоконсервативную точку зрения, служат основой политических решений, которые превратили первоначальный военный успех США в Афганистане в катастрофу в Ираке. Первое из них состоит в том, что акты террора, зародившиеся на Ближнем Востоке, отражают бешеный органический нигилизм в отношении Америки, не имеющий связи с конкретными политическими конфликтами или новейшей историей. Второе: политическая культура региона, особенно арабов, более всего уважает силу, делая применение чисто американской силы (или силы, уполномоченной США) самым важным компонентом надежного решения проблем региона. И третье, несколько запоздалое: выборная демократия может быть привнесена извне. Арабов-де можно принудить отойти от ненависти к свободе и перейти к любви к ней, даже если пока придется силой проводить такое умиротворение в культурном и религиозном отношениях.

Но вопреки частым утверждениям самого Буша, широко распространенный антагонизм в отношении Америки имеет место не потому, что мусульмане «ненавидят свободу», а потому, что историческая память вызывает у них чувство возмущения, когда они власть Америки в регионе все теснее связывают с британским колониальным прошлым или нынешней политикой Израиля. Британское прошлое в Ираке 20-30-х годов поразительно напоминает действия американцев начиная с 2003 года: отчет за отчетом, восхваляющие прогресс в навязывании дикарям просвещенной демократии, с последующими запоздалыми признаниями провалов, интервалы между которыми заполнились карательными рейдами королевских ВВС. (Уинстон Черчилль, британский министр колоний в начале 20-х годов, даже настаивал, чтобы королевские ВВС применили против восставших иракцев бомбы с отравляющим газом.)

Однако нынешняя американская интервенция происходит в более трудное время. В начале XX века страны Ближнего Востока только что освободились от османского господства, но все еще оставались в колониальной эпохе. Социальное возмущение иностранным правлением не было всеобщим. Идеи национального освобождения ограничивались узким кругом элит а религиозные страсти против иностранных пришельцев еще не воспламенились. Теперь дело обстоит не так. Американская политическая опека не только не приветствуется большинством, но даже вызывает резкое возмущение у многих. Пол Бремер, назначенный губернатором Ирака, которого уж никак нельзя назвать успешным правителем, пришел в своих мемуарах к заключению, что американская оккупация стала «неэффективной», но американская политика по-прежнему не видит, почему это произошло.

Военные проблемы администрации, ведущей войну, у которой нет исторической перспективы, еще более осложняются тем, что психологически и даже просто визуально американское поведение отождествляется с действиями Израиля. Сцены на экранах телевизоров, на которых с головы до ног вооруженные и защищенные бронжилетами американские солдаты вышибают двери в иракских домах, врываются к перепуганным семьям и уводят в наручники с завязанными глазами их мужчин, слишком напоминают действия войск Израиля, делающих то же самое в оккупированной Палестине. То, что израильтяне часто делают это в ответ на террористические акты против мирных граждан Израиля, в данном случае не имеет значения. Для миллионов мусульманских телезрителей сходство таких сцен только подкрепляет фанатичные обвинения «Аль-Каиды» в адрес американского империализма и экспансионистского сионизма, идущих по стопам британских колонизаторов. Справедливо или несправедливо, но политическим результатом этого стало интенсивное и целенаправленное возмущение.

Антиисторический характер провалившейся американской авантюры в Ираке делает еще более ясной и ограниченность стратегии, основанной преимущественно на силе. Такая взаимосвязь убежденно проповедуется стратегами, направлявшими британскую политику в регионе, реакцию Франции на алжирский вызов в Северной Африке и реакцию Израиля на арабскую воинственность. Для всех трех было характерно представление, что арабская ментальность особенно склонна уважать силу и рассматривать готовность к компромиссу как признак слабости.

Превосходящая военная сила неоднократно предписывалась как единственное надежное средство для решения конфликтов и навязывания прочного урегулирования.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
В такого рода аргументах есть своя доля рационального при условии, что соблюдается один фундаментальный принцип: есть кто-то, кто обладает достаточной мощью и ресурсами, чтобы применять силу до тех пор, пока другая сторона не будет сломлена. Также вполне разумно считать, что более слабая сторона может в какой-то момент понять, что она подвергнется полному разрушению со стороны решительного, непоколебимого и более мощного противника и что унижительная капитуляция является наилучшим способом действий. Проблема Америки в том, что несмотря на то, что ее мощь несравнимо превосходит мощь любого государства или религиозной группы в данном регионе, она по внутренним причинам не может быть мобилизована в масштабах, достаточных для того, чтобы навязать свою волю на всем Ближнем Востоке и за его пределами.

Я уже писал о регионе, простирающемся от Суэца до Синьцзяна, как о новых Глобальных Балканах, как о геополитически важном пространстве с интенсивными этническими и религиозными противоречиями и насилием, возникающими вследствие политического возмущения против внешнего господства, особенно если оно навязывается посредством военной силы и к тому же обществами, чуждыми в религиозном и культурном отношении. Этот регион имеет притягательную силу для крупных держав. Учитывая, что население Глобальных Балкан составляет около 500 миллионов и что конфликты на Ближнем Востоке разжигают политические страсти во всем регионе, Соединенным Штатам пришлось бы провести всеобщую национальную мобилизацию, чтобы они могли одержать победу только благодаря своей военной мощи.

Короче говоря, Соединенные Штаты сталкиваются здесь, но в гораздо большем масштабе – с той же проблемой, что и Израиль во взаимоотношениях со своими арабскими соседями каждому не хватает средств, чтобы навязать прочное одностороннее решение, всецело отвечающее их собственным целям и интересам. Британцы мудро поняли это и ушли с Ближнего Востока, не вступив в затяжной конфликт; французы пришли к такому решению только после затянувшейся и изматывающей войны в Алжире. Америка неохотно усваивает тот же самый урок посредством своей вовлеченности в Ираке и Афганистане, а потенциально повсюду в случае, если эти два конфликта распространятся по всему региону.

Мнение, что решение проблемы, с которой здесь сталкивается Америка, заключается в том, чтобы ускорить становление в этом регионе демократии, является также неправильным. Демократия исторически утверждала себя в ходе длительного процесса утверждения прав человека, сначала в сфере экономики, затем и политики, сначала среди некоторых привилегированных классов, а затем и в более широком масштабе.

Этот процесс, в свою очередь, влечет за собой поступательное движение – возникновение власти закона и постепенное утверждение правового, а затем и конституционного верховенства по отношению к структурам власти. В этом контексте введение свободных выборов шаг за шагом ведет к возникновению системы управления, основанной на фундаментальных понятиях компромисса и взаимоприспособления, с правилами игры, которые уважаются политическими оппонентами, не рассматривающими их состязательность как игру с нулевой суммой.

В отличие от такого развития, быстрое внедрение демократии в традиционных обществах, не готовых к последовательному расширению гражданских прав и постепенному возникновению власти закона, вызывает острые конфликты с появлением непримиримых экстремистов и актами насилия. Именно так – вследствие политической близорукости американских попыток способствовать введению демократии – и произошло не только в Ираке, но и в Палестине, Египте и Саудовской Аравии. Результатом их стало не упрочение стабильности, а усиление социальной напряженности. В лучшем случае такие усилия могли привести к пылкому, но нетерпеливому популизму, внешне демократическому, но фактически означавшему тиранию большинства.

Глобальные Балканы

Простираясь от Суэцкого канала в Египте до Синьцзяна в Китае, от Северного Казахстана до Аравийского моря, сегодняшние Глобальные Балканы являются зеркалом традиционных Балкан XIX и XX столетий именно потому, что им

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org свойственна внутренняя нестабильность, а их геополитическая значимость служит причиной иностранного соперничества. Современные Балканы, как они показаны на схеме, имеют население около 500 миллионов человек и характеризуются внутренней нестабильностью, возникающей как следствие этнической и религиозной напряженности, бедности и авторитарных правительств. В этнический конфликт внутри Глобальных Балкан вовлечены 5,5 миллиона евреев Израиля и 5 миллионов палестинских арабов; 25 миллионов курдов и разделяющие их государства – Турция, Ирак и Сирия, а также Индия и Пакистан, ведущие спор о Кашмире, наряду с многочисленными и потенциально острыми конфликтами этнических меньшинств в Иране и Пакистане. Религиозные конфликты имеют место между мусульманами и индусами, шиитами и суннитами и рядом других конфессий. В 2005 году безработица среди экономически активного населения составляла 50 процентов в Газе, 40 – в Афганистане, 25 – в Ираке, 20 – на Западном берегу р. Иордан и 18 процентов в Кыргызстане.

Невозможно полностью избавиться от подозрения, что большинство пылких адвокатов «демократии» на Ближнем Востоке знают об этом, но видят в продвижении дела демократии удобное средство для того, чтобы в будущем прибегнуть к силе. Демократия становится подрывным орудием, дестабилизирующим статус-кво, она ведет к вооруженной интервенции, которую в дальнейшем оправдывают тем, что демократический эксперимент провалился и экстремизм, вызванный таким провалом узаконивает одностороннее применение грубой силы.

Три основные описанные выше концепции должны были бы заставить американцев серьезно подумать о долгосрочных последствиях расширения американского военного вовлечения на Глобальных Балканах. То, что уже случилось в Ираке, и растущие проблемы, с которыми сталкивается Израиль, продолжая ошибочно руководствоваться подобными идеями в отношении соседних стран, предвещают также трудности, которые могут создать серьезную угрозу глобальному статусу Америки. Глобальные Балканы могут стать болотом, из которого Америка будет не в состоянии выбраться.

В то время как исламский мир все больше захлестывают антиамериканские страсти, другие государства, которые считают себя конкурентами Америки, будут испытывать искушение воспользоваться неправильно избранными Америкой направлениями в ее политике. Возникающее партнерство между Китаем и Россией по ряду международных вопросов подсказывает, что такой риск не является делом отдаленного будущего. Производители нефти в районе Персидского залива в поисках политической стабильности и надежных потребителей могут все более испытывать притяжение со стороны Китая. Не уподобляясь Америке Буша, Китай предпочитает делать упор на политическую стабильность, а не на демократию и может стать надежным источником чувства уверенности. Политический сдвиг на Ближнем Востоке от Америки к Китаю мог бы поколебать связи Европы с Америкой, создавая тем самым угрозу главенству Атлантического сообщества.

Поэтому есть срочная необходимость в том, чтобы Америка перестала рассматривать «центральный фронт» как своего рода уникальное историческое призвание, а начала видеть в нем урок, из которого следует необходимость фундаментальной ревизии ее подхода к проблемам Ближнего Востока. Иракская война во всех ее аспектах превратилась в бедствие – и в том, как было принято решение о ее начале, и в том, какую внешнюю поддержку она получила и как она велась. Она уже засвидетельствовала президентство Буша как историческую неудачу.

Даже если бы война каким-то образом была бы окончена до ухода президента Буша, исправление его исторического наследия потребует огромных усилий и займет много времени. Возможно, единственный извиняющий аспект этой войны состоит в том, что она сделала Ирак кладбищем неоконсервативных мечтаний. Будь она более успешной, Америка уже сегодня могла бы оказаться в состоянии войны с Сирией и Ираном, следуя политике, которая побуждается скорее манихейскими представлениями и сомнительной мотивацией, чем трезвым пониманием ее национальных интересов.

И остальной мир

В самом начале второго президентского срока Буша Кондолиза Райс оставила

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org пост советника по национальной безопасности и стала государственным секретарем. В своем интервью она заявила: «Когда я смотрю на то, что происходит сегодня, я понимаю, что во всем этом нет ничего похожего на крупный системный замысел». Но заявив ранее, что в ответ на недостаточную международную поддержку своему рискованному предприятию в Ираке Америка должна будет «наказать Францию, игнорировать Германию и простить Россию», ближайший советник президента по внешней политике тем самым выразила свое презрение и к системности внешней политики, и к системе коллективного принятия решений союзниками. Эта точка зрения была доминирующей в течение первого президентского срока Буша.

Ко времени перехода из Белого дома в Государственный департамент Райс перестала быть младшей среди старших государственных деятелей. Четыре года работы с президентом, ставшим более самоуверенным и убежденным в своей особой миссии, постепенно повысили ее статус. Более того, назначение на пост государственного секретаря переместило ее из доктринерского окружения Белого дома в министерство, в котором было широко распространено убеждение, что ни война в одиночку в Ираке, ни возведение односторонних действий в моральную добродетель не являются продуктивными.

Но прежде чем необходимость переосмысления была осознана, политика администрации в отношении остального мира (которому президент уделял значительно меньше внимания, чем Ираку) металась от одного лозунга к другому без четко поставленной цели и стратегии. Отсутствие таковых было очевидным в политике США в отношении израильско-палестинского конфликта, России и Китая, возрастающего риска распространения ядерного оружия, а также из-за по сути дела полного отсутствия заинтересованности в поддержании мира, проблемах глобальной безопасности и экологии. Все эти вопросы оказались отодвинутыми из-за того, что время, усилия, работа с общественным мнением и во жизненные силы президента были сконцентрированы исключительно (или по крайней мере в основном) на одном предприятии, отмеченном его личным замыслом.

Глобальная политика США, таким образом, оказалась перекошенной и лишена динамики. Приоритеты Буша должны были измениться, даже если он не стремился к этому сознательно Главной задачей американской дипломатии стало обеспечение международной военной поддержки кампании в Ираке, включая самые далекие страны, почти на символическом уровне, скажем всего лишь в виде одного взвода. Достижение – в основном надуманной – «добровольной коалиции» требовало энергии, соответствующего механизма и финансовых стимулов. В отличие от войны в Заливе 1991 года, военная кампания 2003-го велась практически в одиночку и была односторонним американским начинанием. За исключением Великобритании, военное участие других стран свелось к минимуму, хотя Белый дом опрометчиво заявлял в пресс-релизе в марте 2003 года о том, что 49 государств приняли решение участвовать в коалиции, «которая уже начала военные операции, чтобы лишить Ирак оружия массового поражения». Реальные факты свидетельствовали как раз о противоположном и выглядели поразительным контрастом по сравнению с войной в Заливе 1991 года. В той войне имело место существенное присутствие войск ряда арабских стран, а также Пакистана, что помогло придать легитимность вторжению в мусульманском мире (сравните рис. 140 и 64).

Помимо дестабилизации положения на Ближнем Востоке иракская война имела и более важные последствия. Успех или поражение американской политики на Ближнем Востоке стали теперь испытанием американского глобального лидерства. Во время холодной войны ведущая роль Америки в свободном мире зависела от положения на «центральной фронте» борьбы в самой Европе. И окончательная победа Америки была одержана именно здесь. Вторжение Америки в Ирак превратило мучительный кризис на Ближнем Востоке, продолжавшийся при Рейгане, Буше и Клинтоне, из хронической проблемы в жесткую дилемму: победить или потерпеть поражение. Потеря Соединенными Штатами их доминирующей роли в регионе имела бы катастрофические последствия для политики Америки в Европе и на Дальнем Востоке. Ни трансатлантические союзники Америки, ни Китай и/или Япония не остались бы безразличными, если бы политика Америки на Ближнем Востоке подхлестывала крайне радикализированный, явно антиамериканский сдвиг, ведущий к затяжному асимметричному противоборству алжирского типа против Америки и ее клиента в регионе – Израиля. Государства Ближнего Востока, особенно экспортеры нефти, должны были бы предпринять какие-то действия, искать новые области для приложения своих капиталов, терпеливо добиваться защиты со стороны таких поднимающихся держав, как Китай, чтобы выжить в столь бурной обстановке.

События 11 сентября привели не только к Багдаду. Они также заставили Буша фундаментальным образом изменить политику США в затянувшемся, трагическом и все более жестоким израильско-палестинском конфликте. Пристрастное отношение Клинтона к Израилю – эмоциональное, но неубедительное с геополитической точки зрения перешло в открытое солидаризирование с его подходом, а именно в стремление взять за основу окончательного урегулирования односторонне толкуемые как «свершившиеся факты». Такие «факты» быстро повлекли за собой: американо-израильский сговор относительно вытеснения палестинского лидера Ясира Арафата с политической сцены, потому что он рассматривался как препятствие для американо-израильской политики; применение израильцами постоянного физического давления на палестинцев; безразличное отношение США к продолжающемуся расширению поселений на Западном берегу; и превентивное применение силы для физического устранения намеченных лиц, невзирая на жертвы и «косвенный ущерб» в ответ на палестинские акты террористического произвола.

Один из таких актов разрушил инициативу, которая могла бы повести к конструктивному прорыву в израильско-арабских отношениях. В середине февраля 2002 года члены Лиги арабских государств по внушению саудовского принца Абдаллы предложили в полном объеме установить с Израилем дипломатические отношения и нормальные торговые связи, а также предоставить гарантии безопасности в обмен на мир, основанный на взаимном признании израильской и палестинской сторонами границ, существовавших в июне 1967 года. Буквально через несколько дней перспектива даже самого обсуждения этого предложения была пущена под откос кровавым актом против израильских граждан, совершенным террористом-смертником. Это, в свою очередь, побудило премьер-министра Шарона провести акт возмездия против всей Палестинской автономии путем широкой военной операции на Западном берегу. Палестинская автономия перестала функционировать, а Арафат оказался под домашним арестом (и оставался в этом положении до тех пор, пока не был переведен в госпиталь, где и скончался). Президент Буш оказал полную поддержку действиям израильцев, и это по существу означало, что автономный палестинский партнер в переговорном процессе перестал существовать.

Военное участие во вторжении в Ирак, март 2003 года

Военное участие в послевоенном умиротворении, август 2006 года

Подготовил Бретт Эдкинс

Взамен этого американо-израильского политического альянса, основанного на убежденности, что мир в конце концов наступит, когда более слабая сторона осознает, что у нее нет иного выбора. Соединенные Штаты получили согласие Израиля на возможное в будущем решение на основе двухгосударственной формулы, предусматривающее сосуществование Израиля с новым палестинским государством. Это предложение официально было сделано Бушем в его выступлении в розарии Белого дома в июне 2002 года, хотя американская сторона воздерживалась от того, чтобы занять четкую позицию по таким трудным вопросам, как подлинное территориальное урегулирование и разделение Иерусалима. В качестве даты осуществления этого плана был назван 2005 год, но его параметры в соответствии с предпочтением Израиля сознательно остаются туманными.

Вскоре всему региону стало ясно, что совместное определение политической линии США дуэтом Буша-Шарона – это всего лишь игра, рассчитанная на выигрыш времени. После того как Буш провозгласил Шарона «человеком мира», следующие несколько лет прошли под знаком вялых американских мирных инициатив, террористических убийств, периодически совершаемых разочарованными палестинцами, смертоносных акций возмездия разъяренных израильцев, продолжающейся радикализации палестинцев и расширения израильских поселений. Через год после начала войны в Ираке план создания палестинского

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org государства к 2005 году был сведен к тому, что Соединенные Штаты одобрили предложение премьер-министра Шарона, сделанное в апреле 2004 года, об одностороннем уходе Израиля из сектора Газа. Президент Буш с энтузиазмом поддержал его как дающее «палестинцам шанс создать реформированное, справедливое и свободное правление», уже без всякого упоминания о сроках создания палестинского государства.

Зеленый свет, зажженный Бушем, означал, что пока это государство не будет создано, израильтяне смогут создать больше «свершившихся фактов», которые будут определять характер окончательного урегулирования. Одностороннее решение о строительстве массивной стены вдоль всей линии израильско-палестинской границы, проходящей главным образом с палестинской стороны на некотором расстоянии от линии 1967 года, стало одним из решающих фактов. Давая согласие на это и на продолжение строительства поселений, Соединенные Штаты отказались от подлинно посреднической роли в конфликте, который вместе с войной в Ираке продолжал формировать политическое отношение к Соединенным Штатам со стороны политически активизировавшегося населения региона.

При Буше политика США на Ближнем Востоке в целом стала, таким образом, стратегически направленной против самих себя. Она не только игнорировала факт, что предоставленные себе израильтяне и палестинцы никогда не смогут решить сами своих разногласий; она игнорировала и то, что Израиль, насколько бы его военная мощь ни превосходила мощь его соседей, никогда не будет в состоянии навязать прочное урегулирование, опираясь только на силу. Такое урегулирование не может быть принято, оно вызовет возмущение и будет провоцировать периодическое насилие. И все это будет идти в ущерб американским интересам в регионе.

Превращение Соединенных Штатов из посредника между израильтянами и арабами в сторонника Израиля имело парадоксальный эффект; оно снизило способность США оказывать решающее влияние на развитие событий (то есть на достижение мира) или же укреплять в долговременном плане безопасность Израиля. Напротив, Соединенные Штаты просто еще сильнее втягивались в дела региона, который все более радикализируется, и по мере этого обозначаются пределы американской военной мощи. Израиль, между тем, поощряется в своем упорстве продолжать строительство поселений в момент, когда его намерение полагаться на силу лишь увеличивает число арабов, готовых умирать в затяжном историческом конфликте с Израилем.

К 2006 году даже для администрации Буша должно было быть ясно, что ни Соединенные Штаты, ни Израиль ни в одиночку, ни вместе не имеют силы сокрушить и переделать Ближний Восток полностью так, как им этого хотелось бы. Регион этот слишком велик, его народы все менее и менее запуганы и все более и более охвачены ненавистью, гневом и отчаянием. Все больше людей готовы участвовать в организованном сопротивлении или безрассудном терроре. И чем больше Соединенные Штаты и Израиль реагируют на это расширением и повышением уровня своих встречных насильственных мер, тем глубже они будут вовлечены в продолжительную и ширящуюся войну.

Эта ошибочная позиция США чревата двумя опасностями долгосрочного характера. Во-первых, Соединенные Штаты в конечном счете потеряют всех своих арабских друзей, а вместе с этим и способность оказывать на них влияние, в результате чего все намерения и цели Соединенных Штатов на Ближнем Востоке будут политически отторгнуты. Во-вторых, Израиль окажется втянутым в продолжительное асимметричное военное противоборство, сводящее на нет его технологическое военное преимущество и подвергающее его смертельному риску.

Более того, учитывая внутренние политические реалии Америки, такого рода риски подталкивают США к увеличению военного участия в регионе, чтобы иметь возможность в дальнейшем сдерживать более далекие угрозы, возникающие для Израиля. В течение 90-х годов нормативное законодательство Конгресса вводило эмбарго на американские сделки с Ираном. При Буше антагонизм в отношении Ирана еще более усилился, и сам Иран был объявлен одним из основателей «оси зла», государством, играющим роль главного спонсора терроризма и представляющим собой потенциально смертельную угрозу не только для Израиля (несмотря на наличие у того секретного ядерного арсенала), но даже для самих США, вооруженных десятками тысяч единиц ядерного оружия и располагающих множеством средств его доставки.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Введенный нами самими запрет на серьезные сделки с Тегераном вскоре после падения Багдада привел к резко отрицательной реакции Соединенных Штатов на иранский зондаж относительно возможности широкого диалога, охватывающего как вопросы безопасности, так и экономические вопросы, включая проблему ядерных гарантий и даже решения на основе двухгосударственной формулы израильско-палестинского конфликта. В конце 2001 года этому зондажу предшествовали удивительно полезные усилия Ирана по консолидации афганского правительства после того, как Соединенные Штаты лишили власти режим талибов.

Общий эффект политики (или скорее позиции), основанный на остракизме, должен был усилить фундаменталистские элементы в иранском правлении, в то время как Иран продолжал последовательно и втайне осуществлять ядерную программу, которая была в лучшем случае двусмысленной. Хотя иранцы и горячо заверяли, что их целью не является приобретение ядерного оружия, значительное продвижение программы в течение примерно прошедшего десятилетия дает Ирану возможность приобрести такое оружие. Риторические осуждения Буша и его попытки изолировать Иран мало способствовали прояснению ситуации или созданию основы для ее эффективного рассмотрения.

В конце весны 2006 года Соединенным Штатам пришлось наконец занять другую позицию под воздействием двух внешних факторов: понимания того, что дорогостоящая война в Ираке делает применение силы против Ирана менее привлекательным выбором, и растущего осознания бесплодности американских попыток, предпринятых в основном в одиночку при Клинтоне и Буше, справиться с подобной же ядерной проблемой, созданной Северной Кореей. В последнем случае к началу 2004 года Соединенные Штаты обнаружили, что были вынуждены под давлением стран региона существенно изменить свой подход. Ни Китай, ни Россия не были готовы следовать за Америкой в применении жесткого международного остракизма к Северной Корее. Таким образом, стало ясно, что только многосторонние региональные усилия побудить северных корейцев к самоограничению дают надежду на достижение приемлемого решения. Переговоры с участием шести стран, начавшиеся официально в 2004 году, в составе Соединенных Штатов, Китайской Народной Республики, Японии, Российской Федерации, Южной Кореи и Северной Кореи, были убедительным подтверждением того, что безопасность Дальнего Востока требует той или иной формы согласованных международных действий.

Та же самая логика, но воспринятая гораздо более неохотно в Белом доме Буша, наконец возобладала и в отношении Ирана. Решение прозондировать возможность переговоров с Ираном рассматривалось как предательство неоконсервативными фанатиками администрации, которые надеялись на прямую военную акцию со стороны США, чтобы уничтожить основные ядерные объекты Ирана или даже «изменить режим в стране». Военные ограничения (результат влияния на вооруженные силы США неудачной иракской войны) и политические соображения, а именно возражения со стороны Европейского Союза и России против применения Америкой силы, вынудили принять решение изучить возможность серьезных переговоров, основанных как на заманчивых предложениях, так и на применении санкций. Тем не менее, сохраняющаяся нестабильность на Ближнем Востоке означает, что более воинственный вариант все-таки может возникнуть в случае дальнейшего развития кризиса. Из-за внезапного столкновения между Израилем и Ираном или просто иранского упорства и грубого просчета могли бы вспыхнуть страсти, толкающие к односторонним действиям со стороны США.

Но иранская проблема показала, что даже администрация Буша не могла до бесконечности уклоняться от необходимости проведения реально обоснованной политики. Пять лет «создания других новых реальностей» оказались значительно более дорогими и во внутреннем, и во внешнем отношении, чем президент и его советники могли ожидать. Мучительная для администрации ситуация, которая возникла в Ираке, оказала сильное давление в пользу согласованного урегулирования, восстановления трансатлантического взаимоуважения и более тесного стратегического сотрудничества. При активных выступлениях за поиск какого-либо компромисса с Тегераном не только Великобритания, Германия и Франция, но и Россия и Китая иранский вопрос стал катализатором для потенциально весьма существенного изменения нашей стратегии, хотя и без особого на то желания.

«Основанные на реальности» урегулирования стали необходимы и в отношениях США с Россией и Китаем. Хотя в октябре 2004 года Кондолиза Райс, в то время советник по национальной безопасности Буша, в интервью ведущей американской

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org газете и заявила, не забывая о собственных интересах, что при Буше Соединенные Штаты достигли «наилучших отношений с Россией, чем любая другая администрация США», а также «наилучших отношений с Китаем, чем когда-либо имела другая американская администрация», ни в том, ни в другом случае отношения не были столь тесными, как в недавнем прошлом. Более того, стратегические отношения между Россией и Китаем становились более близкими, чем отношения любой из этих стран с Соединенными Штатами.

Развитие отношения между США и Россией началось с не обычного старта вскоре после первой инаугурации Буша. В середине 2001 года новый президент совершил поездку в Европу в ходе которой в столице Словении у него состоялась короткая встреча с новым президентом России Владимиром Путиным, бывшим полковником КГБ. Встреча продолжалась 90 минут. Поскольку половину этого времени занял официальный перевод, это значит, что каждая из сторон высказывалась немного более двадцати минут. После встречи президент сообщил изумленным представителям мировой прессы, что «я посмотрел этому человеку в глаза. И мне удалось почувствовать его душу». Короче говоря, ни история, ни геополитика, ни жизненные ценности не имели значения, а имели значение личные отношения, во многом похожие на те, которые были между Клинтон и Ельциным.

В течение нескольких следующих лет Россия последовательно отходила от хаотического прыжка в демократию, который она совершила в начале 90-х годов. Хотя этот политический регресс и соответствовал публично заявленной Путиным точке зрения, что «распад Советского Союза был величайшей геополитической катастрофой века», Буш не изменил его оценки Путина, несмотря на возрождение авторитарных тенденций. Принимая его в Кэмп-Дэвиде в 2003 году, Буш превозносил российского лидера за его «видение России как страны, живущей в мире в ее новых границах, с ее соседями и со всем миром, как страны, в которой процветает демократия, свобода и верховенство закона». Это было примерно четыре года спустя после того, как Путин начал жестокое подавление чеченцев, стоившее им тогда жизни двухсот тысяч человек.

То, что Россию следовало шаг за шагом включать в консультации по Ближнему Востоку и втягивать в конструктивные отношения с НАТО, то, что она получила согласие на вступление в ВТО и даже была включена в «Большую семерку» (которая таким образом стала «Большой восьмеркой»), имело практический смысл (то есть было политикой, «основанной на реальности»). Труднее находить оправдание политике, основанной на оценке души лидера, если такая оценка ведет к тому, чтобы не замечать участвовавших попыток России навязать свою волю нескольким новым независимым государствам, образовавшимся после распада Советского Союза (особенно Украине, Грузии и Молдове), и ее попечительства над Беларусью последней диктаторской автократией в Европе.

Еще больше опасений должно вызывать растущее стратегическое сближение России с Китаем, которое ни Буш, ни госсекретарь Райс, по-видимому, не заметили. После прихода Буша к власти отношения между Америкой и Китаем развивались несколько неустойчивым образом. Инцидент, возникший из-за столкновения американского разведывательного самолета, совершавшего облет вблизи побережья Китая, и китайского истребителя-перехватчика, вызвал короткий взрыв напряженности. После вынужденного приземления поврежденного американского самолета (китайский истребитель упал в море, а его пилот погиб) его команда на короткое время была арестована, и правительства обеих стран обменивались обвинениями и контробвинениями. Инцидент, однако, был приглушен, команда освобождена, и вопрос вскоре был исчерпан, хотя Соединенные Штаты были вынуждены принести извинения.

Вслед за этим кислым началом последовали сравнительно нормальные отношения, ранее поддерживавшиеся администрацией Клинтона, пока они не подверглись испытанию неоконсервативной инициативой, направленной на укрепление неофициальных, но глубоких связей Америки с Тайванем. Особую активность проявило министерство обороны в лице заместителя министра, выступавшего за то, чтобы не только повысить оборонные возможности Тайваня, но также вступить в почти официальный диалог с военными представителями Тайваня относительно обеспечения безопасности в непосредственной близости от Китая. (Это противоречило позиции Пекина, рассматривавшего Тайвань как часть «одного Китая», признанной ранее республиканской и демократической администрациями.) Делу не помогли и интенсивные усилия тайваньских представителей, подстрекаемых их американскими сторонниками как в самой администрации, так и вне ее к тому, чтобы сделать шаг в сторону

Однако стрелки часов нельзя было повернуть вспять, и «презренная реальность» снова продиктовала необходимость урегулирования. В дальнейшем состоялся обмен мнениями на высшем уровне. Быстро расширяющиеся экономические связи Америки с Китаем и возрастающая роль Китая в Восточной Азии и в глобальной экономике побудили администрацию в конце 2001 года выступить за принятие Китая в ВТО. Вслед за тем Китай стал и главным игроком в шестисторонних переговорах с Северной Кореей, демонстрируя свое возвышение в качестве одной из великих держав мира. Вскоре Китай стал также и ключевым участником дискуссий, ведущихся между США, Великобританией, Францией, Германией и Россией по вопросу о риске, связанном с ядерной программой Ирана.

Но все же даже успех администрации Буша в поддержании американо-китайских отношений не должен затенять факта, что к середине президентства Буша внешнеполитические курсы Китая и России по самым актуальным вопросам были ближе друг к другу, чем каждого из них к американской политике. Интересы Китая и России по самым актуальным вопросам ближе друг к другу, чем каждого из них к американской политике. Если взять в целом Северную Корею, Иран, Ближний Восток и Центральную Азию, то интересы Китая и России стали более совместимыми. Оба режима с неприязнью наблюдают за воинствующим поощрением Америкой выборной демократии. Каждый из них видит в таком развитии явную угрозу его собственной политической стабильности. Между Владимиром Путиным и Ху Цзинтао возникло чувство личного родства, корни которого в одинаково холодных, но эффективных стилях бюрократического руководства.

Стоит отметить, что в случае с Китаем давнее историческое чувство обиды могло быть усилено вследствие личной чувствительности, затронутой совершенно нелепым отношением администрации Буша к визиту президента Ху Цзинтао в Вашингтон в конце весны 2006 года. Белый дом отказался дать официальный обед в его честь; на церемонии по прибытии в Белый дом национальный гимн Китая был объявлен как гимн Республики Китая (так называет себя Тайвань); официальная речь Ху в ответ на оказанный ему прием прерывалась криками и репликами, и службе безопасности Белого дома потребовалось некоторое время, чтобы удалить крикунов. Поздно вечером у Блэр-хаус, где остановился Ху, была разрешена демонстрация протеста, сопровождавшаяся криками; во время неофициального обеда, который был дан в городе, не предусматривалось традиционного исполнения национальных гимнов и церемонии «внесения знамени». Учитывая, что вопросы формы имеют особое значение в китайской культуре, эти знаки неуважения делу не помогли.

Во всяком случае, возрастающая роль Китая в мире и процесс восстановления России создают новый элемент в геополитической расстановке сил, не направленной открыто против Соединенных Штатов, как прежний китайско-советский альянс, но вызванный к жизни совпадающими региональными интересами, а также общим желанием (открыто не провозглашенным) подрезать распростертые крылья Америки. Китайцы, не поднимая шума, развивают сотрудничество в ведомом Китаем азиатском сообществе, в котором Соединенные Штаты в лучшем случае могли бы играть вторую роль, а Китай и Россия тайно договариваются о том, чтобы снизить военное присутствие в Центральной Азии, которое создала Америка в связи со своим вхождением в Афганистан после 11 сентября. Китайское политическое и экономическое влияние ощущается и на Ближнем Востоке, и в Африке, развиваются и экономические отношения между Китаем и Бразилией.

Между тем Россия расширяет свои политические и военные связи с Венесуэлой, стараясь в то же время уменьшить влияние Америки на бывшем советском пространстве. Возрастающая зависимость от российских источников энергии также создает риск для атлантической солидарности. Так, проект трубопровода Северная Европа – Балтика между Россией и Германией усилил страхи в Литве и Польше из-за возрастающей уязвимости перед лицом российского энергетического шантажа.

Способность Америки привлечь Китай или Россию к долговременной поддержке усилий, направленных на ограничение ядерных программ Северной Кореи и Ирана, была также подорвана односторонним решением администрации Буша (мотивируемым главным образом ее желанием учредить коалицию для борьбы с исламским террором) отказаться от противодействия индийской программе овладения ядерным оружием. Обращает на себя внимание то, что Соединенные Штаты достигли такого соглашения с Индией без принятия ею требования

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Договора о нераспространении ядерного оружия, которое было признано пятью ядерными державами (Америкой, Россией, Великобританией, Китаем и Францией), – подписать договор о запрещении всех ядерных испытаний и прекратить производство плутония и высокообогащенного урана для ядерного оружия. (Китай официально не принял второе из этих условий.)

Решение укрепить американо-индийское стратегическое партнерство на условиях, способствующих расширению ядерного арсенала Индии, должно было стать особенно неприемлемым для Китая, который до того времени исходил из концепции минимального стратегического средства устрашения. Значительное увеличение ядерного арсенала Индии могло только побудить Пекин отказаться от стратегического самоограничения Этот шаг США, без сомнения, также делал Пекин менее склонным откликнуться на призыв Америки в отношении позиции по Северной Корее и Ирану.

Неравный и своевольный подход Америки к ядерной проблеме, по-видимому, усиливал стремление Китая к перестройке структуры международных отношений. С ростом его авторитета Китай все больше видит себя в роли одного из главных глобальных игроков, который не желает быть связанным правилами игры, придуманными в основном в эпоху верховенства Америки. Следуя политике мира, Китай стал более открыто выражать намерение по-новому подойти к сложившемуся механизму между народного урегулирования. Как писал ведущий китайский журнал по вопросам внешней политики, Китай должен «проявить инициативу и принять активное участие в реформе и перестройке международной системы, с тем чтобы она полнее отражала интересы и требования Китая. В противном случае он будет вынужден либо выйти из такой международной системы, либо согласиться на контроль других, либо ему придется бросить вызов системе “fait accompli”» [7 – fait accompli (франц.) – свершившийся факт.] .

Осторожно, но настойчиво стремясь повысить свою международную роль, Пекин, выходя за пределы Восточной Азии, по всей вероятности, делает своей следующей целью Ближний Восток. Чтобы здесь обеспечить себе достойное место, Китай подчеркивает, что он может стать надежным потребителем нефти, конкурентоспособным поставщиком потребительских товаров, а также вооружений и дружественным политическим партнером. В отличие от США в последние годы Китай не третирует авторитарных правителей и не допускает высокомерного отношения к религии и культуре других народов. Арабы вряд ли могут услышать от Китая заявления в менторском тоне, ставшем торговой маркой внешнеполитических деклараций администрации Буша. Если политика США в отношении этого региона, которая проводится после 11 сентября, не будет пересмотрена, нетрудно представить себе, что Китай приобретет здесь доминирующее влияние.

Долговременным интересам Америки также вредит то, что и американском лидерстве недостает внимания к проблемам общественного блага в их глобальном масштабе. В период с 2001 по 2006 год, когда развертывалась гуманитарная трагедия в Дарфуре, отношение США к этим событиям было в основном безразличным. США не только отвернулись от Международного уголовного суда, видя в нем угрозу своему суверенитету, но и использовали свои политические рычаги, чтобы добиться от дружественных стран специального статуса для американского военного персонала, исключающего возможность применения в отношении него санкций. Киотский протокол стал козлом отпущения для скептиков из Белого дома, не верящих в глобальное потепление, хотя большая часть американской общественности разделяет отвращение администрации к этому вопросу. Как показали результаты международного опроса, проведенного среди тех, кто слышал о глобальном потеплении, только 19 процентов американцев заявили, что серьезно обеспокоены проблемой, но сравнении с 46 процентами во Франции, 66 процентами в Японии, 65 процентами в Индии и 34 процентами в России. При столь безразличном отношении, поощряемом официальным скептицизмом, неудивительно, что серьезное сравнительное исследование Йельского и Колумбийского университетов, подготовленное в начале 2006 года Всемирным экономическим форумом, поместило Соединенные Штаты позади большинства передовых стран по степени внимания, уделяемого проблемам защиты окружающей среды.

В период президентства Буша переговоры о ВТО, проводившиеся в продолжение «раунда Дохи», оказались в тупике из-за столкновения американской и европейской точек зрения по вопросу сельскохозяйственных субсидий, ставшему препятствием для более широкого глобального урегулирования вопросов

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org торговли, безотлагательное решение которых крайне необходимо для наиболее бедных и зависимых от сельского хозяйства стран. Еще в 2001 году наиболее богатые страны мира обещали, что «раунд Дохи» будет «раундом развития», непосредственно нацеленным на исправление неравенств, возникших в прошлом, и создание новых возможностей для более бедных стран. При явной недостаточности американского лидерства и из-за перебранок между США и Европейским Союзом о либерализации в аграрном секторе это обещание стало походить на линию горизонта, которая отодвигается по мере продвижения к ней. (Между тем, и Соединенные Штаты, и Европейский Союз, так же как и Япония, выделяют огромные субсидии своим фермерам: в 2005 году США предоставили им 43 миллиарда долларов, Япония – 47 миллиардов, а Европейский Союз 134 миллиарда.) Более того, узкие эгоистические интересы сделали американцев и европейцев безразличными к проблеме незащищенности нарождающейся промышленности более бедных стран от конкуренции передовых.

И последнее по порядку, но не по значению: Соединенные Штаты просто не выполнили свои обязательства, взятые ими в 2002-м в Монтеррее, «предпринять конкретные усилия, чтобы существенно повысить уровень помощи, оказываемой развитию». В то же время Соединенные Штаты держат под крепким контролем Всемирный банк на том основании, что являются его крупнейшим донором, и весьма сдержанно отнеслись к программе ООН «Тысячелетне развития», ставящей целью снижение глобальной нищеты, голода и болезней. Несмотря на официальную риторику о «сострадании». Соединенные Штаты, исходя из определения размера экономической помощи по уровню дохода на душу населения, остаются одним из наименее щедрых доноров для беднейших стран мира. (Мало утешает и то, что богатая нефтью Россия в этом отношении выглядит еще хуже. С другой стороны, активность Китая, наоборот, возрастает.)

Учитывая все это, неудивительно, что глобальное отчуждение Америки и распространившиеся в мире сомнения в лидерстве Буша постоянно растут. Одно весьма знаменательное явление происходит совсем близко от нас: в Латинской Америке усиливается связь между развитием демократии и ростом антиамериканских настроений. В прошлом наиболее интенсивные проявления массового антиамериканизма в основном ограничивались странами с коммунистическим режимом кастровского типа или националистическим режимом церонистского типа. В последнее время, однако, массовая политическая активность и Латинской Америке приняла формы популистской демократии, а Соединенные Штаты стали мишенью для социального, экономического и политического недовольства. Две страны Латинской Америки с самым многочисленным населением уже открыто выражают свое возмущение американской политикой. Это Бразилия, недовольная тупиком «раунда Дохи», и Мексика, выступающая против иммиграционной политики США и обоюдострых последствий заключения Североамериканского соглашения о свободной торговле, особенно для сельского хозяйства Мексики. Скоро популистская инфекция может распространиться на Центральную Америку и все карибские государства.

Эти негативные международные тенденции еще более усиливаются из-за алармистского тона внутренних заявлений администрации Буша по поводу новых глобальных вызовов терроризма. Она решила нагнетать атмосферу всеобщего страха перед лицом неясной и непредсказуемой угрозы. В прошлом президенты Соединенных Штатов во времена национальной опасности стремились проявить твердую решимость и создать атмосферу уверенности. Так было после Перл-Харбора и в худшие моменты холодной войны, когда ядерное столкновение (сознательно начатое или возникшее вследствие технологического сбоя) могло в течение нескольких часов привести к гибели более 150 миллионов человек.

Современная угроза терроризма даже не приближается к такому уровню. И все же, столкнувшись с возможностью опасных, но единичных актов терроризма, Буш счел нужным объявить себя президентом «военного времени». Этот официальный шаг разжег в обществе тревогу и произвел на свет великое множество «экспертов» по терроризму, занимающихся апокалипсическими предсказаниями. Средства массовой информации состязались чуть ли не в ежедневном изобретении различных ужасных сценариев. В результате стойкость национального духа превратилась в одержимость страхом. С распространением настроений, свойственных осажденному гарнизону, Америка рискует превратиться в общество людей, боящихся выйти из дома, изолированных от всего мира. Национальная традиция гражданских прав и способность стать примером воодушевляющей уверенности в достоинствах демократии пошли на спад.

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
В качестве третьего глобального лидера Джордж У. Буш не понял исторического момента и всего за пять лет опасно подорвал геополитическое положение Америки. В поисках политики, основанной на иллюзии, что «мы теперь империя и, когда мы действуем, мы создаем нашу собственную реальность», Буш вверг Америку в состояние опасности. Европа все больше отчуждается от нас. Россия и Китай стали более уверенными и действуют более скоординированно. Азия отворачивается от нас и самоорганизуется, в то время как Япония спокойно размышляет о том, как лучше обеспечить свою безопасность. Латиноамериканская демократия становится популистской и антиамериканской. Ближний Восток раскалывается и находится на грани взрыва. Мир ислама разжигают поднимающиеся религиозные страсти и антиамериканский национализм. Опросы общественного мнения во всем мире показывают, что американская политика вызывает опасения и даже становится объектом презрения.

Отсюда вытекает, что следующий американский президент должен будет предпринимать монументальные усилия, чтобы восстановить легитимность Америки в качестве главного гаранта безопасности, и вновь направить Америку по общему пути, ведущему к решению социальных проблем мира, который уже политически пробудился и не поддается имперскому доминированию. Арнольд Тойнби в своем классическом исследовании истории отнес причины падения империй в конечном счете к «самоубийственному управлению государством» их лидерами. Спасительным шансом Америки может быть то, что в отличие от императоров президенты Америки, включая катастрофических неудачников, ограничены восьмью годами пребывания в должности.

6. После 2008-го

(и второй шанс Америки)

Каждый из трех глобальных лидеров сам определил свое предназначение: Буш Первый был полицейским, полагавшимся на силу и законность, чтобы сохранить традиционную стабильность; Клинтон был адвокатом социального благоденствия, рассчитывавшим использовать глобализацию для достижения прогресса; Буш Второй был человеком действия, воспользовавшимся возникшими в отечестве страхами, чтобы вести войну против сил зла, провозглашенную из-за возникших реальностей им самим.

Каждый президент, таким образом, по-своему исходил из побуждений американского народа, реакция которого увеличивала силы или слабости лидера. Каждый мог эффективно выступать в роли глобального лидера, только если его ощущение исторического момента совпадало с инстинктивным ощущением американского народа и если (хотя это очень трудно определить) его представление о глобальном вызове совпадало по духу и по сути с происходящими в мире политическими и социальными изменениями. Вывод, который следует из этого, является поэтому косвенной оценкой способности Америки осуществлять эффективное глобальное лидерство в течение длительного периода.

Более трех десятков лет назад выдающийся французский политолог и историк Раймон Арон в своей монументальной работе «Имперская республика» писал о роли Америки в мире:

«Национальные интересы Соединенных Штатов не будут располагать к себе или вызывать лояльные чувства до тех пор, пока они в целом не будут восприниматься как соответствующие международному порядку, порядку как силы, так и закона... Вполне разумно сожалеть о прошедшем времени, когда хладнокровная и аморальная дипломатия была лишь изощренным средством влияния и искусством управления. В XX столетии сила великой державы снижается, если она перестает служить идее (курсив наш)».

Последняя фраза имеет очень большое значение. Сегодня функция глобального лидерства требует глубокого понимания духа времени в условиях мира, насыщенного событиями, интерактивного, мотивируемого неясным, но все более общим ощущением преобладающей несправедливости в условиях жизни. Возрастающая интенсивность политических эмоций может быть либо направлена в

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
конструктивное русло, либо будет использована демагогами и фанатиками в глобальном огне конфликтов В эпоху, наступившую после окончания холодной войны, Америка может быть решающим фактором, определяющим, какая из этих двух тенденций возобладает. Поэтому пришло время, когда необходимо дать оценку, насколько удачно действовала сверх держава Америка на мировой сцене в период с 1990 года, руководимая ее тремя первыми глобальными лидерами.

Как Америка руководила?

Если ответить кратко, то – плохо. Несмотря на то, что по ряду параметров – таким, как военная сила, – американская мощь в 2006 году, вероятно, стала больше, чем в 1991-м, способность страны привести в действие, воодушевить, задать общее направление и таким образом формировать глобальные реальности значительно ослабла. Пятнадцать лет спустя после своей коронации в глобальные лидеры Америка становится одинокой, внушающей страх демократией в политически враждебном ей мире.

Основные геополитические тенденции, неблагоприятствующие Соединенным Штатам, 2006 год.

Усиление враждебности к Западу во всем мире ислама. Взрывоопасный Ближний Восток.

Доминирующий Иран в зоне Персидского залива.

Неустойчивый, имеющий ядерное оружие Пакистан.

Нелояльная и недовольная Европа.

Разобиженная Россия.

Китай, занятый организацией восточноазиатского сообщества.

Япония, более изолированная в Азии.

Популистская антиамериканская волна в Латинской Америке.

Развал режима нераспространения ядерного оружия.

Оглядываясь назад, следует признать, что действия Америки на трех главных направлениях ее глобального лидерства не достигли возможного. Ощущение небезопасности стало более всепроникающим, несмотря на то, что число происходящих в мире конфликтов после окончания холодной войны в действительности уменьшилось. Ядерные потенциалы появились еще у четырех стран – у двух совершенно явно, а у двух замаскированно. Прогресс в сфере социального благосостояния был ограниченным и случайным, а проблемы охраны окружающей среды не стали высокоприоритетными. Частично в результате всех этих неудач американское лидерство утратило во многом свою легитимность, доверие к американскому руководству во всем мире было подорвано и моральная позиция Америки стала неубедительной.

Если бы в начале 90-х годов мировое общественное мнение получило возможность выбрать одно государство в качестве наиболее желаемого организатора глобальной безопасности, то подавляющее большинство выбрало бы Америку. В 2006 году, безусловно, было бы иначе. Вина за это ложится на плечи трех президентов, руководивших первой глобальной сверхдержавой каждый по-своему. Первый не сумел воспользоваться возможностью, предоставившейся Америке, второй был слишком благодушен, пытаясь это делать, а третий превратил имевшуюся у него возможность в нанесенную им самим незаживающую рану, опрометчиво вызвав всеобщую враждебность по отношению к Америке.

Буш Первый правильно реагировал на опасный процесс распада Советского Союза, проявив искусство и дипломатическую тонкость. Главный недостаток его администрации заключался в том, что она не сумела придать какое-либо серьезное содержание столь часто используемому ею лозунгу «новый мировой порядок» в то время, когда вся мировая система была не только податливой, но и активно откликавшейся на политическое и моральное лидерство Америки.

Парадоксально, что Буш Первый потерпел неудачу в сфере, где он имел явное превосходство, – в силовой политике. Он допустил, что его главный успех – изгнание Саддама Хусейна из Кувейта в 1991 году, осуществленное с поразительной военной эффективностью и поддержанное искусно организованной им политической коалицией, включавшей арабские государства, оказался стратегически незавершенным. Эту победу нужно было использовать для прорыва возникшего ближневосточного тупика. Вместо этого израильско-палестинская вражда обострилась и нерешенные конфликты были унаследованы преемниками Буша несмотря на то, что регион в тот момент был восприимчив к решительной дипломатической инициативе, подкрепленной успешным применением силы. Ирак в состоянии раздоров был предоставлен самому себе. Поражение Саддама не было использовано для того, чтобы начать диалог с Ираном. Афганистан, только что освобожденный от советского вторжения, был вообще проигнорирован. В регионе продолжал распространяться антиамериканизм.

Клинтон, первоначально менее заинтересованный в мировых делах, заменил новый мировой порядок концепцией «необратимой» глобализации. Но утверждения о ее неизбежности удобно освобождали нового глобального лидера от обязательства создать целенаправленную стратегию и заниматься ее претворением в жизнь. Тем не менее он удачно преодолел две геополитические проблемы. После продолжительных колебаний в течение своего второго срока он приступил к расширению НАТО, прокладывая путь к последующему расширению Евросоюза, и постепенно организовал коллективную военную операцию на Балканах в ответ на происходившие там жестокие этнические чистки.

Однако в отсутствие более решительной стратегической определенности он поддался возобладавшему в то время «врагу сегодняшнего дня» – непостоянству, поощряемому различными группами давления, и лишь время от времени уделял внимание Ближнему Востоку. Его ответ на каждую из трех тлевших в регионе ситуаций был серьезно осложнен внутренними давлениями, оказывавшимися в Америке: иранская проблема была искусственно связана с Ливией законотворческой деятельностью Конгресса, предоставленный самому себе Ирак плыл по течению, а нерешенный израильско-палестинский конфликт после убийства премьер-министра Рабина находился в состоянии тупика.

Смерть Рабина была в Израиле сигналом для поворота вправо, который постепенно вел в Соединенных Штатах к союзу, быстро, как грибы после дождя, возникавшему между неоконсервативными группами давления и христианскими правыми. В ходе этого процесса позиция США, опять-таки под воздействием внутренних обстоятельств, особенно израильского лобби, сместилась от беспристрастного посредничества к поддержке Израиля в его желании затянуть окончательное урегулирование. В результате посредническая способность Америки значительно понизилась.

Клинтон унаследовал Америку без глобального соперника, но не использовал имевшуюся возможность создать более широкую основу для урегулирования, которое могло бы предотвратить некоторые нависающие опасности. Подход к проблеме распространения ядерного оружия также был нерешительным. Серьезная попытка заняться глобальными социальными проблемами означала бы для американского народа необходимость некоторого самоограничения, но собственные наклонности президента едва ли могли способствовать такому изменению настроения граждан. Страна вряд ли сознавала поднимающуюся во всем мире волну возмущения и возрастающего нетерпения в ожидании перемен, причиной которой она являлась.

При Буше Втором внешняя политика в течение шести месяцев находилась в дремотном состоянии, прежде чем была гальванизирована террористическим нападением 11 сентября. Мир сплотился вокруг Америки, предоставляя Вашингтону уникальную возможность выковать глобальную коалицию. Увы, внешняя политика, которую ковал президент, становилась откровенно односторонней («кто не с нами тот против нас»), демагогической, порожденной страхом и порождающей страх, политически эксплуатирующей лозунг «мы нация, ведущая войну». Это окончательно погрузило Америку в войну в одиночестве, выбор которой был сделан в Ираке.

Из-за одностороннего, самоуверенного курса внешней политики Буша после 11 сентября Статуя Свободы перестает быть символом Америки в глазах многих людей во всем мире, и этим символом становится концентрационный лагерь в Гуантанамо. Америка оправдывает свою войну в Ираке демагогией, которая подкрепляется сомнительными словесными утверждениями и сопровождается

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org дорогостоящими самообманами, усиливающими многие конфликты в регионе, несмотря на декларации, что все это ведет к рождению нового, более демократического Ближнего Востока. Американское общественное мнение, сначала горячо поддержавшее воинственную риторику президента, раскололось на противоположные группы по своим большей частью не очень ясным взглядам на будущее. Прошлые тревоги и опасения еще более усиливались.

Глобальное лидерство: отчетная карта президента

В связи с этим теперь уместно задать вопрос: а что вообще могло бы быть? Мог ли мир стать иным, если бы три глобальных лидера вели себя по-другому? Хотя историю невозможно перемотать, как ленту магнитофона, вдумчивое размышление, основанное на известных фактах, имеет свои плюсы.

Можно, например, считать, что в период, начавшийся после холодной войны, политика США упустила две великие исторические возможности. Первая, вина за которую должна быть поделена с другими, состоит в том, что не удалось извлечь выгоду из победы, одержанной в холодной войне, сформировать – или даже в некотором роде организационно оформить – Атлантическое сообщество с общим стратегическим видением глобальной перспективы. После 1991 года были моменты, когда обе части Атлантического сообщества были заняты общим делом: во время первой войны в Заливе, в период вмешательств НАТО в Боснии и Косово и в Афганистане после 11 сентября. В этих случаях предпринимались сознательные усилия к укреплению сотрудничества, и это обеспечивало успех.

Расширение НАТО и Европейского Союза создало оптимистическую историческую перспективу, которая могла бы более целенаправленно побуждать к трансатлантическому процессу принятия решений, нацеленных на поддержание мира и нераспространение ядерного оружия. Таким путем могла бы быть закреплена привычка выработать политику сообща и разделять бремя ее осуществления. То же самое можно сказать и о долговременных интересах Америки и Европы в совместном создании глобального экономического порядка, который становился бы все более восприимчивым к требованиям большего равенства и возможностей, выдвигаемых развивающимися странами.

Америка и Европа вместе могли бы навсегда стать решающей силой в мире. Действуя раздельно, и особенно споря друг с другом, они окажутся в тупике и вызовут беспорядки. В течение пятнадцати лет своего превосходства Соединенные Штаты, к сожалению, не предприняли согласованных усилий к тому, чтобы привлечь Европейский Союз к совместной попытке придать организованную форму глобальному сотрудничеству, осуществляя сообща более продуманное планирование и принятие решений в сфере внешней политики. Более того, в ряде случаев реакция США на процессы расширения и укрепления Европы указывала на беспокойство и даже страх, вызываемые тем, что Европа, руководимая совместно Германией и Францией, может не отвечать интересам Америки. Эти опасения побудили Вашингтон исподтишка поощрять Великобританию быть более «атлантической», чем «европейской». (Лондон с готовностью шел на это.)

По общему признанию, европейцы нуждались в американском побуждении соединить усилия в подлинном партнерстве. Стремление к политической интеграции быстро пошло на спад после введения евро, и в конечном счете результатом стал отказ принять предлагающуюся Европейскую конституцию. Франция почувствовала, что ее роль основоположника европейского единства принижена с появлением объединенной и политически целеустремленной Германии и поддалась искушению разыграть карту особых отношений Парижа с Москвой. В конце концов она возглавила движение за неприятие Европейской конституции, которую ранее она и продвигала.

Более сознательное сотрудничество между США и Евросоюзом могло бы получить развитие и по другим стратегическим направлениям. Попытка втянуть Россию в более тесные отношения с Атлантическим сообществом могла бы быть более успешной, если бы Соединенные Штаты и Европейский Союз проявили общее стремление к этому, лишая в то же время Россию иллюзий, вызываемых ее имперской ностальгией, в отношении новых независимых государств, образовавшихся на месте бывшего Советского Союза.

С обеих сторон позиция Запада была двусмысленной и разноречивой. Хотя было ясно, что Россия не готова к подлинному членству ни в Европейском Союзе, ни в НАТО, ей ни разу не дали почувствовать, что она могла бы иметь хотя бы

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org какие-то особые отношения с ключевыми институтами этих сообществ. И что еще хуже, западные союзники никогда не разъясняли Москве, что она рискует оказаться в изоляции, если избрет восстановление авторитаризма в качестве пути своего внутреннего развития и будет следовать неоимпериалистической тактике в отношении Молдовы, Украины и Грузии, не говоря уже о трагической проблеме Чечни. Вместо этого Россию постоянно восхваляли как новую демократию, а ее лидерам постоянно оказывалась поддержка.

Единая и подлинно скоординированная трансатлантическая политика могла бы также иметь своим результатом своевременный, более эффективный ответ на угрозу ядерного распространения, прежде всего со стороны Ирана, а тем временем и со стороны Индии и Пакистана. Прискорбно, что Соединенные Штаты были весьма избирательны в подходе к нераспространению, поддерживая или закрывая глаза на применение ядерного оружия их друзьями. В середине 2006 года международная комиссия, организованная Швецией, информировала Генерального секретаря ООН, что усилия воспрепятствовать распространению ядерного оружия застопорились главным образом, из-за отсутствия лидерства США. Позиция Вашингтона в отношении распространения была подвергнута критике, и доклад предупреждал, что, если Америка «не будет выполнять роль лидера, будут иметь место новые ядерные испытания и новая гонка ядерных вооружений».

Центральное положение Атлантического сообщества в современном мире

НАТО/государства ЕС

Экономическая и военная мощь Атлантического сообщества делает его центром притяжения мира. На страны НАТО и Евросоюза, всего лишь с 13 процентами населения Земли, проживающими в них, приходится 63 процента мирового ВВП. В 2005 году они произвели товаров и услуг на сумму более 27 триллионов долларов, а их доля в глобальных военных расходах составила свыше 77 процентов, ассигнования в 2005 году только на содержание вооруженных сил превысили 780 миллиардов долларов.

Подготовил Бретт Эдкинс

Но вместо того, чтобы принять на себя руководящую роль. Соединенные Штаты молчаливо одобрили наращивание ядерного вооружения Индией и стойко противились попыткам Ирана сделать то же самое. Европейские союзники Америки выступили за проведение переговоров с Ираном, но убедили Вашингтон рассмотреть эту возможность только в 2006 году. Согласованные трансатлантические усилия решить ближневосточный конфликт могли бы также послужить основой для создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, что могло бы помочь решению взаимосвязанных проблем, вызванных наличием необъявленного ядерного арсенала у Израиля и сомнительным намерением Ирана продолжать свою ядерную программу.

Привычная процедура откровенных трансатлантических консультаций, сознательно направленных на усиление взаимного доверия, могла бы также способствовать преодолению не поддающегося решению тупика, который возник в отношениях Севера и Юга по вопросу о правилах глобализации. «Раунд Дохи» – переговоры в рамках ВТО – «застрял» в основном из-за разногласий между Америкой и Европой, которые облегчили для таких стран, как Япония и Китай, защиту их непосредственных интересов в ущерб глобальному благополучию. Большая гибкость, проявленная Атлантическим сообществом, могла бы воздействовать на Японию (в вопросе о сельскохозяйственных субсидиях) и Китай (в вопросе девальвации национальной валюты и экспорта промышленных товаров), чтобы они заняли более справедливую позицию в переговорах о торговле.

В атлантическом понимании «как все должно было бы быть» есть также аспект, связанный с обеспечением безопасности. Если бы Япония непосредственно участвовала в осуществлении трансатлантической стратегии, и она, и США были бы менее склонны концентрировать внимание на повышении обороноспособности Японии, чтобы противостоять растущей мощи Китая. А это, в свою очередь,

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org дало бы возможность избежать усиления настроений внутри китайской политической элиты, в особенности военной, в пользу укрепления китайско-российских связей по вопросам безопасности.

Тот факт, что Америке не удалось добиться более решительного продвижения в израильско-палестинской проблеме в течение пятнадцати лет ее глобального руководства, представляет еще одно значительное «если бы». Если бы такое продвижение имело место и если бы оно сопровождалось совместным усилием двух сторон принять сбалансированную компромиссную формулу, четко изложенную Соединенными Штатами и Европейским Союзом, то на Ближнем Востоке удалось бы избежать последующего ухудшения положения и роста насилия и трансатлантические отношения определялись бы общей стратегической целью и завершенностью.

Решительный и успешный трансатлантический нажим в 90-х годах в пользу израильско-палестинского урегулирования позволил бы избежать рискованную военную операцию в Ираке, ставшую поражением для самих Соединенных Штатов. Вместо этого возник израильско-палестинский тупик, за которым последовало вторжение США в Ирак, вызвавшее американско-европейский раскол. Утверждать, что усилившийся израильско-палестинский конфликт не был причиной враждебности к США, охватившей арабов, могут только те, кто лично заинтересован в этом. Дестабилизирующий эффект этой враждебности, усиленный войной в Ираке, создает в перспективе риск постепенного выдавливания США из этого региона. Ни правящие в регионе элиты, ни китайцы не проигнорируют эту перспективу. Уязвимые элиты Ближнего Востока нуждаются в иностранном защитнике, а Китай нуждается в стабильном доступе к источникам нефти, которые эти элиты контролируют. Каждая из сторон, таким образом, имеет что предложить другой. То, что соглашение, не отвечающее интересам США, может появиться, не следовало бы игнорировать.

Будет ли у Америки еще один шанс?

Безусловно. В значительной мере это так, потому что ни одна, ни другая сторона не способна играть роль, которую потенциально способна играть Америка и которую она должна играть. Европе все еще не хватает необходимого политического единства и воли, чтобы быть глобальной державой. Россия не может решить, хочет ли она быть авторитарным империалистическим, социально отсталым евразийским государством или действительно современной европейской демократией. Китай быстро поднимается как доминирующая держава на Дальнем Востоке, но у него есть противник, которым является Япония, и все еще не ясно, каким образом Китай разрешит основное противоречие между свободным экономическим развитием и бюрократическим централизмом его политической системы. Индия еще должна доказать, что она сможет сохранить единство и демократию, если ее религиозное, этническое и лингвистическое многообразие станет для нее политическим бременем.

Америка обладает монополией военной мощи в глобальном масштабе, ее экономика не имеет себе равной, а ее способность к технологическому обновлению является несравнимой, и все это вместе обеспечивает ей уникальное мировое влияние. Более того, существует широко распространенное, хотя и не выражаемое открыто практическое признание, что международная система нуждается в эффективной стабилизирующей силе и что наиболее вероятной альтернативой конструктивной роли Америки в скором времени был бы мировой хаос. Разумный глобальный лидер IV должен был бы суметь использовать это понимание, чтобы извлечь из запаса доброжелательного расположения к Америке все, что еще осталось. И хотя враждебность в отношении Соединенных Штатов поднялась до беспрецедентного уровня и все еще не достигла вершины, Америка, которая сознает свою ответственность, выраженную в президентской риторике, чувствительна к сложностям международной обстановки и скорее ищет согласованности, чем резкости в своих внешнеполитических отношениях (короче, совершенно не похожая на ту, которая предприняла недавнюю авантюру), это та Америка, которую большая часть мира все еще хотела бы видеть стоящей у руля современного мира.

Но не следует заблуждаться: потребуются годы целеустремленных усилий и подлинное искусство, чтобы восстановить политический авторитет и легитимность Америки. Следующий президент должен извлечь стратегические уроки из недавних ошибок Америки, так же как и из ее прошлых успехов. Безусловно, исторические умозаключения не могут служить основой для

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org конкретных политических рекомендаций, которые должны учитывать изменившиеся обстоятельства, неожиданные события, новые вызовы. Но критическое осмысление имевших место фактов – как это кратко было изложено на предыдущих страницах – действительно поможет нам определить приоритеты и напомним о фундаментальных реальностях. Это в особенности относится к неиспользованному потенциалу Атлантического сообщества и ко все возрастающим _____ с установлением мира на Ближнем Востоке.

Америка должна извлечь дополнительные преимущества, как было достигнуто ею ранее. В течение длительного периода Европа была главной политической ареной, главной картой в политической игре. Влияние Америки было преобладающим потому, что ее политику отличали мудрость и сдержанность. Ее политика опиралась на прочные союзы и была несомненно направлена на объединение друзей и разделение врагов. Америка решительно проводила в жизнь стратегическую доктрину сдерживания и делала это, несмотря на высокий уровень опасности (особенно в период, когда Советский Союз достиг стратегического паритета с Соединенными Штатами), в условиях котором происходила холодная война. И несмотря на то, что ядерная война между Соединенными Штатами и Советским Союзом могла в любой момент привести к гибели 150 миллионов человек в течение всего нескольких часов, американские лидеры не прибегали к страху как средству поддержания решимости страны (трудно представить себе, что Эйзенхауэр или Рейган могли провозгласить себя «президентами войны») и терпеливо сочетали сбалансированную стратегическую твердость с дипломатической гибкостью.

Эта политика существенно отличалась от той позиции, которую заняла страна, особенно после 11 сентября, в отношении вызовов, исходивших от Ближнего Востока – региона, ставшего новой центральной ареной и новой ставкой для американской сверхдержавы. Эта политика разъединила друзей Америки и объединила ее врагов, страх стал средством обеспечения поддержки политики, и нетерпение, проявляемое в стратегических вопросах, и изоляционистский самоотракизм сузили для США возможности дипломатического маневра.

Но вне сферы этих конкретных проблем приемлемость Америки в качестве будущего мирового лидера зависит от ответов на крупные и сложные вопросы:

1. Природа самой американской системы. Готова ли американская система в структурном отношении к тому, чтобы сформулировать и проводить глобальную политику, которая не только защищала бы американские интересы, но и способствовала глобальной безопасности и благополучию?
2. Американская социальная модель в мире растущих ожиданий. Готово ли американское общество к тому, чтобы выполнять роль глобального лидерства, которая предполагает определенную степень ответственного самоограничения, вытекающего из принципиального понимания глобальных тенденций?
3. Американская оценка нового положения в мире. Есть ли у страны интуитивное осознание, что глобальное политическое пробуждение означает для собственного будущего Америки?

Внешнеполитический процесс

Структурные препятствия, которые ограничивают способность Америки формулировать и выполнять долговременные обязательства глобального лидера, частично коренятся в уникальных обстоятельствах возникновения Америки как государства. Но они также являются результатом перерождения, происшедшего под влиянием, которое оказывают на американскую политическую жизнь современные коммуникационные возможности и деньги.

Американская конституционная система с ее разделением властей была гениальным достижением. Она создала непревзойденную конструкцию, защищающую индивидуальную свободу и то же время обеспечивающую процесс перекрестного контроля за процессом принятия общенациональных решений. Этот сложный механизм был защищен географической изоляцией Америки, и вследствие этого не было непосредственной угрозы для безопасности страны. Более чем 250 лет спустя Америка-сверхдержава прочно переплетена со всем миром и занимает в этом переплетении центральное место. И все же ее лидеры, чувствительные к изменениям внутри страны, но часто замедленно воспринимающие изменение глобальных реальностей, склонны формировать политику глобального значения в

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org основным в соответствии с внутренними стимулами. Это способствует широкому распространению во внешнем мире (небезосновательно) мнения, что местнически настроенная Америка выходит на мировую арену со своими собственными предпочтениями, злободневными лозунгами и своими особыми интересами. И распространившийся скептицизм по поводу объявления Соединенными Штатами «войны с террором» является лишь отражением этой тенденции в последнее время.

Отсутствие организационного механизма глобального планирования как в исполнительной, так и в законодательной ветвях власти осложняет эту проблему. Ни исполнительная, ни законодательная власть не выработали какого-либо официального процесса формирования перспективного взгляда на глобальное будущее и консультаций относительно необходимых политических мероприятий. Исполнительная власть, известная своей слабостью в сфере координации планирования, старается проводить эти вопросы через Совет национальной безопасности, в результате чего долговременные интересы заменяются краткосрочными. А законодательная власть концентрирует внимание почти исключительно на возникающих внутренних проблемах.

Более того, и исполнительная, и законодательная власть, ревностно относясь к своим традиционным прерогативам, не сотрудничают в выработке большой национальной стратегии. Ежегодное послание президента Конгрессу могло бы готовиться при серьезных консультациях с Конгрессом. Вместо этого оно стало в основном ежегодным представлением патриотических лозунгов, партийной гимнастикой, украшенной определенным количеством оваций и участием в церемонии различных «героев», сидящих рядом с первой леди. Слушания в Конгрессе вряд ли выглядят лучше. Их главная цель – выявить последние недостатки исполнительной власти, реальные или нереальные.

Полезным нововведением могло бы стать учреждение постоянного консультативного органа из представителей законодательной и исполнительной ветвей власти для планирования внешней политики, имеющего общий аппарат. Поскольку его главная задача состояла бы в подготовке планирования, а его главная роль – в том, чтобы обеспечивать содержательные консультации между президентом и руководством Конгресса, то деятельность этого органа не создавала бы угрозы разделению властей. Такой орган не подменял бы исполнительских полномочий президента, поскольку он не принимает решений. Но периодические глубокие совместные рассмотрения вопросов глобальной политики с участием руководителей Конгресса помогали бы кристаллизации более широких и согласованных направлений.

Большая согласованность государственной политики также требует создать распространившееся впечатление, возникшее не только в стране, но и за границей, что некоторые аспекты внешней политики США существуют как предмет торга. Возрастающая роль лоббистов внешней политики в Вашингтоне является как причиной такого восприятия, так и его отражением. Хотя лоббисты, представляющие значительную часть избирателей с сильными иностранными связями, уже давно являются частью законодательного процесса, природа их влияния, направление их усилий и их состав сильно изменились, создавая структурные помехи для внешней политики США.

В прошлом этнические лобби, связанные с иностранными интересами, черпали свое влияние от лояльных им и многочисленных, как они утверждали, избирателей в округах. Будь это ирландское или польское лобби, американские политики, особенно кандидаты в президенты, весьма серьезно относились к их настроениям. ФДР (Рузвельт) в период Второй мировой войны во время деликатных переговоров со Сталиным о месте Польши в послевоенной Европе откровенно объяснил свое нежелание официально подтвердить уступки, которые он устно обещал советскому диктатору, тем, что, делая это, он может вызвать раздражение американских избирателей польского происхождения накануне президентских выборов 1944 года.

В более близкие времена возможность мобилизации финансовых средств для проведения выборов в заранее определенных размерах стала более важной причиной влияния лоббистов в сфере внешней политики, чем их заявления о поддержке избирателей в ходе голосования. Причина этого коренится в возросшей зависимости конгрессменов от значительных расходов при почти непрерывно проводимых выборах. Высокая стоимость телекомпаний превратила сбор финансовых средств в намеченном объеме для поддержки кандидата (или, наоборот, для его критики) в важнейший способ усиления влияния лоббистов. Этим и объясняется возрастающая роль влиятельных в Америке израильского,

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org кубинского, греческого, армянского и некоторых других лобби, весьма эффективных в мобилизации финансовой поддержки ради своих особых целей.

Учитывая столь очевидный успех лоббистской деятельности, появление в Америке индийского, китайского или российского лобби, которые также располагают значительными ресурсами для оказания влияния на законодательную деятельность Конгресса, это лишь вопрос времени. (Возникает и мексиканское лобби, но, по-видимому, оно будет оказывать влияние традиционным способом – числом голосов на выборах.) Российская пресса, например, откровенно рассуждает о потенциальных возможностях в сфере внешней политики российского нефтяного лобби, способного нанять лоббистские компании, спонсировать исследовательские институты и участвовать в организации других форм деятельности в целях продвижения российских интересов.

Эффективность такого лоббизма проявляется в расширении законодательной деятельности Конгресса, сознательно направленной на ограничение исполнительной ветви власти в вопросах внешней политики. Первые примеры появились еще в 1974 году с введением эмбарго на поставки оружия в Турцию, организованного греческим лобби, и поправки Джексона-Вэника, устанавливавшей ограничения на торговлю с Советским Союзом до тех пор, пока не будут приняты меры к беспрепятственной эмиграции евреев из СССР. В последнее время законодательные акты такого рода становятся более частыми. Примерами за минувшие 15 лет, в частности, могут служить акты, проведенные через Конгресс соответственно кубинскими, израильскими, тайваньскими и армянскими лоббистами: Акт о кубинской демократии (1992) и Акт Хелмса-Бергона (1996); Ирано-иракский акт о нераспространении оружия (1992); Акт об ирано-ливийских санкциях (1996); Акт об ответственности Сирина (2003) и Палестинский акт против терроризма (2006); Тайваньский акт об усилении безопасности (2000) и поправка 907 к Акту о поддержке свободы, касающаяся главным образом Азербайджана. Христианское лобби проявило активность в продвижении Международного акта о религиозной свободе (1998).

Такое дробление внешней политики оказывает негативное влияние на американские национальные интересы. В своей недавно вышедшей книге «Нужна ли Америке внешняя политика?» Генри Киссинджер писал, что из-за деятельности внутренних групп давления в Америке «Конгресс не только принимает законы, определяющие вопросы внешнеполитической тактики, но и пытается с помощью набора санкций навязать кодекс поведения другим странам. Десятки стран почувствуют теперь на себе эти санкции». В дополнение к более систематическому процессу планирования и консультаций между исполнительной и законодательной ветвями власти в отношении лоббирования должны быть приняты более строгие законы, устанавливающие пределы для иностранцев спонсировать и финансировать действующих в Америке иностранных лоббистов. Более того, сами лоббисты должны подвергаться более тщательной проверке, а финансовое влияние – более детальной финансовой отчетности.

Американская социальная модель

Материальное потакание слабостям, постоянные социальные затруднения и незнание внешнего мира оказывают совокупное влияние, увеличивая трудности, с которыми сталкивается американская демократия в создании глобально привлекательной платформы, обеспечивающей ее эффективное мировое лидерство. Американцы должны осознать, что их стандарты потребления скоро придут в открытое столкновение со все более нетерпеливыми эгалитарными устремлениями. Так или иначе, но эксплуатация естественных ресурсов, чрезмерное потребление энергии, безразличие к глобальной экологии, как и непомерные размеры жилищ для состоятельных людей, пристрастие к самоудовлетворению и удовольствиям свидетельствуют о безразличии к лишениям, которые испытывает большинство людей мира. (Попробуйте представить себе мир, в котором 2,5 миллиарда китайцев и индийцев потребляют на душу населения столько же энергии, сколько потребляют американцы.) Эту реальность американской общественности еще предстоит усвоить.

Для того чтобы руководить, Америка должна не только быть чувствительной к глобальным реальностям. Она еще должна быть и социально привлекательной. Это требует широкого национального согласия в отношении главных недостатков американской социальной модели. Написав «Вне контроля» около десяти лет назад, я перечислил двадцать главных недостатков, которые мешают Америке

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org статья примером, привлекательным для всего мира. С тех пор девять из четырнадцати характеристик, которые могут быть количественно измерены, показали регрессивную тенденцию[8 – Так, за прошедшие 15 лет национальный долг США возрос в абсолютном выражении и в процентах к ВВП; дефицит внешней торговли вырос экспоненциально; чистые накопления значительно снизились как в абсолютном выражении, так и в процентном отношении; возрос процент людей в возрасте до 65 лет, не имеющих страхования жизни; доля богатых в структуре доходов возросла; почти удвоился ущерб от гражданских правонарушений; процент американцев африканского происхождения, живущих за чертой бедности, возрос так же, как и процент американцев, прибегающих к незаконному потреблению наркотиков; возможности социального продвижения бедных понизились.]. В течение этого времени неравенство в доходах, например, значительно возросло: величина самых высоких доходов достигла почти неприличного уровня, в то время как средняя зарплата едва возросла.

Необходимая социальная переоценка не может быть осуществлена быстро, потому что привычки и ожидания глубоко укоренились. Но она может поощряться продуманным гражданским воспитанием, которое придает значение работе во имя более высокой цели, чем работа только на самих себя. Как иногда говорят, главным шагом в этом направлении было бы введение для каждого взрослого обязательной национальной службы в течение какого-то периода, для чего, возможно, потребуются соответствующие законодательные решения относительно характера таких обязанностей внутри страны или за границей. В настоящее время единственной гражданской обязанностью всех американцев является уплата налогов (с лазейками для крупных корпораций и богатых). Даже участие в национальной обороне, за исключением лишь крайних случаев чрезвычайного положения, является добровольным актом, к тому же в финансовом отношении привлекательным для менее привилегированных.

Период национальной службы в интересах глобального общего блага помог бы привить гражданское сознание, что весьма существенно, если Америка должна осуществлять разумное и проникнутое сочувствием глобальное лидерство. Это отвечало бы идеалистическим наклонностям молодежи и давало бы ей возможность получить опыт работы во имя более широкой и самоотверженной цели и могло бы способствовать развитию в обществе понимания долгосрочных внутренних или глобальных выборов, которые нужно будет делать Америке.

Учитывая, что Америка является подлинно демократической страной, ее способность проводить конструктивную глобальную политику должна в конечном счете опираться на хорошо информированное общественное мнение. Однако граждане единственной в мире глобальной страны, принимающей свои решения на основе народной воли, чудовищно не осведомлены о положении в мире. Широкое большинство американского народа мало что знает о мировой истории и географии. Ни печать, ни телевидение не исправляют положения, а система образования особенно слаба именно в этих двух дисциплинах.

Только один процент американских студентов учится за границей, и большинство не имеет даже смутного представления о том, где находятся другие страны. Исследование Национального географического общества, проведенное в 2002 году, показало, что 85 процентов молодых американцев не могли найти на карте Ирак или Афганистан, 60 процентов не могли найти Великобританию, а 29 процентов – показать Тихий океан. Более того, в настоящее время мало американцев изучают языки, которые, по-видимому, будут в будущем важными в международном плане, такие, как китайский или арабский. Общественное невежество, легко усиливаемое страхом, создает неблагоприятную обстановку для любой серьезной дискуссии о том, что нужно Америке для того, чтобы играть конструктивную роль в мире.

В ближайшие годы президент должен будет оказать сильное личное влияние в деле просвещения общественности. Нужно, чтобы он чаще говорил о глобальной ответственности Америки и при этом в такой форме, чтобы не усиливать опасений, а направлять внимание на решение проблемы. Полезную роль, возможно, могли бы играть ежегодные выступления президента о положении дел в мире, публичные комментарии, которые привлекали бы к себе внимание, редакционные статьи и (хотелось бы надеяться) более глубокое понимание, что не только Америка влияет на мир, но и мир оказывает влияние на Америку таким образом, который до недавнего времени невозможно было себе представить.

Наиболее трудная, но в историческом плане наиболее важная задача, стоящая перед Америкой, заключается в том, чтобы довести до мира в целом идею, определяющую суть нового времени. Дважды за историю своего существования Америка уже делала это с всеобщим позитивным результатом. В 1776 году Америка определила значение свободы для мира, который еще только начинал стремиться к ней. В XX веке Америка стала главным защитником демократии от тоталитаризма. В сегодняшнем беспокойном мире Америке необходимо отождествить себя с поиском универсального человеческого достоинства, в котором воплощены свобода и демократия, но которое одновременно предполагает уважение к культурному многообразию и признает, что существующие социальные несправедливости должны быть устранены.

Всеобщая устремленность к обретению человеческого достоинства – это стержень самого феномена глобального политического пробуждения. Как я уже говорил об этом («Американский интерес»), такое пробуждение является социально мощным, политически радикализирующим и географически всеобщим. Хотя глобальный его охват представляет собой новый момент, история самого пробуждения началась с Французской революции 1789 года, которая вызвала сначала во Франции, а затем и во всей Европе заразительную популистскую активность беспрецедентной интенсивности и социального размаха. Рост массового политического сознания стимулировался распространением грамотности и привычкой к чтению (особенно популярных памфлетов), страну приводили в возбуждение популистские митинги, манифесты с пламенной риторикой на площадях и в городских центрах, в многочисленных политических клубах и даже в отдаленных деревнях. Этот взрыв активности охватил не только новую буржуазию и новые низшие городские слои (санкюлотов), но и крестьян, духовенство и аристократов.

В течение последующих веков политическое пробуждение постепенно, но неумолимо распространялось. Либеральные революции 1848 года в Европе и более широкие националистические движения в конце XIX и начале XX века отражали новые популистские страсти и нарастающее массовое брожение. Такое же политическое пробуждение привело к продолжавшейся несколько десятилетий гражданской войне в Китае, включая Боксерское восстание в начале XX века, вызвавшее националистическую революцию, которая завершилась в середине века победой коммунистов. Антиколониальные настроения электризовали Индию, где тактика гражданского неповиновения эффективно обезоружила имперское правление. После Второй мировой войны антиколониальные политические волнения повсюду положили конец остаткам европейских империй.

В XXI веке население большей части развивающегося мира находится в состоянии политического брожения. Это результат осознания населением социальной несправедливости, доведенной до беспрецедентной степени, его возмущения лишениями, которым оно подверглось, и пренебрежением достоинством личности. Почти повсюду доступ к радио, телевидению и Интернету создает сообщество людей, охваченных чувствами негодования и зависти, которые пересекают государственные границы и становятся вызовом существующим государствам и глобальной иерархии, на вершине которой все еще располагается Америка.

Попытки проанализировать будущее Китая или Индии должны учитывать подобное поведение населения, на социальные и политические устремления которого влияют теперь не только факторы исключительно местного происхождения. То же самое происходит и на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Северной Африке, а также среди индейского населения Латинской Америки, настроения которого все больше становятся реакцией на враждебное, как ему представляется, отношение к нему внешнего мира. Многие из тех, кого не устраивает статус-кво, склонны объединяться против тех, кого они воспринимают как заинтересованных в его сохранении.

Особенно неустойчива молодежь «третьего мира». Демографический взрыв, происшедший в возрастной группе до 25 лет, создал огромную массу людей, заряженных нетерпением. Революционная заостренность этой группы рождается среди миллионов студентов, сосредоточенных в вузах развивающихся стран, часто весьма сомнительного интеллектуального уровня. Полуорганизованные в крупные объединения и общающиеся посредством Интернета, они готовы не только повторить то, что происходило в Мехико несколько лет назад и на площади Тяньаньмэнь, но и пойти намного дальше. Потенциальные революционеры, они представляют собой эквивалент воинствующего пролетариата

Подводя итог, следует сказать, что политическое пробуждение в настоящее время является глобальным по своей географии, всеохватывающим по социальной структуре (только отдаленные крестьянские общины все еще остаются политически пассивными), поразительно юным по своему возрастному составу и поэтому восприимчивым к политическим призывам, поступающим из транснациональных источников, вследствие совокупного воздействия грамотности и средств массовых коммуникаций. В результате современные популистские политические страсти могут быть разогреты и направлены даже на отдаленные цели, несмотря на отсутствие такой объединяющей доктрины, как марксизм.

Только идентифицируя себя с идеей всеобщего чувства человеческого достоинства с его основным принципом уважения к культурному многообразию проявлений этого чувства в политической, социальной и религиозной сферах, Америка была бы в состоянии преодолеть риск того, что глобальное политическое пробуждение обратится против нее. Человеческое достоинство подразумевает свободу и демократию, но идет дальше этого. Оно также включает социальную справедливость, равенство полов и, сверх всего этого, уважение к культурной и религиозной мозаике мира. Это еще одна причина того, что поспешная демократизация, навязываемая извне, обречена на неудачу. Устойчивая либеральная демократия выращивается постепенно и укрепляет себя изнутри.

Геополитика глобального политического пробуждения

Глобальное политическое пробуждение исторически является антиимперским, политически антизападным и эмоционально все более антиамериканским. В своем развитии оно вызывает смещение центра глобального притяжения. А это, в свою очередь, в глобальном масштабе меняет расположение центров власти и оказывает серьезное влияние на роль Америки в мире.

Главным геополитическим эффектом глобального политического пробуждения становится кончина имперской эры. Империи существовали на протяжении всей истории, и с недавних пор американское преобладающее влияние часто изображалось как новая глобальная империя. На самом деле это скорее неверное использование понятия, подразумевающего преемственность качеств прежней имперской системы. Но некоторое сходство неоспоримо, и это делает Америку мишенью антиимпериалистических настроений.

Имперская стабильность исторически зависела от искусства власти, высокой военной организации и, что важнее всего, политической пассивности со стороны угнетаемых народов в отношении их менее многочисленных, но более активных поработителей. (Британцы в свое время контролировали Индию всего лишь с четырьмя тысячами государственных чиновников и полицейских.) Первоначально империи развивались путем территориальной экспансии, распространяемой на сопредельные территории, – метод, который в недавние времена использовала Российская (а затем советская) империя. Более поздние западноевропейские империи возникали главным образом путем использования превосходящих возможностей морского флота ради интересов торговли и удовлетворения потребностей в ценном сырье. Современный империализм, таким образом, в основном западного происхождения.

Это развитие достигло своего апогея к концу XIX века и в течение XX века находилось в состоянии спада. Хотя непосредственными причинами упадка империи были две мировые войны, решающее значение имело политическое пробуждение угнетенных народов: националистическая агитация, растущее стремление к политической самостоятельности, осознание социальной ущемленности, которое усиливалось иностранным господством, унижающим достоинство личности. Антиимперские и антиколониальные движения, таким образом, вызывались накалом политических страстей.

Приводимая ниже таблица дает представление о том, как драматично сокращалась продолжительность жизни последних империй. И кроме того, из нее следует, что в наше время международное влияние, вероятно, обойдется слишком дорого и в конечном счете может оказаться контрпродуктивным, если другие будут видеть в нем возвращение к имперскому господству. В этом заключается важный урок для страны, доминирующей в мире в настоящее время:

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org единственным реальным путем осуществления лидерства становится не прямое, а косвенное, гибкое и согласованное управление. Американская модель не является ни Римской, ни Британской империей; возможно, в будущем китайцы смогут извлечь более полезный урок из своего имперского прошлого, изучив, как может работать система дифференцированного обложения данью.

Во всяком случае, совокупное воздействие глобального политического пробуждения и современной технологии способствует ускорению политической динамики. То, что раньше требовало столетий, сегодня требует лишь десятилетия, а то, что требовало десятилетия, теперь происходит в течение одного года. Отныне верховенство любой державы будет подвергаться все возрастающему давлению – необходимости адаптации, изменения и в конце концов упразднения. Динамизм популистско-политического пробуждения, охватывающего прежде на любом континенте пассивное большинство человечества, свидетельствует не только о том, что время традиционных империй уже позади, но и о том, что деспотическое глобальное господство какого-то одного государства исторически непродолжительно.

Помимо этого, глобальная системная нестабильность во многих частях мира может возникнуть вследствие споров о существующих государственных границах. Государственные границы, особенно в Азии и Африке, часто представляют собой имперское наследие и не совпадают с этническими или лингвистическими границами. Эти границы становятся ненадежными перед напором растущего политического сознания, которое ведет к более настойчивым территориальным притязаниям. В длительной перспективе даже китайско-российская граница непригодна для обороны, учитывая резкие демографические несоответствия на Дальнем Востоке.

В основном антизападный характер популистского активизма мало связан с идеологическими или религиозными пристрастиями, а скорее – с историческим опытом. Западное (или европейское) доминирование является частью живой памяти сотен миллионов азиатов и африканцев, а частично и латиноамериканцев (хотя в данном случае острие недовольства направлено на Соединенные Штаты). Такая память может быть неточной, даже фактически неверной, но это часть исторического опыта, определяющего политическое содержание нового самосознания. В большинстве государств национальная идентичность и национальная эмансипация ассоциируются с концом иностранного имперского господства, и конец его часто изображается как героический эпос самоотверженного жертвоприношения. Так обстоит дело не только в таких крупных и самоутверждающихся странах, как Индия или Китай, но и в таких, как Конго или, скажем, Гаити.

Таким образом, антизападничество – это больше, чем просто популистское отношение. Это неотъемлемая часть сдвигов глобального демографического, экономического и политического баланса. незападное население уже намного превышает численность населения евро-атлантического мира (к 2020 году население Европы и Северной Америки, по-видимому, составит только 15 процентов населения мира). Но политически активизировавшаяся часть незападного населения существенным образом влияет на происходящее в мире перераспределение власти. Возмущение, эмоции и стремление к утверждению статуса миллиардов людей стали качественно новыми факторами власти.

Снижение имперского долголетия

Приводятся данные о длительности существования основных империй, определяемых как институционализированные системы управления многоязычными и многоэтническими сообществами администраторами, способными усваивать и практически осуществлять письменные указания, исходящие из центра. Таблица не включает кратковременные имперские образования, возникавшие в результате завоеваний и существовавшие лишь в течение жизни завоевателя. Начало возникновения империи совпадает с появлением первого акта об управлении иноземным населением, а конец – с утратой большинства иностранных владений.

Подготовили Томас Вильямс и Бретт Эдкинс

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org
Самым убедительным свидетельством такого изменения является возросшая экономическая мощь азиатских государств. Каковы бы ни были подлинные перспективы Китая, Японии, Индии и Южной Кореи, так же как и Индонезии, Пакистана и Ирана, большинство этих стран скоро встанут в один ряд с европейскими государствами в качестве наиболее динамичных и расширяющихся экономик. К ним следует также отнести Бразилию и Мексику и, возможно, некоторые другие неазиатские государства, и не приходится удивляться тому, что контролируемые Западом глобальные финансовые институты, такие как Всемирный банк, МВФ и ВТО, начинают испытывать возрастающее давление в сторону пересмотра существующих правил принятия решений этими организациями.

По-видимому, Восточная Азия будет следующим регионом, который станет определять свои экономические и политические интересы на транснациональной основе либо с Китаем у руля восточноазиатского сообщества при некоторой маргинализации Японии или (что менее вероятно) с Китаем и Японией, если они сумеют создать какую-то форму партнерства. (Японцы, стремясь ослабить огромное превосходство Китая, настаивают на возможности членства в возникающем азиатском сообществе Соединенных Штатов и Австралии.) Но даже суженный вариант такой конфигурации представлял бы серьезное изменение в мировых делах и значительно понизил бы традиционное евро-атлантическое доминирующее положение. По существу, происходит формирование тройной конфигурации, состоящей из Соединенных Штатов, Европейского Союза и Восточной Азии с Индией, Россией, Бразилией и, может быть, Японией, предпочитающими действовать как государства, меняющие свои позиции согласно своим национальным интересам. Сохраняющееся у России чувство ущемленности в связи с особым статусом Америки вызывает у Москвы искушение ассоциироваться с усиливающимися соперниками Америки.

Глобальное население, 2005 год

Подготовил Бретт Эдкинс

Не исключено, что в какой-то момент мы столкнемся с коалицией, более четко направленной против США, возглавляемой Китаем в Восточной Азии и Индией и Россией в Евразии. Затем в нее может быть вовлечен и Иран. Хотя сейчас все это может показаться очень отдаленным, нелишне вспомнить, что после впервые проводившейся летом 2006 года в С.-Петербурге встречи Китая, Индии и России на высшем уровне некоторые китайские специалисты по внешней политике ностальгически вспоминали, что в свое время Ленин выступал за антизападный альянс именно этих трех стран. Они указывали, что такой альянс охватил бы 40 процентов населения Земли, 44 процента ее территории и 22 процента ВВП.

Глобальные военные расходы, 2005 год

В сегодняшнем значительно усложненном глобальном контексте многое зависит от того, удастся ли Америке восстановить некоторую степень взаимного доверия в ее отношениях с исламским миром. Затянувшаяся неспособность сделать это создаст для Китая возможности повысить свою роль не только в отношении Индонезии и Пакистана, но и в отношении Ирана и государств Персидского залива.

Глобальный ВВП, 2005 год

Подготовил Бретт Эдкинс

Если позиции Америки в регионе будут ухудшаться и дальше, китайское политическое присутствие здесь будет горячо приветствовать. Это значительно повысило бы глобальное влияние Китая и могло бы подвергнуть некоторые европейские страны искушению считать, что укрепление особых отношений с

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org энергично развивающимся сообществом стран Восточной Азии отвечает долговременным интересам Европейского Союза.

При нынешней растущей глобальной задолженности Америки (она сейчас заимствовала примерно 80 процентов мировых накоплений) и огромном внешнеторговом дефиците финансовый кризис большого масштаба, особенно в эмоционально накаленной атмосфере, повсеместно пронизанной антиамериканскими настроениями, мог бы иметь тягчайшие последствия для благосостояния и безопасности Америки. Евро становится серьезным соперником доллару, и возникают разговоры об азиатском сопернике как для евро, так и для доллара. Враждебная Азия и поглощенная собой Европа в какой-то момент могут стать менее склонными продолжать финансировать задолженность США.

Для Соединенных Штатов из этого следует несколько выводов. Во-первых, для Америки важно сохранять и укреплять ее особые трансатлантические связи. Соединенные Штаты нуждаются в политически целеустремленной Европе в качестве глобального партнера. Но если Америка нуждается в помощи Европы для того, чтобы формировать глобально ответственную политику, то Европа нуждается в Америке в еще большей степени. Иначе она может впасть в эгоцентричный и вызывающий разногласия национализм, уходя от решения крупных глобальных задач. Если Турция и Украина будут убеждены, что дорога в Европу для них закрыта, то Турция может оказаться в беспокойном и охваченном религиозными страстями Ближнем Востоке, а Украина в силу своей уязвимости будет возбуждать все еще не изжитые имперские амбиции России.

Но учитывая, что новые глобальные политические реальности указывают на упадок традиционного западного доминирования, Атлантическое сообщество должно стать открытым для участия в нем успешных незападных государств настолько насколько это возможно. Перво-наперво это диктует необходимость серьезных усилий, направленных на привлечение Японии (а расширяя их, и Южной Корее) к участию в важнейших трансатлантических консультациях. Это также должно предусматривать особую роль Японии в планировании безопасности расширенным НАТО, так же как и ее добровольное участие в некоторых миссиях НАТО. Короче говоря, избирательно привлекая наиболее развитые и демократические неевропейские государства к более тесному сотрудничеству по глобальным вопросам, доминирующий центр сдерживания, богатства и демократии может и впредь оказывать свое конструктивное международное влияние.

Почти с уверенностью можно сказать, что Япония в скором времени выйдет из своего пацифистского состояния, что было вполне понятной реакцией на ужасы Хиросимы и Нагасаки, в последующем освященной в ее Конституции, которую составляла Америка, и перейдет к системе безопасности, в большей мере полагающейся на собственные возможности. Сделав такой шаг, Япония неизбежно станет значительной военной силой. Ее участие и мероприятиях, проводимых НАТО, и в некоторых миротворческих миссиях представляло бы собой менее враждебный вызов Китаю, чем Япония, рассматриваемая в Пекине как продолжение американского военного присутствия на Дальнем Востоке или как страна, наращающая собственную военную мощь.

Америка также заинтересована в китайско-японском примирении, так как это поможет вовлечь Китай в более широкую глобальную систему безопасности, снижая перспективы потенциально опасного китайско-японского соперничества. Хотя Япония, тесно связанная с Западом, и отвечает американским интересам, из этого не следует, что враждебность между Японией и Китаем выгодна Америке или Восточной Азии. Напротив, маловероятно, что китайско-японское примирение имело бы своим результатом превращение Японии в страну, выступающую за восточноазиатское сообщество, в котором в основном в его материковой части доминирует Китай и из которого будет все более вытесняться Америка. Контакт с Китаем, союз с Японией и стабильное китайско-японское урегулирование поэтому взаимосвязаны.

Китайцы терпеливы и расчетливы. Это дает Америке и Японии, так же как и расширяющемуся Атлантическому сообществу, время, чтобы привлечь Китай к совместной ответственности за глобальное лидерство. В предстоящие годы Китай станет либо ключевым игроком в более справедливой глобальной системе, либо главной угрозой стабильности этой системы из-за внутреннего кризиса или какого-либо внешнего вызова. Исходя из этого. Соединенные Штаты должны поощрять возрастающее участие Китая в различных международных институтах и предприятиях.

Пришло время признать, что встреча мировых лидеров «Большой восьмерки»

Бжезинский Збигнев Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы filosoff.org стала анахронизмом. Вопреки утверждениям, членство в ней не означает, что страны, входящие в нее, являются передовыми в экономическом отношении и подлинными демократиями. Россия не отвечает ни одному из этих критериев, а отсутствие Китая, так же как и Индии, Бразилии, Индонезии и Южной Африки, показывает, что «Восьмерка» стала пережитком прошлого и должна уступить место новым структурам. Новая ежегодная консультативная встреча в верхах должна объединять ключевые политические и экономические державы для очень нужного диалога о глобальных условиях и тенденциях. Учитывая отсутствие Китая в «Большой восьмерке», Соединенным Штатам следует особенно консультироваться с Китаем относительно членства и повестки по наиболее важным проблемам.

Более представительный орган – даже если и не формальный, и не входящий в систему ООН – мог бы, действуя методами, которые больше отвечают духу времени, заняться такими проблемами, как справедливость в вопросе нераспространения ядерного оружия, разделение бремени, связанного с облегчением глобальной бедности или общей необходимостью и для богатых, и для бедных стран рассмотреть проблемы глобального потепления. Сегодня обсуждение этих вопросов в «Большой восьмерке» ведется в условиях, уже исторически изжитых.

Однако даже с этой новой организацией именно Америке все еще предстоит направлять движение к общей цели в этом беспокойном мире. Америка есть и на некоторое время еще останется единственной державой, обладающей достаточным потенциалом, необходимым для того, чтобы глобальное сообщество развивалось в нужном направлении. Но ее способность делать это может потребовать своего рода национального прозрения, которое, наверное, лучше всего можно было бы выразить (возможно, с риском некоторого преувеличения) двумя понятиями, пользующимися дурной славой: «культурная революция» и «смена режима». То, что и Америка, и американская политика нуждаются в обновлении, вытекает из понимания американским народом революционного воздействия политически более активного человечества.

Основные требования, предъявляемые к глобальному руководству, сегодня сильно отличаются от тех, которые были во времена Британской империи. Военной силы, даже подкрепленной экономической мощью и изощренной стратегией высшей элиты, уже недостаточно, чтобы обеспечить имперское доминирование. В прошлом сила контроля превышала силу разрушения. Требовалось меньше усилий и затрат, чтобы управлять миллионом людей, чем для того, чтобы убить миллион человек.

Сегодня наоборот: сила разрушения превышает силу управления. И средства разрушения становятся более доступными для большего числа действующих лиц – как для государств, так и политических движений. В результате при абсолютной безопасности для немногих (особенно для Америки) безопасность для всех становится лишь относительной, коллективная уязвимость ставит во главу угла интеллектуальные качества умного совместного руководства, подкрепленного силой, которая считается законной. Теперь глобальное лидерство должно сопровождаться социальной сознательностью, готовностью к компромиссам, касающимся собственной суверенности, культурной привлекательностью, не сводящейся к гедонистскому содержанию, и подлинным уважением к разнообразным человеческим традициям и ценностям.

С наступлением глобальной эры доминирующая держава не имеет другого выбора, кроме как проводить внешнюю политику, подлинно глобалистскую по своему духу, содержанию и масштабу. Ничего не может быть хуже для Америки и в конечном счете для всего мира, чем восприятие американской политики в постимперскую эру как самонадеянно имперской, увязшей в колониальном прошлом вопреки наступившему постколониальному времени, эгоистически безразличной в условиях беспрецедентной глобальной взаимозависимости и уверенной в собственной культурной ценности в религиозно разделенном мире. Кризис американской сверхдержавы стал бы тогда смертельным.

Необходимо, чтобы после 2008 года второй шанс Америки был реализован более успешно, чем первый, потому что третьего шанса не будет. Америке нужно безотлагательно сформировать внешнюю политику, действительно соответствующую обстановке, сложившейся в мире после окончания холодной войны. Она еще может это сделать при условии, что следующий американский президент, сознавая, что «сила великой державы уменьшается, если она перестает служить идее», ошутимо свяжет силу Америки с устремлениями политически пробудившегося человечества.

Выражение признательности

Авторы традиционно выражают признательность за помощь, оказанную им при написании книг. Я с удовольствием это делаю, полагая, что краткость не является неуважением традиции. Поэтому я буду краток.

В течение последней четверти века Центр стратегических и международных исследований (ЦСМИ) был моим интеллектуальным домом. Свойственный ему дух двухпартийности и творческого соединения стратегии, дипломатии и экономики, а также его уникальное сочетание академизма и практического участия в ключевых вопросах политики принесли мне большую пользу.

В течение более чем десятилетия я председательствовал на ланчах, устраивавшихся два раза в месяц в связи с обсуждениями текущих проблем в Институте внешней политики Школы углубленных международных исследований при Университете Джона Гопкинса. Разнообразный состав участников этих ланчей создавал идеальную обстановку для обстоятельных обзоров наиболее важных текущих проблем, возникавших перед Америкой.

Кэндис Веслинг, мой специальный помощник по ЦСМИ, была исключительно эффективной, установив надежный и в то же время удобный порядок для выполнения моих различных обязанностей, тем самым давая мне возможность сосредоточиться на написании этой книги.

Томас Уильямс, мой помощник по научным исследованиям в период написания этой книги, и Бретт Эдкинс, его преемник на заключительной стадии подготовки к публикации, обеспечили крайне необходимую помощь для этого дела. Том подготовил тщательнейшие детальные материалы, на основе которых я заканчивал книгу, а также предложил ряд дополнительных важных направлений исследования. Бретт разработал большинство схем и диаграмм и так же, как и Том, внимательно прочитал мои первоначальные наброски. Я надеюсь, что оба они сделают много полезного в предстоящие годы.

Уильям Фрухт, мой редактор, улучшил мои рукописи, не переписывая их, подчеркивая мои акценты и поощряя новые линии исследования, и делал все это с уважением к моим первоначальным намерениям. Он – безупречный редактор.

И наконец, моя жена – она была терпелива и воодушевляла меня.
Примечания

1

То, что Клинтон был обеспокоен этой проблемой и переживал за исход дела, нашло отражение в той настойчивости, с какой он старался советоваться по нему даже с аутсайдерами. Вернувшись в США после поездки в Китай, я был на пляже на Гавайях, куда мне позволил президент, который хотел услышать мое мнение, можно ли считать целесообразным введение целенаправленных санкций, например, в отношении промышленности, контролируемой китайской армией.

2

Ньют Гингрич лидер Республиканской партии, ставший после победы на выборах в Конгресс в 1994 г. спикером Палаты представителей и подвергавший нападкам президента Клинтона. – Прим. ред.

3

«Глобалония» – термин, введенным американским политэкономом Майклом Весетом в изданном в 2005 г. книге (Michael Veseih. Globaloney: Unraveling the myths of Globalization – Глобалония: разгадывая мифы глобализации) для обозначения далекого от действительности, одномерного, рассчитанного на массовый спрос представления о глобализации. – Прим. ред.

4

Так мусульмане называют Храмовую гору. – Прим. ред.

5

Обращение подписали: Элиот Абрамс, Ричард Л. Армитедж, Уильям Дж. Беннет, Джеффри Бергнер, Джон Болтон. Паула Добрянски. Фрэнсис Фукуяма, Роберт Каган, Зал май Халилзбад. Уильям Кристола, Ричард Перл. Питер У. Родман. Дональд Рамсфелд, Уильям Шнейдер-мл... Вин Вебер, Пол Вулфовиц, Р. Джеймс, Вулси и Роберт Зеллнк.

6

Американской и мировой общественности стали известны факты о пытках и издевательствах американских солдат над иракскими пленниками в тюрьме Абу-Грейб, близ Багдада. – Прим. ред.

7

Fait accompli (франц.) – свершившийся факт.

8

Так, за прошедшие 15 лет национальный долг США возрос в абсолютном выражении и в процентах к ВВП; дефицит внешней торговли вырос экспоненциально; чистые накопления значительно снизились как в абсолютном выражении, так и в процентном отношении; возрос процент людей в возрасте до 65 лет, не имеющих страхования жизни; доля богатых в структуре доходов возросла; почти удвоился ущерб от гражданских правонарушений; процент американцев африканского происхождения, живущих за чертой бедности, возрос так же, как и процент американцев, прибегающих к незаконному потреблению наркотиков; возможности социального продвижения бедных понизились.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!